

ФАНТАСТИКИ

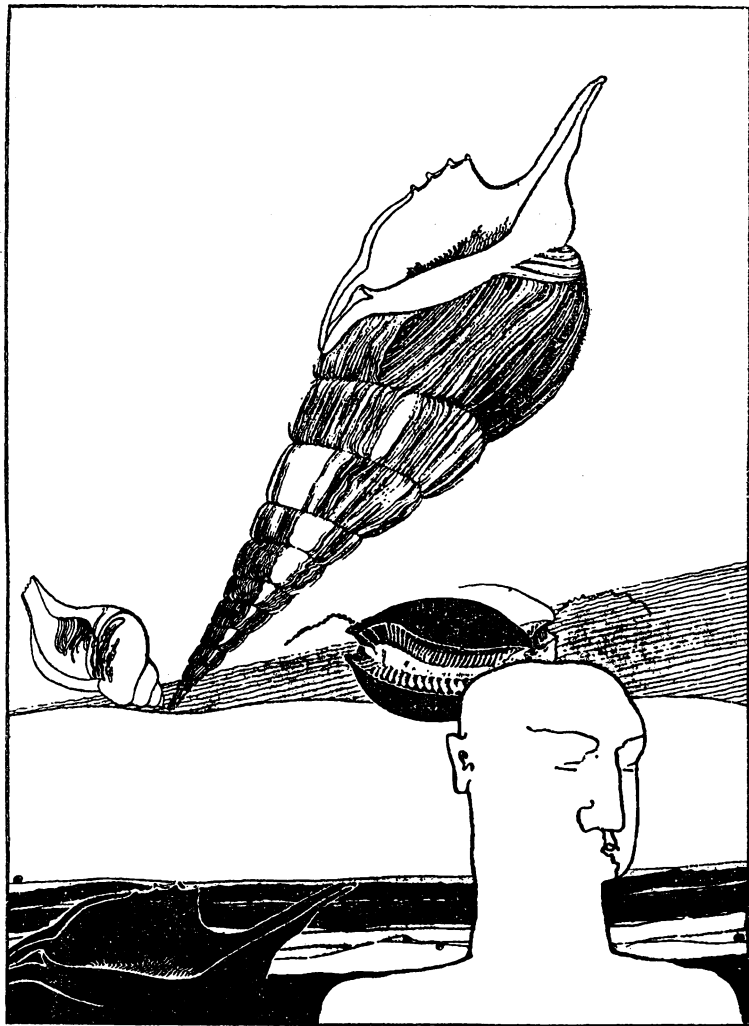
АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ДОЖДЬ НА ОКЕАНОМ



Б
С
И
О
Б
В
Л
Е
И
Т
О
С
Т
К
Е
О
К
И
А

Дождь
над
окном



Б И Б Л И О Т Е К К И
Ф А К Т О Р А Т С Т К И К И

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

**ДОЖДЬ
НА
ОКЕАНОМ**



МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

ББК 84Р7

Б 94

Бушков А. А.

Б 94 Дождь над океаном. — М. : Мол. гвардия, 1990. — 271[1] с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

ISBN 5-235-01042-6

Прошлое, настоящее и будущее нашей планеты крепко связаны между собой рукой молодого сибирского фантаста. Факты истории и сугубо фантастические реалии завтрашнего дня естественно переплетаются в замысловатый сюжетный ковер. Вопросы же, которые ставит и на которые пытается ответить автор, извечны — что есть Добро, Зло, Вера, Надежда, Любовь.

Б $\frac{4702010201-262}{078(02)-90}$ КБ—015—033—90

ББК 84Р7

ISBN 5-235-01042-6

© Бушков А. А., 1990 г.

К ЛОВОТЕРИЙ- СКАЯ БЫШНО



БРАТУ МОЕГО ДЕДА,
ПОРУЧИКУ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

...Но они все равно пытались спасти корабль, эти лысые от рождения и зеленокожие от рождения ребята с двумя парами конечностей и двумя парами глаз, они боролись отчаянно, делали что могли, а потом делали и невозможное. Так уж устроены звездолетчики, пусть и зеленокожие, пусть корабль был всего-навсего небольшим чартером, транспортом для перевозки экзотических зверей с планет трех созвездий и одного шарового скопления. Кодекс чести требовал спасти корабль.

Но стопроцентная надежность техники, увы, навсегда останется гордой легендой. Всегда сохраняется сотысячная, стомиллионная доля процента, и разве легче оттого, что эту долю порой олицетворяет один-единственный звездолет?

Когда стало ясно, что все усилия бессмысленны, зеленокожий капитан с непроизносимым земными устами именем, спасая экипаж, отстрелил грузовую секцию, и она, мгновенно лишившись искусственной гравитации, тут же перестала существовать как единое целое, десятки шарообразных бронекапсул-клеток брызнули во все стороны от стержня, оси, пустотелой трубы — словно зерна из кукурузного початка; и ось, сминаясь в гармошку, а потом в бесформенный комок, начала недлинное странствие, чтобы сгореть в пламени желтого карлика, известного обитателям его третьей планеты как Солнце. Секция экипажа, подавая сигнал SOS, ушла в прежнем направлении, к Ригелю. А большая часть

капсул-клеток упала на Солнце вслед за осью, несколько ушли в бесконечное странствие по космосу, ненадолго продлив агонию заключенных в них диких и инопланетных тварей; шесть капсул всосал гигантский газовый пузырь Юпитера, четыре окунулись в пояс астероидов, три размазало по холодной песчаной поверхности Марса, одна вызвала яркую вспышку на Луне, в Море Ясности. А одна капсула, та самая минимальнейшая, но теоретически реальная вероятность — стала реальностью практической. По отлогой кривой, идеальному баллистическому «коридору входа» она вошла в стратосферу планеты Земля, потом в облака, потом в год одна тысяча восемьсот семьдесят восьмой от рождества Христова...

...Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Так утверждали древние и, быть может, не ошибались.

Белавинского гусарского полка поручик Сабуров вошел в происходящее легкой кавалерийской походочкой, как входили господа русские офицеры и на блестящий паркет балов, и на дуэльную опушку, и в домик белотелой вдовушки, и на Сенатскую площадь — решительно и беспечно, но осознавая в глубине души, что дальнейшая жизнь таит перемены. Знать бы только, какие?

Паровоз засвистел, заухал, зашипел, зафыркал, пустил дым, дернул вагоны, и они, разноцветные, поплыли мимо Сабурова, навсегда уносясь из его жизни. Поезд длинно просвистел за семафором, и настала тишина, а дым развеяло в спокойном воздухе. «Чох якши», — сказал себе мысленно поручик Сабуров, и от окружающего благолепия ему на глаза едва не навернулись слезы. Это для здешних обывателей тут было скучное захолустье, затрюханный уезд, забытый господом богом и губернскими властями. Для поручика Сабурова тут начиналась Россия. Можно спокойно ложиться спать,

не боясь, что ночью змеями подползут красные фески и твоя голова будет назавтра красоваться где-нибудь на лужку перед жирным пашой, — сам ты этого видеть, понятно, не сможешь, но все равно неприятно, что твоя буйная головушка посмертно странствует в тороках у нехристей...

И уже не слышать отныне диких завываний «алла!» и не видеть жуткие статуи — замерших в горных теснинах часовых, и кровушка не льется водицей, и не сверкают бритвенной остроты ятаганы, и вышел почетный мир. Победа. Звонкая, веселая, справедливая победа. Все кончено. Огромное облегчение на душе, и тут же чего-то словно бы жаль немножечко. То ли невзятото Царьграда — Константинополя — Стамбула, то ли... Знать бы, господи! «А дали мы им все-таки, — подумал поручик Сабуров, — и за Севастополь дали, и вообще». Он хотел украдкой обозреть грудь, на коей сверкали «георгий» 4-й степени, «анна» 3-й и «vlадимир» с мечами, — но постеснялся.

Огляделся вокруг да около, и вдруг неизвестно почему показалось, будто все это, вот это самое место, уже было в его жизни однажды — красное зданье вокзала с обведенными белой краской полуколоннами и карнизами, затейливая, в кирпичных кружевах водокачка, пузатый станционный жандарм, сидящие в траве мужики, возы с распряженными лошадьми, хрумкающими овес, чахленькие липы. Хотя поручик был здесь впервые в жизни.

Он подхватил свой кофр-фор и направился в сторону телег — путь предстоял неблизкий, и следовало поспешать, подыскать оказию.

И тут сработало чутье, звериное ощущение опасности и тревоги — эхо войны, способность, подаренная войной то ли к добру, то ли к худу, награда войны и ее память. Может, причиной было испуганное лицо мужика, высмотревшего что-то за спиной поручика, может, нечто другое. Поручик Сабуров быстрым взором окинул

окрест, и рука привычно дернулась было к эфесу, но вовремя отдернулась.

Его умело обкладывали.

Пузатый станционный жандарм оказался совсем близко, позади; справа надвигались еще двое, помоложе, ловкие и сильные на вид, и слева надвигались двое таких же ражих, а спереди подходили ротмистр в лазоревой шинели и какой-то в партикулярном, неприятный. Лица у всех и жадно-азартные, и испуганные чуточку — как перед атакой, право слово, только где же эти выдвигали атаки и хаживали в них?

— Па-атрудитесь оставаться на месте!

И тут же его замкнули в плотное кольцо, сторожа каждое движение, сапогами запахло, луком, псарней. А Сабуров опустил на землю кофр-фор и осведомился:

— В чем дело?

Он нарочно не добавил «господа». Много чести.

— Па-атрудитесь предъявить все имеющиеся документы, удостоверяющие вашу личность, — сказал ротмистр. Лицо длинное, узкое, щучье.

«Но я-то тебе не жерех», — подумал поручик.

— А с кем имею?

И он снова нарочно не добавил «честь». А вот им хрен.

— Отдельного корпуса жандармов ротмистр Крестовский, — сообщил офицер сухо. И добавил малую толику веселее: — Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. Изволили слышать о таком департаменте?

Издевался, щучья рожа. Как будто возможно было родиться в России, войти в совершеннолетие и не слышать о третьем отделении — как там, что там, что к чему и почему. Лицо ротмистра Крестовского являло столь незыблемое служебное рвение и непреклонность, что сразу становилось ясно: протестуй ты не протестуй, крой бурлацкой руганью или на чистом французском поминай дядю-сенатора, жалуйся, грози, плюй в рожу —

на роже ни одна жилочка не дрогнет. Поручик это понял, хотя за два последних года от голубых мундиров отвык — что-то они не встречались в действующей на театре боевых действий армии (хотя какой-то там отдельный дивизион лазоревых и торчал в тылах). Теперь приходилось привыкать наново и вспоминать, что возмущаться негоже — глядишь, боком выйдет...

Документы Сабурова поручик изучал долго — и ведь видно, что изучил вдоль-поперек-всяко и все для себя определил, но тянет волюнку издевательства ради. Злишься небось, что в офицерское собрание вас не пускают, подумал поручик Сабуров с целью обрести хоть какое-то моральное удовлетворение.

— По какой надобности следуете? Из бумаг не явствует, что по казенной.

— А по своей и нельзя? — спросил поручик Сабуров, тараща глазенки, аки дитя невинное.

— Объяснитесь в таком случае, куда и зачем, — сказала Щучья Морда. Бумаги пока что не вернула.

Поручик Сабуров набрал в грудь побольше воздуха, словно собрался нырнуть в воду, и затянул:

— Будучи в отпуске из действующей армии до октября месяца ради поправления здоровья от причиненных на театре военных действий ранений, что соответствующими бумагами подтверждается, имею следовать на собственный кошт до города, обозначенного на вышестоящим начальством утвержденных картах как Губернск...

Он бубнил, как пономарь, не выказывая тоном иронии, но с такой нахальной развальдой талдыча, что издевку чувствовали все, даже состоящий при станции жандарм.

— ...в каковом Губернске предстоит отыскать вдову коллежского советника Марью Петровну Овсянникову для передачи последней писем и личных вещей покойного сына ее Белавинского гусарского полка подпоручика Овсянникова, каковой геройски пал за бога, царя

и отечество в боях под городом Плевен, в каковом и похоронен согласно...

— Ради бога, достаточно, — оборвал его ротмистр Крестовский. — Я уяснил суть анабазиса вашего. Что же, маху мы дали, господин Смирновский?

Это тому, партикулярному. Партикулярный чин (а видно было, что не простой это уличный шпион — именно чин), пожав плечами, вытянул из кармана изрядно уже потрепанную бумагу:

— Что поделать, Иван Филиппыч, — сыск... Смотрите, описание ведь подходящее: «Роста высокого, сухощав, бледен, лицо продолговатое, глаза голубые, белокур, в движениях быстр, походка уверенная, может носить усы на военный манер, не исключено появление в облике чиновника либо офицера». Подполковника Гартмана, царство ему небесное, наш как раз и упокоил, в военном мундире будучи...

— Интересная бледность — это у девиц, — сказал поручик Сабуров. — А я всегда был румян.

— Может, это вы попросту загорели, — любезно сообщил господин Смирновский. — А господина Гартмана злодейски бомбою убивая, были бледны.

— Господин Гартман, надо полагать, из ваших? Отдельного корпуса?

— Именно. Питаете неприязнь к отдельному корпусу?

— Помилуйте, с чего бы вдруг, — сказал поручик Сабуров. — Просто как-то так уж вышло, что я по другой части, мундир другого цвета.

— Каждый служит государю императору на том месте, где поставлен, — сказала Щучья Морда.

— О том самом я и говорю, — развел руками поручик. — Вай-ана сани! *

Губы Щучьей Морды дрогнули:

— Па-атрудитесь в пределах Российской империи

* Грубое турецкое ругательство.

говорить на языке, утвержденном начальством! Па-атрудитесь получить документы. Можете следовать далее. Приношу извинения, служба!

И тут же рассосались жандармы, словно приснились, миг — и нету, вернулся на свое место пузатый станционный страж, ротмистр со Смирновским повернулись кругом, будто поручика отныне не существовало вовсе, и Сабуров услышал:

— Отправить бы его отсюда, Иван Филиппыч, чтобы под ногами не путался.

— Дело. Займитесь, — сказал Крестовский, ничуть не заботясь, слышит их поручик или нет. — Выпихните в Губернск до ночи сего путешественника. Черт, однажды уже пускали в заграницы таких вот, потом дошло до декабря. Закрыть бы эту за границу как-нибудь, чтобы — ни туда, ни оттуда...

Смешок:

— Так ведь императрицы — они у нас как раз из заграниц...

— Все равно.

— Ну, этот-то — от турок. Азия-с...

— В Азии тоже веет... душком.

И ушли. А Сабуров остался в странных чувствах — было тут и изумление, и гнев, но больше всего ярости. Как нижний чин — вахмистр ему хлещет по роже, а тот в ответ — упаси боже, сделай руки по швам и терпи молча... И плевать им, что ты выиграл турецкую войну.

Плюнул и решил выпить водки в буфете. Подали «Шустовскую», хлебушка черного, русского (у болгар похож, а другой), предлагали селянку, но попросил сальца — чтобы с мясом и торчали зубчики чеснока, пожелтевшие уже, дух салу передававшие. Выпил рюмку. Занюхал хлебом, пожевал сальца. Еще выпил. Ужасно медленно возвращалось прежнее чувство благолепия.

О чем шла речь, кого искали голубые, он сообразил сразу. Давно уже было известно — больше по скупым слухам, — что в России, как и в Европе, завелись ре-

волюционеры. Как в Европе, кидают бомбы, метко и не очень палят по властям предрежающим и самому государю императору, пытаются взбунтовать народ, но ради чего это затеяно и кем — совершенно непонятно. Никто этих революционеров не видел, никто не знает, кто они такие, много их или мало, то ли они в самом деле наняты жидами и ляхами, то ли, как пятьдесят четыре года назад, мутню начинают самые что ни на есть русские люди. По слухам, есть даже значащиеся в Бархатной книге, а потому наемными они оказаться никак не могут. Но вот какого рожна им нужно, если крестьян освободили, срок службы солдатам неимоверно убавили и провели всякие судебные-земские реформы? Поручик Сабуров не знал — в кадетском и в полку об этом как-то не говорили. А в Болгарии было не до посторонних мыслей о сложностях российского бытия, там все было ясно и просто: турки зверствовали над православными братушками, за что и получили как следует...

— Господин Сабуров!

Смирновский стоял над ним, улыбался как ни в чем не бывало:

— Собирайтесь, господин Сабуров. Оказию мы вам отыскали. До самого Губернска. Не венский экипаж, правда, да где ж тут венский раздобудешь? Да и потом — разве вам привыкать, герою суровых баталий?

Сабуров хотел было отказаться, но посмотрел в эти глаза и доподлинно сообразил: в случае отказа следует ждать любой пакости. Бог с ними... Он вздохнул и полез за деньгами — уплатить буфетчику.

— А вот скажите, господин Смирновский, — решил он, когда вышли на улицу. — Эти ваши... вот которых вы ловите...

— Государственные преступники?

— Они. Что им нужно, вообще-то говоря?

— Расшатать престол, — сказал Смирновский. — Интрига внешнего врага. Полячишки, жида и, увы,

жадные на злато продавшиеся великороссы. Ослабить могущество империи норовят.

Все вроде бы сходится, и Смирновский — человек государственный, облеченный и посвященный, врать вроде бы не должен. Да уж больно мерзкое впечатление производит — сыщик, нюхало, земской ярыжка, стрюк... Неужели такой правду может говорить?

Оказия была — запряженная тройкой добрых коней купеческая повозка из Губернска. Гонял ее сюда купец второй гильдии Мясоедов со снедью для буфета, дорогой и подешевле — то есть купец владел и хозяйствовал, а гонял повозку за полсотни верст приказчик Мартьян, кудрявый детина лет тридцати, если убивать — только из-за угла в три кола. Да еще безмен с граненым шаром под рукой, на облучке. Иначе и нельзя в сих глухих местах, где пошаливают, и весьма, такой приказчик тут и надобен...

Сенцо лежало в повозке, Мартьян его прикрыл армяком, повозка вроде ящика на колесах, чего ж не ехать-то? И ведь на прощанье попутал бес: поручик достал золотой, протянул Смирновскому с самой душевной улыбкой:

— За труды. Не считите...

Глядя ему неотрывно в глаза, Смирновский щелчком запустил монетку в сторону, в лопухи — блеснул, куврыкаясь, профиль государя императора. Сыщик улыбнулся, пообещал:

— Бог даст — свидимся... Счастливого пути.

И ушел.

— Это вы зря, барин, ваше благородие, — тихонько, будто самому себе, сказал Мартьян. — Эти — долгопмятные...

— А бог не выдаст — так и свинья не съест. Кого ищут?

— А кого бы да ни искали, лишь бы не нас, — он весело сверкнул зубами из цыганской бородачи. — Поехали, ваше благородие, или как? Три дня здесь торчу,

пора б назад. Мясоедов меня, поди, с фонарями ищет...

— А что ж тут три дня торчал? — спросил поручик, хотя ответ и так был писан на припухшем лице приказчика.

— Да кум тут у меня, вот оно и...

— А Мясоедову скажешь, что лошадь ногу зашибла?

— Вот-вот.

— Ну, трогай, — сказал поручик. — «Рушукского» в дороге налью.

— Это которое?

— Заграничное. Там увидишь. И-э-й!

Тронулись застоявшиеся сытые лошадки, вынесли повозку на проезжий тракт, остались позади и мужики, с оглядкой искавшие в лопухах империял, и стеклянный взгляд Щучьей Морды. А впереди у обочины стоял человек в синей черкеске и овчинной шапке с круглой суконной тульей, держал руку под козырек согласно артикулам, и это было странно: не столь уж привержены дисциплине казаки Кавказского линейного войска, чтобы нарочно выходить к дороге отдать честь проезжающему офицеру, да еще чужого полка, вовсе не казачьего. Что-то ему нужно было, казаку. А потому Сабуров велел Мартьяну попридержать. Присмотрелся.

Казак был, как все казаки — с полным почтения к его благородию, но смышленным и хитроватым лицом исстари вольного человека. Себе на уме, одним словом, казак — и все этим сказано. Свернутая лохматая бурка лежала у его ног, оттуда торчал ружейный чехол. На черкеске поблескивал знак отличия военного ордена св. Георгия — серебряный крестик на черно-оранжевой, цвета дыма и пламени, ленте, новенький совсем. А где его можно было получить недавно? Либо там же, на Кавказе, либо...

И вот что выяснилось. Платон Нежданов, старший урядник одного из полков Терского войска. Был на болгарском театре военных действий. Командирован в числе нескольких других нижних чинов сопровождать

в Россию некий ценный груз, но на здешней станции по несчастливому невезению вывихнул ногу, прыгивая на перрон, — непривычны казаки к поездкам, на Кавказе этого нету и в Болгарии тоже, объяснял он (поручик крепко подозревал, что дело тут еще и в водочке, к которой казаки как раз привычны). Был оставлен офицером на станции. Неделью провалялся в задней комнатке у буфетчика. Невольный наем сего помещения да принимаемая в чисто лечебных целях «Анисовая» оставили урядника без капиталов. Вдобавок на станции не имелось никакого воинского присутствия — ближайшее находилось в Губернске. Таким образом, чтобы выправить литер на бесплатный воинский проезд, приходилось отправляться за полсотни верст, но что поделаешь? Не продавать же господам проезжающим черкесскую шашку в серебре? Они, конечно, купят, да ведь позор и бесчестье — продавать трофейное оружие, не в бурьяне найденное.

Словом, старший урядник, встав на ноги, собирался подыскать оказию до Губернска, помня, что на Руси исстари жалеют служивых и помогут, ежели что. И тут он оказался свидетелем геройской атаки господ жандармов на господина поручика, последовавшего разбирательства. Потом усмотрел господина в партикулярном, подрывавшего Мартьяна везти его благородие в Губернск... Так что вот... Он, конечно, не наглец какой, но господин поручик, быть может, не сочтет за труд уделить местечко в повозке воинскому человеку, прошедшему ту же самую турецкую кампанию? А бумаги — вот они, в полном порядке...

Бумаги действительно были в порядке. Поручик Сабуров, сидевший уже без фуражки и полотняника*, проглядел их бегло, проформы ради. Все ему было ясно: какой-то тыловой хомяк в чинах чего-то там нахапал и благодаря связям отправил в Россию под воинским

* Белый летний двубортный мундир, введен в 1860 г.

сопровождением. Казак наверняка прыгнул на перрон, чтобы познакомиться поближе с какой-то станционной обитательницей. Офицер-сопровождающий — явно какая-то тыловая крыса: строевой не оставил бы наихудшего кровнейшим образом подчиненного на вокзале, а велел занести в вагон. Не хотел лишних хлопот, погань такая. Господи, до каких пор в русской армии людям театра военных действий будут сопутствовать такие вот тыловые крысы?

Место в повозке, понятно, нашлось, его бы еще на четверых хватило. Вскоре поручик Сабуров достал оплетенную бутылку «Рушукского», как обещал Мартьяну. Мартьян малость похмелился — на лице его читалось, что эта красная водичка без должной крепости не идет ни в какое сравнение с очищенной, но из вежливости, как угощаемый, да еще военным барином, он промолчал. Платон же Нежданов, наоборот, отпробовал заграничного красного как знаток и любитель, побывавший в Европах, пусть и полумусульманских — все равно заграница. Употребил немного и Сабуров.

Гладкие лошадки бежали ровной рысью. Платон рассказывал Мартьяну про Болгарию да про турок. Привирал, ясное дело, безбожно, по святому казачьему обычаю: и насчет ужасных янычар, у которых провинившегося солдата будто бы положено съедать перед строем, и про собственные успехи насчет бабцов, которые, мил друг Мартьяша, и устроены-то иначе, вот, к примеру, ежели вспомнить...

Трудно сказать, насколько Мартьян всему этому верил — тоже был мужик не без царя в голове. Но врать согласно пословице не мешал. Поручик Сабуров тоже слушал вполуха и бездумно улыбался неизвестно чему. Лежал себе на армяке поверх пахучего сена, рядом аккуратно, орденами вверх сложен полотняник, повозку привычно потряхивает на плохонькой российской дороге... Вокруг тянулись негустые леса, перемежаемые пустошами, а кое-где болотинами. Болота здесь были

знаменитые — единственно своими размерами и протекающей отсюда малополезностью земель. Оттого и помещиков настоящих, многоземельных, как мельком обронил Мартьян, не водилось отроду. Мелких сидело несколько, едва ли не однодворцев.

— Так что и не жгли, поди? — съехидничал Платон. — В свое-то времечко?

— Да кого тут было жечь, и за что... У нас народ не пахотный истари. У нас в первую голову — ремесла, торговлишка, что до манифеста, что потом. А господа... Ну вот один есть поблизости. Имение — аж с десятину, поди. В трубу небеса обозревает, скоро дырку в тучах проглядит, уж простите дурака, ваше благородие, если что не так ляпну. И ездят к нему такие ж блажные...

— А такого не было, случаем, — в шутку спросил Сабуров, испытывая свою прекрасную память. — Роста высокого, сухощав, бледен, глаза голубые, белокур, в движениях быстр, бороду бреет, может носить усы на военный манер...

— Что-то вы, барин? — Мартьян вылупил глаза, будто и впрямь дурак дураком. Но в лице дрогнуло что-то, в глазах отблеснуло. Не прост ты, детинушка, подумал поручик Сабуров, ох, не прост. Может, что и слышал. Может, кого и вез. Может, тот, что в движениях быстр, уже и прошел щучкой сквозь худые жандармские сети давно тому назад. Но детинушка промолчит, ибо челноком снует по большой дороге, а у дороги той закон один — помалкивай да в чужие дела не суйся, рвение пусть проявляет тот, кому оно положено по службе. Впрочем, все это полной мерой касается и поручика Сабурова — ни к чему ему лезть в дела голубых, которых некогда зацепил стихом поручик Тенгинского полка Лермонтов. Офицерской чести противно — соучаствовать тем стрюкам и даже думать о них...

Они ехали, болтали, молчали, опрокинули еще по паре стаканчиков, ехали, и понемногу путь стал ску-

чен — оттого, что впереди дороги оставалось больше, чем позади. Вечерело, длинные тени деревьев ложились поперек тракта там, где дорога проходила лесом, а болотины понемногу заволакивало туманом, редким пока что, жиденьким. Вот и солнце укатилось за горизонт.

— Блажной барин говорил как-то, что земля круглая, — сказал Мартьян с плохо скрываемым превосходством тороватого и удачливого над бесталанным и блажным. — А я вот езжу — полсотни верст туда, полсотни верст назад. И везде земля — как тарелка. Ну, не без пригорков кой-где, но чтобы круглая...

— Оно так, — лениво поддакнул Платон. — Ежели взять степь...

Крик его прервал долгий вопль на одной ноте — он донесся издалека, затих, потом вновь зазвучал, приближаясь. Звучал он так, словно человек нос к носу столкнулся с каким-то ужасом и давно уже вопит, подустал, оспл.

— Шалят? — спросил Платон, а сам уже подтянул к себе ружейный чехол, возился с пряжками.

— Да не должны бы возле самого-то постоянного... — сказал сквозь зубы Мартьян, но тоже насторожился и потрогал безмен.

Поручик Сабуров извлек из кофр-фора кобуру, из кобуры вытянул табельный «смит-вессон» и взвел тугой курок. В кофр-форе лежал еще великолепный кольт с серебряными насечками, и не паршивая венская подделка, а настоящий: «сделано в Хартфорде» — трофей, забранный у срубленного в лихом деле турецкого офицера. Но пусть себе лежит. Оружия и так достаточно. Поручик да казак с шашками, винтовкой и револьвером, детина с безменом — на любых разбойничков хватит, ха! Янычар трогали за магометанскую душу, а тут...

Дорога заворачивала, по ней завернула и тройка, и они увидели, что навстречу движется человек — то побежит, то бредет вихлючим зигзагом, то снова малость пробежит, и машет руками неизвестно кому,

и мотаает его, как пьяного. Или смертельно раненного, подумали два военных человека и стали очень серьезными.

— Тю! — сплюнул Мартьян. — Рафка Арбитман тащится, и таратайки его при нем нету...

— Это кто?

— Да жид. Торгует помаленьку, старым тряпьем больше. — Мартьян поскуцнел. — Вот ты господи, у него ж и брать-то нечего. Неужто позарились на клячу да кучу тряпок?

— Останови.

— П-р-р! — Мартьян натянул вожжи. — Здорово, Рафка, что у тебя такое?

Старый еврей подошел, ухватился за борт повозки, поручик Сабуров, оказавшийся ближе, наклонился к нему и едва не отпрянул — таким от этого библейского лица несло ужасом, смертным отрешением духа и тела от всего сущего.

— Ну что там? — нетерпеливо рывкнул Мартьян, протянул ручищу и тряхнул старика за плечо. Тщедушная фигурка колыхнулась — и лапсердак в свежей земле, и лицо, и пейсы; в волосах, как у языческого Силена, торчат листья — бежал, продирался, падал. — Да говори ты, идол!

— Слушайте, — сказал Арбитман. — Таки поворачивайте уже и бегите быстрее отсюда, совсем скоро тут будет сатана, как лев рыкающий, и смерть нам всем. Смерть нам всем. Вот все кричат на старого еврея, зачем он продал Христа, и я сегодня думаю: может, какой один еврей когда и продал немножко Христа? Иначе почему на старого Рефаэла выскочил такое... Молодые люди, вы только не смейтесь моими словами, хоть вы и храбрые военные люди, совсем как Геден храбрые, но убегать нужно, скакать, иначе мы умрем от это страшилище, и трусы, и храбрые!

Они переглянулись и покивали друг другу с видом людей, которым все насквозь ясно.

— Садись на облучок, — сказал Мартьян и переложил безмен на колени, освобождая место. — Хошь ты и жид, а не бросать же на ночь глядя во чистом поле.

Старик подчинился, вожжи хлопнули по гладким крупам, и лошади рванули вперед; но старьевщик, увидев, что назад они не собираются поворачивать, скатился с облучка и кинулся напрямик, махая руками, вопя что-то неразборчивое. Они кричали в три глотки, но Рефаэл не вернулся.

— Да ладно, — махнул ручищей Мартьян. — Не хотел с нами, пусть пешком тащится. Медведей с волками у нас еще при Годунове перевели. А в болото ухнет — на нас вины нет. Честью приглашали. Но-о!

Двенадцать копыт вновь грянули по пыльной дороге. Поручик Сабуров положил «смит-вессон» рядом, стволом от себя, а Платон ради скоротания дорожной скуки затыкнул негромко:

Не туман с моря поднялся,
три дня кряду сильный дождик шел —
князь великий переправлялся,
через Дунай он с войском шел.
Он и шел с крестом-молитвой,
чтобы турок победить,
чтобы турок победить,
всех болгар освободить.
Три мы ночи шли в походе,
призатуманилось у нас в глазах...

Песня оборвалась — лошади шарахнулись, ржа, повозку швырнуло к обочине, Сабуров треснулся затылком о доску, и в глазах действительно призатуманилось. Мартьян что есть сил удерживал коней, кони приплясывали и храпели, норовя вздыбиться, а Платон Нежданов уже стоял на дороге, пригнувшись, взяв ружье на руку, сторожко зыряка по сторонам.

— Ваше благородие!

Сабуров выскочил, держа «смит-вессон» стволом вниз. Хлипконькая еврейская двуколка лежала в обломках, только одна уцелевшая оглобля торчала вверх из кучи расщепленных досок и мочальных вязок. Везде валялись ветошь и разная рухлядь. А лошади не было, вместо лошади ошметки — тут клочок, там кус, там набрызгано кровью, там таращит уцелевший глаз длинная подрыпанная клячонкина голова. С болот наплывал холод — но только ли оттого стало вдруг зябко?

— Й-эх! — выдохнул урядник. — Ваше благородие, это что ж? Это и медведь так не разделает!

— Да нету у нас ни медведей, ни волков! — закричал Мартьян с облучка. — Какие были, говорю, при Годунове вывелись!

— Оно, конечно. Но кто-то ж клячу разделал? Так что не зря жид в бега ударился, ох, было чего спужаться, верно вам говорю... И что делать-то?

Он глянул на Сабурова, по долголетней привычке воинского человека ждал команды от офицера, но что мог поручик приказать, и что он вообще понимал? Да ничего. Он стоял с тяжелым револьвером в руке, и ему казалось, что из леса пялятся сотни глаз, то ли звериных, то ли неизвестно чьих, что там щерятся сотни пастей, а сам он маленький и голый, как при явлении на свет из материнского чрева. Древний, древнейший, изначальный страх человека перед темнотой и неизвестным зверем всплывал из глубин сознания, туманил мозг. Секундным промельком, не осознаваемым рассудком, вдруг пронеслось то ли воспоминание, то ли морок — что-то огромное, в твердой чешуе, шипящее, скалится, а ты такой бессильный и перепуганный...

Все же он остался боевым офицером и, прежде чем самому отступить, скомандовал:

— Урядник, в повозку! — Потом запрыгнул следом и крикнул: — Пошел!

Лошади дернули, и подгонять не пришлось. Мартьян стоял на облучке, свистел душераздирающе, ухал, орал:

— Залетные, не выдайте! Выносите! Господа военные, пальните погромче!

Бабахнула винтовка, поручик Сабуров поднял револьвер и выстрелил дважды. Лошади понесли, далеко разносились свист и улюлюканье, страх холодил грудь, ледяные мураши бродили по спине, и один Бог ведает, сколько продолжалась бешеная скачка — но наконец тройка влетела в распахнутые настежь ворота постоянного двора, и на добротных цепях заматались, захлебываясь лаем, близкие к удушению два здоровенных меделянских кобеля.

Хозяин был — кряжистый, в дикой бороде, жилетка не сходилась на тугом брюхе, украшенном серебряной часовой цепкой, на лице всегдашняя готовность странноприимного человека услужить чем возможно, но и чувство некоторого достоинства. Мартьяна он встретил как давнего знакомого, на растрепанного поручика взглянул чуть удивленно (Сабуров торопливо принялся натягивать полотняник). Услышав про лошадиные клочки, покачал головой:

— Поблазнилось, не иначе. Нету тут зверей.

— К нам в шестьдесят девятом из персов тигра забегала, — сообщил Платон. — Зверь — во! — Он показал руками в высоту, а для длины размаха рук не хватило. — Отсюда и вон досюда, ей-Богу! Два батальона поднимали и чеченскую милицию — обкладывать. Может, и тут?

— Тигру я видел, — сказал хозяин. — На ученой картинке. Землемер проезжал, у него были. Зверь полосатый и длинный. Но скажи ты мне, кавказец, как бы эта тигра прошла от персов в наши места? Шум давно поднялся бы на все южные губернии, она б их не миновала...

В этом был резон, и Сабуров кивнул. Хозяин стоял у широкого крыльца рубленного на века постоянного двора, держал старинный кованый фонарь, которым при нужде нетрудно смертно ушибить медведя; сам он был,

как древняя каменная статуя, и все вокруг этого былинного детины — дом, конюшня, высокий тын с широкими воротами; колодезь — казалось основательным, вековым, успокаивало и ободряло. Недавние страхи показались глупыми, дикая скачка с пальбой и криками — смешной даже, стыдной для балканских орлов. И балканские орлы потупились, не глядя друг на друга и на хозяина.

— Ну, а все-таки? — спросил поручик Сабуров.

— Да леший, дело ясное, — сказал хозяин веско. — У нас их не то чтобы много, как вот, к примеру, на Волини или в Муромских лесах — вот где кишмя! — но и наши места, чать, русские. Есть у нас свой.

— А ты его видел? — не утерпел Платон.

— А ты императора германского видел?

— Не доводилось пока.

— Так что оттого, что ты его не видел: его и на свете нету, выходит? Есть у нас леший. Люди видели. Живет вроде бы за Купавинским бочагом. Видать, он и созоровал.

Мартьян, похоже, против такого объяснения не возражал. Сдается, и урядник тоже. Сам поручик в леших верил плохо, точнее говоря, не верил вообще, но, как знать, вдруг да один-единственный лешак обретается в этих местах? Люди про леших рассказывают вторую тысячу лет, отчего слухи эти держатся столь долго и упорно? Не бывает, быть может, дыма без огня? И что-то такое есть?

Да еще этот двор — бревна рублены и уложены, как встарь, живой огонь мерцает в кованом фонаре, как при пращурах, ворота скрипят, как при Иване Калите, словно бы и не существует совсем недалеко отсюда ни паровозов, ни телеграфа, ни электрического тока, словно не тридцать верст отсчитали меж постоянным двором и вокзалом полосатые казенные столбы, а тридцать десятилетий...

Поручик Сабуров тряхнул головой, возвращая себя

к своему веку и году, тихонько звякнули его ордена.

— Ночи две назад, говорили, огненный змей летал в Купавинский бочаг, — добавил хозяин. — Не иначе, как к лешему в гости — она ж, нечисть, тоже друг к дружке в гости ходит...

Сообщение это повисло в воздухе и дальнейшей дискуссии не вызвало — что-то не тянуло говорить о лесной нечисти, хотелось поесть как следует да завалиться на боковую. Вечеряли в молчании, сидя на брусчатых* лавках у неподъемного стола. Подавала корявая немолодая баба, ввергнувшая старшего урядника в тихую печаль и разочарование — он явно надеялся, что хозяйшка окажется поприглядистее. Никого, кроме них, сегодня в постояльцах не было.

Разошлись спать. Поручику Сабурову досталась «господская» на втором этаже, с неподъемными же кроватью и столом, без запора изнутри. «У нас не шалют», — буркнул хозяин, зажигая на столе высокую свечу.

Кто его там знал, не шалют, или вовсе наоборот. Темные слухи о постоялых дворах кружили по святой Руси с момента их устройства — про матицу, что ночью опускается на постель и душит спящего; про тайные дощечки, что вынимаются, дабы просунуть руку с ножом и пырнуть в сердце; про поднимающиеся половицы и переворотные кровати, сбрасывающие спящего в яму к душегубам; словом, чуть ли не про пироги из купцов и прочего дорожного люда. Правда, что знаменательно, любой рассказчик пользовался пересказами из третьих уст, никто никогда не видел и не пережил ничего подобного, ничьи знакомые так бесславно не погибали.

И все же Сабуров положил на стол «смит-вессон» со взведенным курком, а потом, бог весть почему, вытащил из ножен саблю — она давно была отточена заново, но зазубрины остались, не свести со златоустовского клинка

* Сделанных из цельного ствола.

следов столкновения с чужим ятаганом или падения на немаканую голову.

Он поставил обнаженную саблю у стола, чуть сдвинул револьвер, чтобы лежал удобнее. Самому непонятно, чего боялся — сторожкий звериный сон, память о Балканах, позволит пробудиться, едва станут подкрадываться душегубы, которые наверняка неуклюжее ночных турецких пластунов. А зверя почуют собаки — во дворе как раз погромыхивали цепи, что-то грубо-ласково приговаривал хозяин, спуская на ночь медеянцев. И все равно, все равно — был страх, непохожий на все прежние страхи, раздражавший и мучивший как раз своей неопределенностью, непонятностью... Кто-то бесшумно ходит у забора? Кто-то смотрит из темноты? Или производит другое действие, для определения которого у человека нет слов? Что там?

Свечи до утренней зари хватит, летняя ночь коротка. Чуть трепещущее пламя отражалось на клинке крохотными сполохами, тараканов не видать (так что Петру Великому тут понравилось бы), покой и тишина, дремота одолевает мягко, но непреклонно, глаза закрываются...

Он проснулся толчком, секунду привыкал к реальности, отделяя явь от кошмара — свеча догорела едва в половину, вот-вот должен наступить рассвет, — потом понял, что пробудился окончательно. Протянул руку, сжал рукоять револьвера и ощутил скорее удивление — очень уж несущиеся снаружи звуки напоминали одно давнее дело, ночное нападение конников Рюштю-бея на ту деревеньку. В конюшне бились и кричали, не ржали, а кричали лошади, на пределе ярости и страха надрывались псы.

Потом сообразил — дикие вопли были не криками турок, а зовом до смерти перепуганных людей. Кричали и внизу, на первом этаже, и во дворе. Опасность, похоже, была всюду. И доносился еще какой-то странный не то свист, не то вой, не то клекот. Что-то шипело,

взвывало, взмьукивало то ли по-кошачьи, то ли филином — да, господи, слов в человеческом языке не было для таких звуков, и зверя не было, способного их издавать. Но ведь кто-то же там ревел и взмьукивал!

Поручик Сабуров, не тратя времени на одеванье, в одном белье взмыл с постели. Голова была пронзительно ясная, тело все знало наперед — он рывками натянул сапоги, почти впрыгнул в них, сбил кулаком тут же погасшую свечу, прижался к стене. От сабли в тесной комнате проку мало, поэтому саблю он держал левой рукой, защищая обращенным к двери лезвием тело, а правой навел на дверь револьвер. Ждал с колотящимся сердцем дальнейшего развития событий, а глаза помаленьку привыкали к серому предраассветному полумраку.

Лошади кричали, как люди. Псы замолчали, но какое-то шевеление продолжалось во дворе — а это плохо, такие кобели умолкают только мертвыми... И вопившие люди утихли, но что-то тяжелое, огромное шумно ворочалось внизу, грохотало лавками, которые и вчетвером не сдвинуть. Поручик Сабуров по стеночке передвинулся влево и сапогом вышиб наружу раму со стеклами — обеспечил себе путь отступления. Адски тянуло выпрыгнуть во двор и принять бой, но безумием было бы бросаться в лапы неизвестному противнику, о чьих силах и возможностях не имеешь никакого понятия. Одно ясно — не разбойники, вообще не люди.

Ага! Дверь чуть-чуть отошла, и в щель просунулось на высоте аршин полутора от пола что-то темное, извивающееся — будто змея, укрыв голову за дверью, вертела в «господской» хвостом. Потом змея, все удлиняясь, стала уплощаться, и вот уже широкая лента зашарила по стене, по полу, целеустремленно подбираясь к кровати, к столу, к человеку. Сабуров понял: оно ищет его, чует. Рубаха на спине враз взмокла. Медленно-медленно, остороженько-остороженько, словно боясь потревожить и вспугнуть эту ленту, змею, ищущий язык,

поручик переложил револьвер в левую руку, а саблю в правую. Примерился и сделал выпад, коротко взмахнув клинком, будто отсекал кисть руки с ятаганом или срубал на пари огоньки свечей.

Темный лоскут отлетел в сторону, остаток молниеносно исчез за дверью, и поручик успел выстрелить вслед, но угодил в косяк. Внизу словно бы отозвалось визгом, воем-клекотом и тяжелым, грузным шевелением. Тут же совсем рядом громынула винтовка. Жив урядник, воюет, сообразил Сабуров, отскочил к окну и выпустил три пули в неясное шевеление во дворе — он не смог бы определить, что там видит, одно знал твердо: ни зверем, ни человеком это оказаться не может.

Двор озаряли прерывистые вспышки пламени, словно полыхало что-то в одной из комнат нижнего этажа. Явственно потянуло гарью. «Зажаримся тут к чертовой матери, — подумал Сабуров, — нужно на что-то решаться, вот ведь как...»

Внизу все стихло, и лошади замолчали, и люди, только шевелилось что-то во дворе. Гарь щекотала горло.

— Поручик! — раздался крик Платона. — Тикать надо, погорим!

— Я в окно! — заорал Сабуров.

— Добро, я в дверь!

И в этот миг с грохотом рухнули ворота. Сабуров прыгнул вниз, по инерции присел на корточки, выпрямился, осмотрелся, но ничего уже не увидел — что-то темное, большое, низкое скрылось за забором, и что-то волоклось за ним следом, вроде бы смутно угадываемое человеческое тело, как пленник на аркане за скачущим башибузуком. Сабуров навскидку выстрелил вслед, вряд ли попал. Во дворе все перевернуто, повозка Мартьяна лежит вверх колесами, земля в свежих бороздах и рытвинах. В конюшне беснуются лошади, лупят копытами в стены. Пламя колышется в окне хозяйской горницы. Сабуров нагнулся посмотреть, на чем он стоит

левой ногой, — оказался мохнатый собачий хвост, а самих собак нигде не видно: ни живых, ни мертвых. Поручик кинулся в дом, пробежал через залу, мимоходом отметив, что неподъемный стол перевернут, а тяжеленные лавки разбросаны. Под ногами хрустели черепки и стекло.

Урядник уже таскал воду ведром из кухонной кадки, плескал в горницу — там, должно быть, разбилась лампадка и занялась постель, половики... Повалил едкий дым, и они, перхая, возились в этом дыму, затоптали наконец все огоньки, залили, забили подушками. Голыми руками сорвали, обжигаясь, пылающие занавески. Вывалились на крыльцо, на свежий воздух, измазанные копотью, мокрые, облепленные пухом из подушек. Долго терли кулаками слезящиеся глаза, выкашливали копоть.

— Хорошо, стены не занялись. А то бы...

— Ага, — хрипло сказал поручик.

Они глянули друг другу в глаза, оба в нижнем белье и сапогах, грязные и мокрые, и поняли, что до сих пор были мелочи, а теперь настало время браться за дело серьезно. Мысль эта, если по правде, не так уж радовала.

— Оно ж их утянуло, — сказал Платон. — И собак... Собак тоже.

— Ко мне в комнату...

— И ко мне. Стрельнул, и утянулось.

— Я — саблей...

Он вспомнил и побежал наверх, урядник топтал следом. Отрубленный кусочек ленты отыскался у кровати. Поручик осторожно ткнул его концом сабли, наколот на клинок, и это словно бы вызвало последнюю вспышку жизни — кусок ленты вяло дернулся и обвис. Так, на сабле, поручик и вынес его на крыльцо, где было светлее.

Осторожно стали разглядывать, морщась от непонятного запаха — не то чтобы вонючего, но чужого,

ни на что знакомое не похожего. Лента толщиной с лезвие сабли, и на одной стороне множество острых крючочков, пустых внутри, как игла шприца.

— Это значит, как зацепит, и конец, — сказал поручик. — Этих щупальцев у него должно быть преизрядно. К тебе лезло в комнату, ко мне. И — зубы. Должны быть зубы — лошадь еврейскую в клочки, у пса хвост вырвал... Мартьяна не нашел?

— Нету Мартьяна. Один безмен остался. Упокой, господи, душеньки трех рабов твоих... — урядник перекрестился, за ним и Сабуров. — Смотрите, вашбродь...

Граненый шар найденного в зале безмена перепачкан темным и липким, пахнущим в точности так, как и конец щупальца — чужим, неизвестным.

— Отчаянный был мужик, царство ему небесное, — сказал Платон. — Это ж он с безменом на чудо-юдо...

— Чудо-юдо?

— Так не черт же, — Платон смотрел грустно и строго. — Что ж это за черт, если его можно безменом малость повредить и кусок от хвоста отрубить? Да и черт вроде бы серой пахнет, а этот — непонятно чем, но не пеклом, право слово. Не леший же? Пули он боится. И железа опасается, не может, сталбыть, железо от себя отводить. Нет, барин, зверюга это, хоть и непонятная. Вот оно, стало быть, как... Пули боится... Железо от себя отвести не может...

Он повторял и твердил что-то ненужное, пустое — главные слова так и не произносились, но висели в воздухе, реяли вокруг, нужно было набраться смелости и произнести их наконец.

Поручик отыскал штоф, и они хватили по чарке. Похрустели капустой, помотали головами.

— Три православные душеньки загубил, сучий потрох, — сказал Платон. — Вольно ж ему бегать...

— Воинскую команду бы... — сказал поручик Сабуров.

Но тут же подумал: какая в Губернске боеспособная

воинская команда? Инвалиды при воинском начальнике да пара писаришек. Может, еще интенданты — и все. Небогато. Да сначала еще нужно доказать, что они с урядником не страдают помрачением ума от водки, что по здешним лесам в самом деле шастает некое чудо-юдо, смертельно для людей опасное! Нужно сначала уломать какое-нибудь начальствующее лицо, чтобы хоть прибыло сюда и обозрело. А что таковому лицу предъявить в качестве вещественной улики — кусочек от щупальца, безмен в вонючей жиже, собачий хвост оторванный?

Жандармы, что на вокзале? Слабо в них, как слушателей и соратников, верилось. Вот и получается, что помощи от вышестоящего начальства ждать нечего. Должно быть, чудо-юдо объявилось совсем недавно — никто о нем до того и не слышал. Рано или поздно оно наворотит дел, и паника поднимется такая, что дойдет в конце концов до губернии, и уверует губерния, и зашевелиятся шитые золотом вицмундиры; а тогда и курьеры помчатся, и вытребуют войска, и леса оцепят боевой кавалерией, а то и картечницы Барановского подтянут, шум поднимут до небес, дабы несусветной суетой и рвением заслужить ордена и отличия. Но допрежь того немало воды утечет, немало кровушки, и кровушка будет русская, родная. А присягу они с урядником принимали как раз для того, чтобы не лилась родная кровь в пределах отечества...

— Так что же? — повторил Платон вслух невысказанные поручиковы мысли. — За болгарских христиан сколь крови выцедили, а тут — свои в беде...

Светало. И подступала минута, когда русское молодечество должно рвануться наружу — шапкой в пыль, под ноги, соколом в чистое поле, саблей из ножен. Иначе — не носить тебе больше сабли, воином не зваться, сам себе не простишь. Некому больше, кроме тебя. Ты здесь оказался, тебе и выпало — сойтись грудь в грудь...

— Урядник, смир-на! — сказал Сабуров.

Урядник бросил руки по швам. Сабуров тоже встал по стойке «смирно». Оба они были в сапогах и нижнем белье, но это не имело значения. В восемьсот двенадцатом был случай, когда платовские казаки и вовсе голяком повскакали на коней, ударили в шашки. И ничего, смяли француза. Не в штанах дело.

— Слушай приказ, — сказал Сабуров звонко и четко, как на инспекторском смотре. — Считать нас воинской командой. Объявившуюся в окрестностях неизвестную тварь, как безусловно опасную для здешних обывателей, отыскать и уничтожить. Выступаем немедленно.

— Слушаюсь, ваше благородие! — рявкнул урядник.

И у обоих стало на душе чуточку покойнее. Теперь был приказ, были командир и подчиненный, теперь они были — воинская команда, крохотное войско российское.

— Соображения есть? — спросил Сабуров.

— Как не быть? Следы оно оставляет, слава Богу, по воздуху не порхает, не канарейка. А следы мы разбирать учены, на кабана в камышах охотиться приходилось... Так что спробуем. Теперь что: коли оно жрет всех без разбору, и коня, и людей, и собак, значит — оголодавшее. Знать бы еще, как у него с чутьем...

— А ты на всякий случай думай, что чутье у него — отменное.

— Понял, ваше благородие. Еще: большое оно, должно быть. Вон как столы-лавки перебулгачило. Гренадерскую бомбу бы нам иметь...

— Где же ее взять... Что еще?

— Искать надо в редколесье, да в полях, я так мерекаю, — сказал Платон. — Не думаю я, чтоб оно в чащобу полезло — здоровущее... Местности мы не знаем, вот что плохо. Проводника бы нам или хоть дельную собачку, охотничью...

— И подзорную трубу не грех бы заиметь, — сказал Сабуров. — Помнишь, Мартьян говорил про блажного барина, что смотрит на звезды?

— Помню. Думаете?..

— Да уж смотрит он в небеса наверняка вооруженным глазом. Только где ж его искать? Черт, ничего не знаем — где какие деревни, где что... Ну ладно. Давай собираться.

Сборы заняли около получаса, а потом они выехали шагом, охлюпкой на неоседланных мартьяновских лошадях с уздечками самодельной работы — невеликая воинская команда.

Наклонившись с конской спины, Платон разбирал следы, и вскоре последовало первое донесение:

— Ну что — какие-никакие, а есть лапы. И лап этих до тоей матери, прости господи. Чисто сороконожка... Ясно ведь, что тяжелое, а бежит легко — это как понять? Вроде бобра, что ли — на земле неуклюж, а в воде проворен...

Следы действительно в густолесье не заводили, но оттого что чудо-юдо, как и предполагалось, было велико, стало только тягостнее. А вскоре они наткнулись на место, где валялись повсюду клочья собачьей шерсти, обрывки одежды, и кровь, кровушка там и сям... Перекрестились, еще раз помянув несчастливых рабов Божьих Мартьяна и двух других, по именам неизвестных, — и тронулись дальше, преодолевая тягу к рвоте. На войне видели всякое, но вот так...

Нервы стали, как струны, упади с дерева лист, коснись — зазвенят тоскливым и жалостным гитарным перебором...

— Неужто не заляжет, нажравшись? — сказал Платон сквозь зубы и вдруг натянул поводья. — А вот там, что это? Ей-Богу, вижу, вашбродь!

Но Сабуров и сам видел уже сквозь деревья: там, впереди, на лугу шевельнулось что-то зеленое — не веселого цвета молодой травы, а угрюмого болотного. У неширокого ручья паслась пятнистая коровенка, а неподалеку...

А неподалеку замер круглый блин аршинов трех в

поперечнике и высотой человеку — ну, под мужское достояние, не выше. По краю, по всей окружности блина чернели непонятные комки, числом с дюжину, меж ними другие, синие, раза в два больше (этих с полдюжины), а в середине опухолью зеленело вздутие с четырьмя горизонтальными черными щелями, и над ними, на самом верху вздутия — будто гроздь из четырех бильярдных шаров, только шары алые, в черных крапинках. Сабурова вновь замутило — так неправилен, неуместен на зеленом лужку под утренним солнышком, чужд всему окружающему был этот живой страх, словно и впрямь приперся из пекла.

— Ну, такого можно и в шашки, — горячо прошептал Платон. — Лишь бы только кони не понесли. Покромсаем, ей-бо, курву!

— Ты погоди, — так же горячечно шепнул Сабуров. — Чем-то же оно хватало...

На лугу колыхнулся блин, множество ножек, сокращаясь-вытягиваясь, понесли его вперед со скоростью быстрым шагом идущего человека, и коровенка, только сейчас заметив это непонятное создание, глупо взмыкнула, вытаращилась, задрала вдруг хвост, собираясь припустить прочь.

Не успела. Взвихрились черные комки, оказавшись щупальцами аршин в пять каждое, жгуты превратились в широкие ленты, и весь пучок оплел корову, сшиб с ног, повалил, синие комки тоже взвихрились щупальцами, только эти были покорооче и потолще, кончались словно бы змеинными головами, только безглазыми — длинные пасти открыты, и зубов там не перечесть. Рев бедолажной животины вмиг затих. Чудище принялось жрать.

Сабуров не выдержал, перегнулся с прядавшего ушами коня — все, съеденное и выпитое с утра, рванулось наружу. Рядом то же самое происходило с Платоном.

— Ну, видел? — прохрипел Сабуров. — Куда его в шашки...

— Ах ты ж, с-сука!

Платон соскочил с коня — как ни разъярен был, а сообразил, что непривычный, нестроевой конь выстрелов над ухом испугается и понесет. Пробежал десяток шагов до крайних деревьев, обернулся:

— Коней держите, вашбродь, мне с винтовкой сподручнее!

До чуда-юда в самом деле было шагов двести — от сабуровских револьверов толку никакого. Сабуров крепко ухватил поводья. Урядник приложился. Целился недолго. Выстрел.

Чудо-юдо содрогнулось, зашипело — пуля явно угодила в цель, но непохоже, чтобы нанесла урон. Алые, в черных крапинках шары заколыхались, стали подниматься — словно со страшной скоростью вырастали алые цветы на зеленых стеблях, вот стебли уже не короче аршина. Шары качались, будто приглядывались, принюхивались — дьявол их ведает, как правильно, — мотались в разные стороны, и вдруг все вытянулись в одном направлении — к ним, господи боже!

— Урядник, назад! — крикнул Сабуров.

Но урядник кланулся затвором берданы, досылая патрон. Выстрел. Должно быть, Платон целил в те шары, да промахнулся. Черные и синие щупальца одно за другим отрывались от раскромсанной коровьей туши, чудище зашипело, сокращая ножки, словно злилось, что сго члены так неповоротливы. Тогда только урядник с разбегу запрыгнул на коня, перехватил его поводья у Сабурова, и они поскакали назад, пронеслись с полверсты, оглянулись — никто не преследовал. Натянули повод, и кони остановились неохотно, после недолгого противоборства всадникам.

— Ну, видел? — спросил Сабуров. — Нет, саблями не выйдет. Никак ты к нему вплотную не подступишься. Разделается вмиг. Хреновые из нас Добрыни Никитичи, Платоша, не про нас это Змеище Горынище...

Лицо Платона стало остервенелым до крайности:

— Так что ж делать, подскажите, вашбродь! По ша-рам бить разве что...

— Одно и остается, — сказал Сабуров. — А ты заметил — ведет оно себя так, словно в него сроду не стреляли, не сразу и сообразило, что остерегаться следует. Непуганое...

— Господи ж ты, Боже мой! — взвыл урядник. Его конь всхрапнул и дернулся. — Ну откуда оно на нашу голову взялось, почему непуганое? Не должно его быть, не должно, в мать, в Христа, во всех святителей, вперелест через тын! Не должно!

— Да ори не ори — а оно есть, — мрачно сказал поручик Сабуров. — И либо мы ему выхлестнем гляделки, либо оно нас, как ту коровенку... Положение хуже губернаторского во всех рассмотрениях. Пешком подходить — не успеем ничего сделать. Верхом — на лошадей надежды мало, не строевые. Чересчур часто его обстреливать — смотришь, поумнеет, раскинет, что к чему... Засада нужна. А каким образом?

Их тревожные мысли нарушил стук копыт, и незадачливые ратоборцы повернули головы. Трое, нахлестывая лошадей, скакали напролом, спрямляя по целине торную изгибавшуюся дорогу, — снова голубые вездесущие мундиры, ярыжки. Но все же это была организованная вооруженная сила, имевшая прямое отношение к властям, сообразил поручик, дал шенкеля своему коньку, вымахнул наперерез, закричал:

— Стойте!

Кони под жандармами взрыли копытами землю, запрокидываясь от резко натянутых поводьев на дыбы. Ствол карабина дернулся было в сторону поручика, но тут же опустился к луке. Поручик усмотрел знакомую щучью харю, и сердце упало, на душе стало серо, мерзко.

— Па-азвольте заметить, что вы, господин поручик, будучи вне строя, тем не менее имеете на поясе револьвер в кобуре, что противоречит уставу, — сказал Кре-

стовский, словно бы ничуть не удивившийся неожиданной встрече. — А второй револьвер, заткнутый за пояс, и вовсе противоречит всем уставам, к тому же табельным оружием не является. Где ваша фуражка, наконец?

Поручик невольно схватился за голову и фуражки на ней не обнаружил — Бог знает, где осталась и когда уронил. Но не время пикироваться. Он заспешил, захлебываясь словами, подъехавший урядник вставлял свое, оба старались говорить убедительно и веско, но чуяли — выходит сумбурно и несерьезно.

— Так, — сказал ротмистр Крестовский. — Как же, уже слышал, слышал, чрезвычайно завлекательные побрехушки... Оставьте, поручик. Все это — очередные происки нигилистов, скажу я вам по секрету. Никаких сомнений. Вам сие незнакомо, а мы научены служебным опытом: все эти поджоги, слухи о самозванных царевичах, подложные его величества грамоты, золотыми буквами писанные, теперь вот чудище выдумали... А цель? Вы, молодой человек, не задумались, какая цель преследуется? Посеять панику, дабы взбунтовать народонаселение против властей и государя императора. Позвольте мне, как человеку опытному и облеченному доверием, рассеять ваши заблуждения. Цель одна — мутить народ да изготавливать бомбы. Знаем-с! Все знаем! Кто, что и когда! На сей раз не уйдет!

Он выдернул из-за голенища сапога свернутую карту и с торжеством потряс ею перед носом поручика. Сунул обратно — небрежно, не глядя, поторопился разжать пальцы — и карта, скользя по безупречно начищенному голенищу, туго облежавшему ногу, упала на землю. Поручик на это не указал — он подумал, что им с Платоном иметь карту местности необходимо, а стрюк перебьется и так — коли ему по службе положено иметь собачий нюх.

Сочтя, очевидно, тему исчерпанной, ротмистр обернулся к своим нижним чинам:

— Галопом марш!

И они тронулись, не обращая внимания на крики поручика с Платоном, — забыв недавнюю стычку и ненависть к Щучьей Морде, Сабуров орал благим матом, не боясь, что его примут за умалишенного, и Платон ему вторил — иначе нельзя было, на их глазах живые души, хоть и сыскные, да православные, какие-никакие, а соотечественники мчались, не сворачивая, прямехонько к невиданной опасности. В их воплях уже не осталось ничего осмысленного — животные кричали нутром, остерегая соплеменников перед хищником.

Но — бесполезно. Три всадника скакали, не оборачиваясь, и вот уже исчезли за деревьями голубые мундиры, вот уже стук копыт стал глохнуть... и тут окрестности огласились пронзительным воплем, бахнул выстрел, страшно закричала лошадь, донесся крик, уже непонятно, кем исторгнутый, конем или человеком. И наступила тишина.

Они переглянулись и поняли друг друга — никакая сила не заставила бы их сейчас направить коней к тому месту. Платон шевельнул бледными губами:

— Упокой Господи...

Поручик развернул мятую двухверстку — неплохие карты имелись в отдельном корпусе, следовало признать. Даже ручей нанесен, что протекает неподалеку отсюда. Три деревни, проезжий тракт. И верстах в пяти от места их нынешнего нахождения обозначен отдельно стоящий дом, обведенный синим карандашом. Дом у самых болот.

— Вот туда мы и отправимся, — сказал Сабуров.

Платон спросил одними глазами: «Зачем?»

А поручик и сам не знал в точности. Нужно же что-то делать, а не торчать на месте, нужно выдумать что-то новое. Похоже, в том именно доме и живет барин, обзревающий небеса, — что предполагает наличие некоторого образования, известной учености. А разве помешает им, записным строевикам, исчерпавшим всю чисто военную смекалку, в их безнадежном положении

образованный астроном? Вдруг и нет. К тому же была еще одна мыслишка, не до конца продуманная, но любопытная...

Дом был каменный, обветшавший изрядно, облупленный, весь какой-то пришибленный, как мелкий чиновник четырнадцатого класса, у которого в кармане ни копейки в момент гнетущего похмелья. Три хилых яблоньки — это, очевидно, остатки сада. Служб нет и в помине, только заросшие травой фундаменты, одна конюшня сохранилась — они пригляделись и сделали вывод, что конь тут есть.

Они шагом проехали к крыльцу, где бревно заменяло недостающую полуколонну, остановились. Прислушались. Дом казался пустехоньким, как заброшенная гусаром в угол пустая бутылка. Зеленели сочные лопухи, поблизости звенели осы.

— Тс! — урядник поднял ладонь.

Поручик и сам почувствовал — что-то изменилось. Тишина с лопухами, солнцем и осаами стала напряженной, как перед атакой в конном строю. Кто-то наблюдал за ними из-за пыльных стекол, и отнюдь не с добрыми помыслами. Слишком часто на них смотрели поверх ствола, чтобы они сейчас ошиблись.

— Ну, пошли, что ли? — сказал поручик и мимоходом коснулся рукоятки револьвера за поясом.

Платон принялся спутывать лошадей, и тут зазвучали шаги. Молодой человек в сером сюртуке вышел на крыльцо, спустился на две ступеньки, так что от поручика его отделяли еще четыре, и спросил довольно сухо, будто они были его назойливыми кредиторами:

— Чему обязан, господа?

«Недружелюбен он, — подумал поручик, — а в захолустье всегда, наоборот, рады любому случайному гостю. Ну, мизантроп, быть может, дело хозяйское...»

Он поднял было руку к козырьку, но спохватился, что фуражки на нем нет, и жест получился неуклюжим:

— Белавинского гусарского полка поручик Сабуров.

Старший урядник Нежданов сопутствует. С кем имею честь, с хозяином сего имения?

— Господи, какое там имение... — одними уголками рта усмехнулся молодой человек. — Вынужден вас разочаровать, если вам необходим хозяин — он в отъезде, вы имеете дело с его гостем.

А ведь он не назвался, подумал поручик. Неужели только потому, что невежлив?

Они стояли, как истуканы, откровенно разглядывая друг друга, и наконец неприветливый гость, обладавший тем не менее манерами хозяина, нарушил неловкое и напряженное молчание:

— Господа, вам не кажется, что вы выглядите несколько странно? Простите великодушно, если...

— Ну, что вы, — сказал поручик Сабуров. — Подать события и вид...

Словно турецкая граната ослепительно лопнула перед его глазами, и он заговорил громко, не в силах остановиться:

— Роста высокого, сухощав, бледен, глаза голубые, белокур, бороду бреет, в движениях быстр, может носить усы на военный манер...

Полностью отвечавший этому описанию молодой человек в сером оказался в самом деле куда как проворен — в его руке тускло блеснул металл, но еще быстрее мелькнул сверху вниз приклад винтовки «Бердана № 2», и револьвер покатился по ступенькам вниз, где поручик придавил его ногой. Платон надел на белокурого, сшиб его с ног и с большой сноровкой стал вязать поясом, приговаривая:

— Не вертись, ирод, янычар обратывали...

Поручик не встревал, видя, что подмоги не требуется. Он поднял револьвер — паршивенький «веблей-патент», — оглядел и спрятал в карман брюк. Декорации обозначились: палило солнце, звенели осы, на верхней ступеньке помещался связанный молодой человек, охраняемый урядником, а шестью ступеньками

ниже — поручик Сабуров. Картина была самая дурацкая. Поручик вдруг подумал, что большую часть своей двадцатитрехлетней жизни он провел среди военных, а людей всех прочих сословий и состояний, вроде вот этого бешено зыркающего глазами, просто-напросто не знает, представления не имеет, чем они живут, чего хотят, что любят и что ненавидят. Он представился себе собакой, не умеющей говорить ни по-кошачьи, ни по-лошадиному, — а пора-то вдруг настала такая, что все, живущие в доме, должны меж собой договориться...

— Нехорошо на гостей-то с револьвером. Гость, он от Бога, — сказал Платон связанному. — Нешто мы в Турции? Ваше благородие, ей-богу, о нем голубые речь и вели. За него вас тогда и приняли, царство ему небесное, ротмистру, умный был, а дурак...

— Да я уж сам вижу, — сказал поручик. — А вот что нам с ним делать, скажи на милость?

— А вы еще раздумываете, господа жандармы? — рассмеялся им в лицо пленник.

— Что-о? — навис над ним поручик Сабуров. — Военных балканской кампании принимаете за голубых крыс?

— Кончайте спектакль, поручик.

И хоть кол ему на голове теши — ничего не добились. Пленный упрямо считал их переодетыми тружениками третьего отделения. Потерявши всякое терпение, матерились и трясли у него перед носом своими бумагами — он ухмылялся и дразнился, попрекая бездарной игрой. Рассказывали все, как есть, про разгромленный постоянный двор, жуткий блин со щупальцами, нелепую и страшную кончину ротмистра Крестовского с нижними чинами отдельного корпуса — как об стенку горох, разве вот в глазах что-то зажигалось. Тупик. Как в горах — шагали-шагали и уперлись рылом в отвесные скалы, и вправо не повернуть, и слева не обойти, нужно возвращаться назад, а время идет, солнышко к закату клонится...

— Да в тую самую богородицу! — взревел Платон. — Будь это басурманский «язык», он бы у меня давно запел, как кот на крыше, а так — что с ним делать? Хоть ремни ему со спины режь — в нас не поверит!

Ясно было, что так оно и есть, — не поверит. Нету пополнения, выходит, и не будет, игра идет при прежнем раскладе с теми же ставками, где у них — двойки против козырей... Помирать придется, вот что.

— Ладно, — сказал поручик, чуя страшную опустошенность. — Развязывай его, и тронемся. Время уходит. А еще образованный. Что стал? Выполняй приказ!

Развязали пленника и в молчании взгромозились на коней. Поручик, отъехав, зашвырнул в лопухи «веблей» и не выдержал, крикнул с мальчишеской обидой:

— Подберешь потом, вояка! А еще нигилист, жандармов он гробит! Тут такая беда...

В горле у него булькнуло, он безнадежно махнул рукой и подхлестнул коня. Темно все было впереди, и умирать не хочется, и отступать нельзя никак, совесть заест; и он не сразу понял, что это ему кричат:

— Господа! Ну, будет! Вернитесь!

Быстрый в движениях нигилист поспешал за ними, смущенно жестикулируя обеими руками. Они враз повернули коней, но постарались особенно не суетиться — чтобы не выглядеть такими уж просителями.

— Приношу извинения, господа, — говорил быстро человек в сером сюртуке. — Обстоятельства жизни... Постоянно находиться в положении загнанного зверя...

— Сам себя, поди, в такое положение и загнал, — буркнул Платон. — Неволит кто?

— Неволит Россия, господин казак, — сказал нигилист. — Вернее, Россия — в неволе. Под игом увенчанного императорской короной тирана. Народ стонет...

— Это вы бросьте, барин, — хмуро сказал урядник. — Я присягу принимал. Император есть божий помазанник, потому и следует со всем почтением отзываться...

— Ну а вы? — нигилист ухватил Сабурова за рукав помятого полотняника. — Вы же — человек, получивший некоторое образование, пусть и одностороннее. Разве вы не осознаете, что Россия стонет под игом непарламентарного правления? Все честные люди обязаны...

Поручик Сабуров уставился в землю, поросшую сочными лопухами. У него было ощущение, что с ним говорят по-китайски, да еще на философские темы,

— Вы, конечно, человек ученый, и многим наукам, это видно, — сказал он неуклюже. — А вот про вас говорят, простите великодушно, что вас наняли жида да полячишки... Нет, я не к тому, что верю, просто — говорят так...

Нигилист в сером захохотал, запрокидывая голову. Хороший был у него смех, звонкий, искренний, и ничуть не верилось, что этот ладный, ловкий, так похожий на Сабурова человек может запродаться внешним или внутренним врагам, коварно подрывать устои империи за паршивые сребреники. Продавшиеся, в представлении поручика, были скрючившимися субъектами с бегающими глазками, крысиными лицами и жадными пальцами — вроде тех шпионов с турецкой стороны, которых он в прошлом году приказал повесить у дороги и ничуть не маялся по этому поводу угрызениями совести. Нет, те были совершенно другими. А этот, мелькнуло в голове у Сабурова, под виселицу пойдет, подобно полковнику Пестелю. Что же, выходит, есть ему что защищать, выходит, не все закончилось на Сенатской?

— Не надо, — сказал поручик. — Право слово, при других обстоятельствах мне крайне любопытно было бы с вами поговорить. Но положение на театре военных действий отвлеченных разговоров на посторонние темы не терпит... Кстати, как же вас все-таки по батюшке?

— Воропаев, Константин Сергеевич, — быстро сказал нигилист, и что-то навело Сабурова на мысль, что при крещении имя его собеседнику явно давали другое. Ну, да Бог с ним. Нужно же его как-то именовать.

— Значит, вы в самом деле Гартмана... того...

— Подлого сатрапа, который приказал сечь политических заключенных, — сказал Воропаев, вздернув подбородок. — Так что можете отличиться, представив по начальству. Между прочим, награда положена...

— Полноте, сударь, — сказал Сабуров. — Мы с Платоном людей по начальству не таскаем. Это уж ваше с ними дело, сами и разбирайтесь, пусть вас тот ловит, кому за это деньги платят... Наше дело — воевать. Представляете, что будет, если эта тварь и далее станет шастать по уезду? Пока власти раскочаются...

— Да уж, власти российские...

— Вот именно, — быстро перебил его поручик, отвлекая от излюбленного, должно быть, нигилистами предмета беседы. — Вы согласны, господин Воропаев, примкнуть к нам в целях истребления данной мерзости?

Воропаев помолчал. Потом сказал:

— Собственно, я не вправе располагать собою для посторонних целей...

— А вы уж как-нибудь расположитесь. Вот вы говорите — народ стонет. Но ведь от этого чуда-юда народ так застонет... Ну?

— Самое смешное, что вы правы, поручик, — сказал Воропаев. — Вечная история — твердить о страдающем народе, но едва только речь пойдет о конкретных поступках, отдельных людях из народа... — Видно было, что он думал о чем-то своем. — Недавняя дискуссия о методах помощи народу как раз вскрыла...

— Вы вот что, барин, — вклинился Платон. — Может, у вас, как у человека умственного, есть соображения, откуда на нас эта казнь египетская свалилась?

— Вот именно, свалилась, — сказал Воропаев. — Очень точное определение. Если желаете, кое-что покажу. Вы позволите, господин командир нашего летучего отряда, взять ружье?

— Даже почел бы необходимым, — сказал Сабуров.

Воропаев взбежал по ступенькам и скрылся в доме.

— Что он, в самом деле бомбой в подполковника? — шепнул Платон.

— Весьма похоже.

— Как бы он в нас из окна не засветил, право слово. Будут одни потроха по веткам болтаться...

— Да ну, что ты.

— Больно парень характерный, — сказал Платон. — Такой шарахнет. Ну, коли сам вслед мириться побежал... Ваше благородие?

— Ну?

— Не похож он на купленного. Такой если в драку — то уж за свою правду. Только неладно что-то получается. С одной стороны — есть за ним какая-то правда, чуется. А с другой — как же насчет поносных слов в адрес священной особы государя императора?

— Господи, да не знаю я! — с сердцем сказал Сабуров.

— Эх ты, Господи Боже — все правду ищут, и у всех она своя. Неуж ее, одной, так-таки и нету?

Показался Воропаев с хорошим охотничьим ружьем. Они повернулись было к лошадям, но Воропаев сказал:

— Вот сюда, господа. Нам лесом.

Они обошли дом, оскользясь на лопухах, спустились по кособору и двинулись лесом без дороги. Сабуров, глядя в затылок впереди шагавшему Воропаеву, рассказывал уже в подробностях, как обстояло дело на постоялом, как сдуру принял страшную смерть ротмистр Крестовский, великий любитель устава и порядка, с присными.

— Коемуждо воздается по заслугам его, — сказал Воропаев, не оборачиваясь. — Зверь. Там с ним не было такого кряжистого, в партикулярном?

— Смирновский?

— Свели знакомство?

— Увы, — сказал Сабуров.

— И он здесь. Значит, обложили. Ну, посмотрим... Деревья кончились, и началось болото — огромное,

даже на вид цепкое и глубокое. И саженьях в трех от краешка сухой твердой земли из бурой жижи возвышалось нечто странное — будто бы верхняя половина глубоко ушедшего в болото громадного шара, и по широкой змеистой трещине видно, что шар пуст внутри. Полное сходство с зажигательной бомбой, что была наполнена горючей смесью, а потом смесь выгорела, разорвав и самое бомбу — невиданный шар покрыт копотью, окалиной, гарью. Только там, где края трещины вывернуло наружу, виден его естественный цвет — сизо-стальной, явно металлический.

Поручик огляделся, ища камень. Не усмотрев такового, направил туда кольт и потянул спуск. Пуля срикошетила с лязгом и звоном, как от броневой плиты, взбила в болоте фонтанчик жижи.

— Бомба, право слово, — сказал Платон. — Только это ж какую нужно пушку — оно сажени две в объёме... Такой пушки и на свете-то нет...

— Вот именно, у нас нет, — сказал Воропаев. — А на Луне или на Марсе, вполне вероятно, сыщется.

— Эт-то как это? — у казака отвалилась челюсть.

— Вам, господин поручик, не доводилось ли читать роман француза Верна «Из пушки на Луну»?

— Доводилось, представьте, — сказал Сабуров. — Давал читать поручик Кессель. Он из конной артиллерии, так что сие сочинение читал с интересом профессиональным. И мне давал. Лихо завернул француз, ничего не скажешь. Однакож это ведь фантазия романиста...

— Вот и подтвердилась фантазия.

— Но как же это?

— Как же это? — повторил за Сабуровым и Платон. — Ваше благородие, неужто можно аж с Луны или другой небесной планеты в нас — бомбою?

— А вот выходит, что можно, — сказал Сабуров в совершенном расстройстве чувств. — Как ни крути, получается — можно. Вот она, бомба.

Бомба действительно вздымалась совсем рядом, и до нее при желании легко было добросить камнем. Она неопровержимо убеждала. Очень уж основательная была вещь. Вряд ли найдется такая пушка на нашей грешной планете...

— Я не спал ночью, когда она упала, — сказал Воропаев. — Я, м-м... занимался научными опытами. Вспышка, свист, грохот, такой удар, что дом подпрыгнул. Потом что-то темное вдаль уползло.

— Мартьян говорил про огненного змея, — вспомнил Платон. — Вот он, змей...

Все легко складывалось — огненный змей, чудовищных размеров бомба, невиданная тварь, французский роман; все сидело по мерке, как шитый на заказ хорошим портным мундир...

— Я бы этим, на Луне, руки-ноги поотрывал вместе с неудобосказуемым, — мрачно заявил Платон, высматривая на небе место, где могла находиться невидимая сейчас Луна. — Это ж как если б я соседу гадюку в горшке во двор забросил... Суки поднебесные...

— А если это и есть лунный житель, господа? — звенящим от возбуждения голосом сказал Воропаев. — Наделенный разумом?

Они ошарашенно помолчали, переваривая эту мысль.

— Никак невозможно, барин, — сказал Платон. — Что же он тогда, стерва, жрет все и всех, что попадется? Турок на что басурман, настолько на нас не похож, форменный лунный житель, а людей, однако, все ж не жрет...

— Резонно, — сказал Сабуров. — Лунную мартышку какую-нибудь завинтили внутрь ради научного опыта...

— Я вот доберусь, такой ему научный опыт устрою — кишки по закоулочкам...

— Ты доберись сначала, — хмуро сказал Сабуров, и Платон увял.

Они оглянулись на огромную бомбу, закопченное треснувшее полушарие.

— К ночи утонет, — сказал Воропаев. — Вот, даже заметно, как погружается. А хляби здесь глубокие. Ник как его потом не выволочь, такую махину...

— И нечего выволакивать, — махнул рукой Платон.

— Вот что, господин Воропаев, — осторожно начал Сабуров. Он не привык к дипломатии, тем более в таком деле, и слова подыскивались с трудом. — Я вот что... Тварь эту вы видели ночью, мимоходом, а мы наблюдали белым днем в деле. Тут все не по-суворовски — и пуля дура, и штык вовсе бесполезен. Не даст подойти, сгребет...

— Что же вы предлагаете?

— Поскольку господина Гартмана вы, как бы это деликатнее... использовав бомбу... я и решил, что в эти места вы забрались, быть может, изготовить нечто схожее... И ночью, вы сами признались, не спали. Мастерили, а? «Научный опыт» мастерили?

И по глазам напрягшегося в раздумье Воропаева Сабуров обостренным чутьем ухватил: есть бомба, есть!

— Я, признаться, не подумал, господин Сабуров... — нигилист колебался. — Ведь это вещь, которая некоторым образом принадлежит не только мне... Вещь, которую я обязался товарищам моим изготовить в расчете на конкретные и скорые обстоятельства... И против чести нашей организации будет, если...

— А против совести твоей? — Сабуров круто развернулся к нему. — А насчет того народа, который эта тварь в клочки порвет, насчет него как? Россия, народ — не ты рассусоливал? Мы где, в Сиаме сейчас? Не русский народ оно в пасть пихает?

— Господи! — Платон бухнулся на колени и отбил поклон. — Барин, я георгиевский кавалер, прадеды мои этак не стайвали, а перед тобой вот стою! Ну, дело требует!

— Встаньте, что вы... — бормотал покрасневший Воропаев, неуклюже пытаясь его поднять, но урядник подгибал ноги, не давался:

— Христом Богом прошу! Турок ты, что ли? Не дашь — свяжу, весь дом перерою, а найду! Сам кину!

— Вы же не сумеете...

— Казак все сумеет!

— Хотите, и я рядом на колени встану? — хмуро спросил Сабуров, видя, какое внутреннее борение происходит в этом человеке, и пытаясь его усугубить в нужную сторону. — Сроду бы не встал, а сейчас...

— Господа, господа! — Воропаев покраснел, как маков цвет, на глаза даже слезы навернулись. — Что же вы на колени, господа, сие мерзко для души человеческой... Ну, согласен я! Дам бомбу!

...Бомба имела вид шляпной коробки, обернутой холстом и туго перевязанной крест-накрест; черный пороховой шнур торчал сверху. Воропаев вез ее, держа перед собой на шее лошади. Сабуров с Платоном сперва сторонились, потом привыкли. Справа было чистое поле, и слева — поля с редкими чахлыми деревцами, унылыми лощинами. Впереди, на взгорке — полоска леса, и за ним — снова поле, открытое место, протяженное, хоть задавай кавалерийские баталии с участием многих эскадронов. Животы подводило, и все холодело внутри от пронзительной смертной тоски, плохо совмещавшейся с мирным унылым пейзажем и оттого еще более сосущей.

— Куда ж оно идет? — тихо спросил Сабуров.

— На деревню, больше некуда, — сказал Платон. — Помните карту, ваше благородие? Такого там натворит... Так что нам, выходит, либо пан, либо пропал.

— С коня бросать — ничего не выйдет, — сказал Воропаев. — Понесет конь...

— Так встанем в чистом поле, — сказал Сабуров отчаянно и зло. — На пути. Как деды-прадеды ставали...

Они въехали на взгорок. Там, внизу, этак в полуверсте, страшный блин скользил по желто-зеленой равнине, удаляясь от них, ничего не зная о них, поспешал по невидимой прямой, направляясь прямехонько в невиданную отсюда деревню. Чужал ее, что ли?

— Упредить бы мужиков? — сказал Платон.

— Ты поскачешь? — зло спросил Сабуров.

— Да нет.

— А если прикажу?

— Тоже нет. Вы уж простите, господин поручик, ну как я вас брошу? Не по-военному, не по-русски.

— Тогда помалкивай. Обойдем вон там, у берез, — поручик Сабуров задержался на миг, словно пытаюсь в последний раз вобрать все краски, все запахи, колера земли и вкус ветра. — Ну, в галоп! Господин Воропаев, на вас вся надежда, вы уж не подведите!

Они сделали галопом большой крюк, соскочили на землю, криками и ударами по крупам прогнали коней. Встали шеренгой, плечом к плечу.

— Знаете, господа, что самое грустное? — весело крикнул Сабуров, испытывая ощущение невыразимой легкости в мыслях и движениях, ощущение невесомого предсмертного мига. — Дракон есть, рыцари налицо, а прекрасной принцессы, как на грех, нету! Гойда! У вас есть невеста, Воропаев, который не Воропаев?

— Увы, нет!

— У меня тоже, вот незадача!

— А у меня хозяйка! — крикнул Платон. — Йэх, не узнает разлюбезная, где мил соколог Платоша полег!

— Воропаев, бросайте, если что, прямо под ноги! Либо мы, либо оно!

— Понял!

— Внимание, господа! Все!

Чудо-юдо катилось на них, бесшумно, как призрак, неотвратно, как рок, скользило над зеленой травой, и оно уже заметило людей, несомненно, поднялись на стеблях алые шары, свист-шипенье-клекот пронесся над полем, зашевелились, расправляясь, клубки щупалец, оно не замедлило бега, ни на миг не задержалось. Воропаев чиркнул сразу несколькими спичками, поджег длинную смолистую лучинку, и она занялась.

Поручик Сабуров поднял револьверы, изготовился для стрельбы, и в этот миг на него нахлынуло что-то, чужая тоска, непонимание и злоба, но не человеческие это были чувства, а что-то животное, неразумное. Он словно перенесся на миг в иные, незнакомые края, неизвестно где находящиеся, — странное фиолетовое небо, вокруг растет из черной земли что-то красное, извилистое, желтое, корявое, сметанно-белое, загогулистое, что-то шевелится, ни на что не похожее, порхает, пролетает над головой, и все это — не бред, не видение, все это есть — где-то там, где-то в небесной выси...

Сабуров стряхнул это наваждение, стал палить из обоих револьверов по набегавшему чудовищу. Рядом гроыхнула винтовка Платона, а чудище набегало, скользило, наплывало, надвигалось, время для них оставилось, как для мух в янтаре, и вот уже взвились щупальца, взмыли сетью, заслоняя звуки и краски мира, пахнуло непередаваемо тошнотворным запахом, бойки разряженных уже револьверов бесцельно молотили в капсюли выстреленных патронов, и Сабуров, опамятавшись, отшвырнул револьверы, выхватил саблю, занес, что-то мелькнуло в воздухе, закувыркалось, грузное и дымящее...

Громоподобный взрыв швырнул Сабурова в траву, перевернул, проволочил, будто бы горящие куски воздуха пронесли над ним, белесый дым словно бы пронизал его тело, залепил уши, лицо, в ушах надрывались ямские колокольцы, звенела сталь о сталь, гремел Иван Великий...

А потом он понял, что жив и лежит на траве, а вокруг тишина, но не от контузии, а настоящая — потому что слышно, как ее временами нарушает оханье. Тогда он вскочил. Охал Платон, тоже уже стоявший на ногах, одной рукой он держал за середину винтовку, другой смахивал со щеки кровь. И Воропаев, который не Воропаев, уже стоял, глядя на неглубокую, курящуюся белесой гарью воронку, а вокруг воронки...

Да ничего там не было почти. Так, клочки, ошметки, мокрые хлопья, густые брызги.

— А ведь свершили, господа, — тихо, удивленно сказал поручик Сабуров. — Свершили...

Он знал отчего-то: что бы он в дальнейшей жизни ни свершил, чего бы ни достиг, таких пронзительных минут торжества и упоения не будет больше никогда. От этого было радостно и тут же грустно, горько. Все кончилось, но они-то были!

— Скачут, — сказал Платон. — Ишь, поди, цельный эскадрон подняли, бездельники...

Из того лесочка на взгорке вылетели всадники и, рассыпаясь лавой, мчались к ним — человек двадцать в мундирах того цвета, который страсть как не любил один поручик Тенгинского полка.

— По мою душу, — сказал Воропаев. — Ничего, все равно убегу, не первый раз...

К ним мчались всадники, а они стояли плечом к плечу и смотрели устало — Белавинского гусарского полка поручик Сабуров (пал под Мукденом в чине полковника, 1905), нигилист с чужой фамилией Воропаев (в действительности — дворянин Сперантьев, казнен по процессу первомайцев, 1881), Терского казачьего войска старший урядник Нежданов (помер от водки, 1886), — смотрели равнодушно и устало, как жнецы после трудного дня, ратоборцы после тяжелого поля. Небо над их головой было небывало огромным, насыщенным неизвестной жизнью, совсем даже, как выяснилось, непохожей на нашу. Главное было позади, остались скучные хлопоты обычного дня и досадные сложности бытия российского, и ничего никому не удастся доказать, и никто никогда не поверит, и вряд ли кому-то из троих случится еще встретиться с жителями небесных планет.

Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Так утверждали древние, но это утверждение, похоже, не для всего происходящего в этом мире справедливо.

В еликолеп- ные тепороды



ЗАПИСКИ
ЧЕЛОВЕКА ДОЛГА

Пролог. ЗА ТРИ ДНЯ ДО ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

Большую черную машину они оставили у поворота, где на металлическом штыре сидел расписной керамический гном, а рядом прохаживались у своих мотоциклов люди из блокер-группы. Молча шли по осеннему лесу, подняв воротники плащей, хотя дождя и ветра не было, почему-то шли гуськом, след в след, хотя тропинка была широкая.

— Сколько там людей? — не оборачиваясь, спросил тот, что шел впереди. Во рту у него была прямая трубка, и оттого вопрос прозвучал невнятно, но его поняли. Когда говорит генерал, младшие по званию, как правило, слушают очень внимательно. Тем более в такой ситуации.

— Уже человек двадцать. Местная полиция выведена из игры — я звонил их министру.

— Как по-вашему, сколько у него патронов?

— Пока выпустил семнадцать, мой генерал. Сколько осталось, никто не знает. Мы пришли, вот...

Домик был маленький, яркий, аккуратный. У крыльца стоял забрызганный грязью автомобиль с распахнутой дверцей, к нему прилипли желтые листья, и левая фара была разбита.

— Гнал как бешеный. Хорошо, Ричи не растерялся, сел ему на хвост и немедленно связался со мной.

— Начнем.

Тому, кого называли генералом, подали микрофон. Все замолчали.

— Лонер, — сказал он, и гремящее эхо улетело в чашу. — Капитан Лонер, я к вам обращаюсь!

Пуля, противно свистнув, срубила ветку высоко над их головами. Никто не пригнулся. Ветка не долетела до земли, запуталась где-то в кронах.

— Лонер!

Карабин хлестко щелкнул три раза подряд, высоко над головами людей взвихрились листья.

— Вот так и продолжается. Нужно что-то делать. По-моему, единственный выход — газовые гранаты.

— Я мог бы пойти к нему. Я уверен, он не станет в меня стрелять — все время он бьет поверх голов. Вы разрешите, генерал?

— Нет. Не стоит рисковать. Святые Себастьяны мне не нужны. Лонер, выходите, это бессмысленно!

Выстрел. Выстрел. Выстрел. И тишина.

— Ну ладно. Мы его скоро возьмем. Но скажет мне кто-нибудь, что могло так на него подействовать?

Они молчали. Сказать было нечего. Существуют люди, которые никогда, ни за что не сломаются. И все же?

— Пускать газометчиков, мой генерал? — спросил грузный человек в синем плаще.

— Подождите. Патрик, езжайте в город. Свяжитесь с Региональным, разыщите Кропачева и Некера. Некер, по-моему, в Роттердаме. Пусть немедленно высылают замену. Резерв в готовность. Подтягивайте газометчиков.

Человек в синем плаще попробовал по привычке щелкнуть каблуками, но на усыпанной листьями земле у него ничего не вышло, и он смутился.

— Лонер, — генерал снова взял микрофон, и снова пуля пробила редеющую осеннюю листву. — Одно слово — что там? Хотя это сказать можете? Вы же мужчина, офицер, черт побери...

В ответ раздался вопль насмерть перепуганного человека:

— Там преисподняя!

— Внимание, газометчики пошли!

Сухо треснул еще один выстрел, показавшийся глуше тех, что были до него. Сначала никто ничего не понял, а когда поняли, к домику со всех сторон бросились люди в форме войск ООН, в штатском, в маскировочных комбинезонах. Генерал остался на месте и видел, как капитан, первым распахнувший входную дверь, вдруг с маху остановился на пороге, посмотрел себе под ноги, медленно поднял руку, снял фуражку и остался стоять так...

— Господи! — выдохнул кто-то.

Совершенно секретно. Степень А-1.

Капитан Лонер Жан-Поль (Звездочет).

Профессиональный контрразведчик. Родился в 2007 г. В июне 2032-го закончил военное училище «Статорис» (факультет контрразведки). Следователь по особо важным делам Международной Службы Безопасности ООН (управление «Дельта»). Два национальных и три международных ордена. Женат. Сын. Дочь.

День первый

— Что вы подразумеваете под конфликтом?

— Когда люди грызут друг другу глотки, — сказал он. — Вовсе не обязательно в буквальном смысле. Главное — враждующие непримиримы. Вы согласны с тем, что и будущее невозможно без конфликтов, спасибо и на том... Но вы упорно считаете, что все ограничится чинным ученым спором в каком-нибудь хрустальном амфитеатре. А я пытаюсь втолковать вам, что и через сто,

двести лет конфликты так и не приобретут характера чисто словесной дуэли. Всегда будут какие-то действия — не грязные, не кровавые, но так или иначе ограничивающие возможность одного из противников бороться и дальше. Действия.

— Знаете, расскажите лучше о ваших творческих планах.

— Вы увиливаете.

— Потому что не могу с вами согласиться, — сказал я.

— Потому что вы из упрямых, — передразнил он мою интонацию. — Упрямец вы, Адам, правда, имя у вас интересное. Адам Гарт. Прекрасное имя — по нему абсолютно невозможно определить вашу национальную принадлежность. Европеоид — и точка. Идеальное имя для разведчика.

— Фамилию родителей не мы выбираем, — сказал я. — А имена родители нам дают, не спрашивая нас. Итак?

— Итак... Когда-то боролись с устаревшими общественными формациями. Побороли. Боролись с ядерным оружием и регулярными армиями. Разоружились. Сейчас борются с экстремистами. Я уверен, скоро одолеют и их. На дворе — не Эдем еще, но далеко уже не клоака. А дальше? Вам не приходит в голову, что человечество без оружия и войн, обеспеченное хлебом и работой, стоит на пороге новых, неведомых конфликтов? Конфликтов благополучного человечества. Любой самый привлекательный образ жизни, любая общественная формация не вечны, что-то должно прийти им на смену, иначе — застой. Хоть с этим вы согласны?

— Ну да, — сказал я, щелчком отправив за борт скурочку.

— Вот. Ну а если общество встретится с конфликтами, которых мы пока и представить себе не можем? Ну, скажем, борьба сторонников космической экспансии с

домоседами? Противостояние биологической и технической цивилизаций? Сторонников изменения человеческого тела — с теми, кто считает наше тело вечной и неизблемой святыней? Непримируемая схватка? — Догарда прищурился. — Непримируемая.

Признаться, он мне надоел. Вскоре должен был показаться Город, а я еще многого не продумал, не успел составить четкого плана действий — так, наметки, черновики. Впрочем, тут и не может быть четкого плана действий...

Догарда задумчиво курил — розовый, тугой, как дельфин, с лихой шкиперской бородкой. Он был фантастом. Очень известным и популярным не только на континенте. И потому умел играть словами, как черт — грешными душами. А я просто-напросто не умел дискутировать о будущем человечества и гипотетических путях его развития, моя специальность — сугубо злободневные, сиюминутные дела, ничего общего с социальной футурологией не имеющие.

— Вы мне не ответили, Адам.

Я очнулся и вспомнил, что меня со вчерашнего дня зовут Адам.

— Вряд ли мы переубедим друг друга, так стоит ли тратить порох? Скажите лучше, что вам понадобилось в Городе?

— Посмотреть хочу, — сказал он. — Я люблю бывать там, где есть тайна. Тем более такая тайна.

В этом мы как раз не сходимся, мог бы я сказать. Я терпеть не могу шататься по всяким таинственным местам, но именно поэтому меня то и дело туда забрасывает. Точнее, забрасывают. И ничего тут не поделать, потому что другой жизни мне не надо.

Пассажиры сгрудились у правого борта и прилипли к биноклям, хотя до Города оставалось еще несколько миль. Мы долго молчали. Потом к нам подошел моряк, кивнул мне и сказал:

— Попрошу приготовиться. Скоро берег.

И ушел, сверкая золотыми нашивками. Теплоход ощутимо гасил скорость. Я поднялся и стал навешивать на себя фотоаппараты и диктофоны — реквизит, черт его дери. Догарда помог мне привести в порядок перепутавшиеся ремни:

— Надеюсь, мы встретимся в Городе.

— Надеюсь, — сказал я без всякого воодушевления.

Теплоход остановился на рейде. Невысокие синие волны шлепали о борт. Матросы установили трап с перилами, пассажиры расступились, и я, навьюченный аппаратурой от лучших фирм, прошел к борту под перекрестным огнем пугливых, любопытных, восторженных взглядов. Теплым напутствием прозвучал чей-то громкий шепот:

— Пропал репортер, а жалко, симпатичный...

Я оставил это без внимания, поправил ремни и шагнул на трап — увы, это были не те ремни, и не тот трап. Я был единственным пассажиром, высаживавшимся в городе (Догарда собирался прилететь туда двумя днями позже), и капитан не стал заходить в порт. Вряд ли на такой шаг его толкнули одни заботы об экономии топлива. Наверняка боялся. Слухов расплодилось несметное количество, и они были настолько нелепыми, что им верили даже умные люди. Как всегда. Реликтовый мистицизм. Стоит случиться чему-то странному, и моментально расплзутся дилетантские гипотезы, в ход пойдут, как водится, пришельцы с неподвижных звезд, хулиганствующие призраки тамплиеров, шаманы малоизвестных племен и дерево-людоед из девственных джунглей Борнео. А достоверной информации нет, надежных отчетов нет, серьезных исследований нет, есть только панические письма отцов города во все инстанции, вплоть до Ватикана и Красного Креста. Письма, похожие на громогласный рев заблудившегося карапуза. Исключение представляет только последнее письмо — анонимное, но не паническое, скорее загадочное, однако, безу-

словно, написанное нормальным человеком. И еще у нас есть самоубийство одного и полное молчание второго — а это люди, в которых до недавнего времени никто не посмел бы усомниться. Их послужной список, их деловые качества... Они ничем не уступают, а в чем-то и превосходят человека, которого сейчас зовут Адам Гарт. Один из них даже был в свое время учителем и наставником так называемого Адама Гарта...

Уверенно застучал двигатель моторки, острый нос задрался над волнами, и голубая вода вскипела белой пеной, борт теплохода остался позади. Навстречу мне летел город — белая балюстрада набережной, яркие платья и пестрые рубашки, качающиеся на привязи яхты, стеклянные здания, большая надпись «Добро пожаловать!», выведенная белой краской на парапете, разлапистые пинии, приткнувшийся в квадратной выемке алоголубой гидропланчик. И метеориты. Вот ты и прибыл, сказал я себе, вот ты и прибыл, Адам, только твой Эдем, похоже, полон чудовищ и прочей нечисти...

Совершенно секретно. Степень А-1.

Полковник Кропачев Антон Степанович (Голем).

Профессиональный контрразведчик. Родился в 2010 г. В 2028—2031 гг. служил в авиадесантных частях Войск ООН. В 2033 г. закончил военное училище «Статорис» (факультет контрразведки). В настоящее время — следователь Отдела кризисных ситуаций МСБ, член Коллегии МСБ. Девять национальных и пять международных орденов. Нобелевская премия мира (2039). Холост.

Моторка остановилась у широкой каменной лестницы, стукнулась бортом. Три нижних ступени лестницы были под водой, а в воде плавали апельсиновые корки, мятая пачка от сигарет и страница комикса.

Я взял чемодан и пошел вверх по лестнице. И так, добро пожаловать. Мир входящему. Будем надеяться, что и уходящему тоже...

Поднявшись на уровень земли, я поставил чемодан и огляделся. Тут же кто-то за моей спиной спросил:

— Приезжий?

Я медленно обернулся. Передо мной стоял крупный мужчина в белом костюме и фуражке с затейливым гербом какого-то яхт-клуба. Тонем профессионального гида он спросил:

— Памятные места, достопримечательности, древности?

— Специализируетесь?

— Специализировался, — сказал он. — Экскурсионные прогулки, морские и по городу. Автобусы, моторки. Ныне — архимертвый сезон. Один трактир остался. Туристы отхлынули, и грех их за это винить...

Он посмотрел в небо, голубое, безоблачное, исчерканное во всех направлениях дымными полосами. Метеориты падали и падали, безостановочно, как на конвейере, сгорали над крышами, распадались пылающей пылью, сыпались, как зерно из распоротого мешка, и не было им числа, и не было им конца. Каждую секунду — метеорит. Может быть, чаще. Небо напоминало паучью сеть, раскинутую над городом. Правда, паучья сеть красивее.

— Время бросать камни... — сказал он. — И хоть бы один на землю упал.

— Да, впечатляет, — сказал я. — Словно небо взбесилось.

— Скажите лучше — преисподняя.

— Преисподняя вроде бы располагается в подземельях, — сказал я. — А здесь — небо...

— Так как насчет достопримечательностей?

— Понимаете, я ведь приехал сюда работать. Из-за границы. «Географический еженедельник». Международный журнал, редакция в Женеве.

— Не слышал...

— Больше узкопрофессиональный, чем развлекательный и научно-популярный, — сказал я. — Мало кто знает.

— Может, это и к лучшему, что узкопрофессиональный, — сказал он. — Потому что обычные заезжие журналисты суют нас под одну рубрику с двухголовыми телятами и очевидцами приземления летающих тарелок. Правда, до вас уже был один такой — тоже с самыми серьезными намерениями, узкопрофессиональный и близкий к кругам.

— И что?

— И ничего, — сказал он. — В первые дни развил бурную деятельность, а теперь просиживает штаны в моем кабаке. Вроде бы мне это только на руку — хороший клиент, бочку уже выпил, наверное. А с другой стороны, обидно — очень уж деловым показался сначала, а теперь забыл и о делах, и о своем Стокгольме (услышав про Стокгольм, я наострил уши). Когда только с него отчет потребуют? Или в ваших международных журналах такое поведение в порядке вещей?

— Да нет, — сказал я. — Он что, тоже из международного?

— Да. Какая-то «Панорама». Лео Некер. Не слышали?

— Нет. А вашим любезным предложением насчет достопримечательностей, быть может, и воспользуюсь. Где вас найти?

— Бар «Волшебный колодец», — сказал он. — После пяти всегда открыто. Милости просим. Меня зовут Жером Пентанер.

— Адам Гарт.

Он кивнул мне и вразвалочку пошел вдоль парапета. Я увидел условленную скамейку, сел, достал из кармана магнитофон и вставил первую попавшуюся кассету. Наконец-то появился мой человек.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я Зипперлейн.

— Присаживайтесь, — сказал я после обмена ритуальными словесами пароля. — Антон Кропачев.

— Тот самый?

— Тот самый.

Он сел, тихонько побряхтывая по-стариковски. Ему было под шестьдесят, седой, худощавый, похожий на коршуна. Несмотря на теплую погоду, он напялил синий плащ и застегнул его на все пуговицы. Некоторые на него оглядывались.

— Вам не жарко?

— Представьте, нет. Почему-то все время зябну. Может быть, это от нервов, как вы думаете? (Я пожал плечами). Черт его знает... Опоздал вот, что совершенно недопустимо. Пойдемте, машина у меня за углом. Мы сняли для вас номер. Собственно, можно было и не заказывать, половина отелей пустует, да уж положено так... Что вам еще нужно? Машина?

— Пока что нет. Я хочу сначала осмотреться сам, чтобы не зависеть от чьих-то суждений и мнений, которые наверняка ошибочны — ведь никто ничего не знает точно. И номер в гостинице меня, откровенно говоря, не устраивает. Нельзя ли поселить меня под благовидным предлогом в частном доме, где есть... как вы их зовете?

— Ретцелькинды, — сказал он. — По аналогии с вундеркиндами. Ретцелькинд — загадочный ребенок. Кажется, термин неточный, на немецкий переведено плохо, да так уж прикинулось...

— Странный термин.

— Потому что вы слышите его впервые.

— Вы правы, — сказал я. — Итак? Между прочим, вас должны были предупредить о возможном варианте «частный дом».

Он думал, глядя перед собой. Над крышами безостановочно вспыхивали метеориты, и это производило впечатление, а в первые минуты даже ошеломяло.

— Есть вариант, — сказал Зипперлейн. — Подруга моей племянницы, очень милая и понимающая женщина. Сын шести лет, муж погиб.

— Прекрасно, — сказал я. — Теперь объясните мне, бога ради, что происходит с Некером? Почему о том, что он пьянствует, и, судя по всему, беспробудно, я узнаю от первого встречного? И, между прочим, мне очень не понравилось, что я узнал о нем от первого встречного, — что-то я не верю в такие случайности...

— Да? А от кого?

Я сказал.

— Ну, это вы зря. Пентанер — человек приличный. Просто работа у него такая — встречать приезжающих. Вот вам и случайность. А что до Некера... Откуда мы знаем, игра это или он действительно бросил дела и пьянствует? Я не могу поверить...

— Резонно, — сказал я. — Простите. Я знаю Некера четырнадцать лет и потому не могу поверить... Правда, я о Лонере помню. Зипперлейн, у вас есть дети?

— Моим уже за тридцать.

— Наверное, следовало спросить о внуках...

— Один внук пяти лет.

— И?

— Да, — сказал он. — Ретцелькинд.

— И что вы обо всем этом думаете?

— Я боюсь. Бояться вроде бы стыдно, но я боюсь.

— Понимаю.

— Ничего вы не понимаете, — сказал он. — Извините, полковник, но чтобы понять нас, нужно побывать в нашей шкуре. У меня почти тридцатилетний стаж, четыре ордена и четыре раны, но сейчас я боюсь — до боли, до дрожи. Вы представляете себе, что это такое — жить в городе, который вот уже третий месяц бомбардируют, кажется, все метеориты Солнечной системы? А ночью — северные сияния, миражи. Да-да, даже миражи ночью бывают... И еще многое. Любое из этих

явлений природы имеет свое материалистическое, научное объяснение, но ни один ученый не может объяснить, почему все это сплелось в тугой узел именно здесь. А ведь метеориты и прочие оптические явления — лишь верхушка айсберга, безобидные декорации сцены, где разыгрываются кошмары... Да, мы боимся.

— Вы можете кратко объяснить, что происходит с детьми?

— У вас у самого есть дети?

— Нет.

— Плохо, — сказал он. — Будь у вас дети, вы быстрее поняли бы. Дело в том, что наши дети, я имею в виду ретцелькиндов, словно бы и не дети. Вот вам и квинтэссенция. Словно бы они и не дети.

— Преждевременная зрелость? Вундеркинды?

— Да нет же, — досадливо поморщился Зипперлейн. — Вот видите, вы не поняли. Вундеркинды — это совсем другое. Пятилетние поэты, шестилетние математики, семилетние авторы поправок к теории относительности вписаны в наш обычный мир, вписаны в человечество, если можно так выразиться. Ретцелькинды — другие. Словно бы среди нас живут марсиане — со своими идеями, со своей системой ценностей и стремлениями, о которых мы ничегошеньки не знаем и не можем узнать, потому что они с нами об этом не говорят. Ну не могу я объяснить! Речь идет о явлении, для которого нет терминов, потому что ничего подобного прежде не случалось. Вы только поймите меня правильно...

— Понимаю, — сказал я. — Пойдемте.

Зипперлейновская малолитражка была старомодная, опрятная и подтянутая, как старый заслуженный боцман перед адмиральским смотром. Мы уселись.

— Что мне сказать Анне? — спросил Зипперлейн.

— Моя будущая хозяйка?

— Да.

— А вы чистую правду говорите, — сказал я. —

Приехал человек из столицы, хочет разобраться в ситуации.

— Что делать с Некером?

— Ничего, — сказал я. — Мы с вами оба ниже его по званию, его полномочий никто не отменял. Пока мы не убедимся, что дело неладно...

— Вы не допускаете, что он мог докопаться до сути?

— Еще как, — сказал я. — Это — Некер. Это — сам Роланд. Вполне возможно, что в вашем городе есть и другие люди, докопавшиеся до сути. Вопрос первый: если они есть, почему они молчат? Вопрос второй: почему Некер, если ему удалось докопаться до сути, ударился в загул?

— Может быть, на него так подействовала истина.

— Стоп, комиссар, — сказал я. — Я не знаю истины, способной выбить из колен Лео Некера. Нет таких истин, не было и не будет. Если бы вы знали его так, как знаю я, подобные мысли автоматически показались бы вам галиматьей и ересью низшего пошиба. Это один из моих учителей, это один из тех, кто являет собой легенду Конторы, мифологию внутреннего употребления...

— Вам виднее, — сказал он. — Я всего лишь полицейский. Однако при столкновении с чем-то качественно новым прежние критерии могут оказаться устаревшими...

— Как знать, как знать, — отделался я универсальной репликой.

Зипперлейн неожиданно затормовил, и я едва не вмазался носом в стекло.

— Совсем забыл, — он виновато почесал затылок. — Дальше — только для пешеходов. Можно в объезд. Или пройдемся? Всего три квартала.

— Давайте пройдемся, — сказал я. — Как два перипатетика.

Я взял чемодан, Зипперлейн запер машину, и мы тронулись. Голуби, разгуливавшие по мостовой, недоволь-

но расступались перед нашими ботинками. Настроение у меня портилось. Когда впереди показался броневик, оно упало едва ли не до абсолютного нуля.

Видимо, запрет автомобильного движения на броневик не распространялся. Он стоял у кромки тротуара, высокий, зеленый, на толстых рубчатых колесах, чистенький, словно только что вышедший из ворот завода. На броне у башенки сидел сержант и что-то лениво бубнил в микрофон, двое солдат в лазоревых касках стояли у колес, держа свои автоматы, как палки, и откровенно скучали. Здоровенные такие румяные блондины, от них за версту несло фиордами, набережной Лангелиние, Андерсеном и троллями. Мимо, обогнав нас а Зипперлейном, прошла девушка в коротком желтом платье, и потомки Эйрика Рыжего синхронно повернули головы ей вслед.

Мы миновали броневик, и я увидел их четвертого, лейтенанта, он стоял вполоборота к нам, смотрел на противоположную сторону улицы, и его расслабленная фигура была исполнена той же безнадежной скуки. Я взглянул на него пристальнее и тут же отвел глаза. Хорошо, что Зипперлейн заслонял меня.

Совершенно секретно. Степень А-1.

Полковник Конрад Чавдар. Родился в 2008 г. В 2026—2029 гг. служил в авиадесантных частях Войск ООН. В 2031-м закончил военное училище «Статорис» (факультет общевойскового командования). В настоящее время — командир полка специального назначения «Маугли». Четыре международных и три национальных ордена. Женат. Сын.

Теперь прибавились дополнительные загадки. Конрад, я знаю, скромный человек, но не настолько, чтобы на операции переодеваться в форму обычной бронепе-

хоты с погонями младшего по званию. Следовательно... Следовательно, экипаж этого броневика весьма квалифицированно валяет ваньку, изображая скучающих новобранцев. А на самом деле это — полк «Маугли», профессионалы, элитная ударная группа по борьбе с терроризмом. От страха их сюда послали, что ли? Совет Безопасности напуган здешними чудесами, и потому... Или назревает что-то серьезное?

— В городе все спокойно? — спросил я. — Нет, я не о ретцелькиндах. В других отношениях.

— Кажется, спокойно.

Черт бы тебя побрал, выругался я про себя, ты что, не помнишь, какие люди сворачивали себе шею из-за того, что лишний раз произнесли или подумали слово «кажется», очень уж положились на его обманчивую гибкость?

— Как вы носите пистолет, Зипперлейн?

— Как большинство — в «петле». Но чаще не ношу. Я уже пожилой человек...

— А вы, часом, не фаталист?

— А вы?

— Когда как, — сказал я чистую правду.

— Этот город способен сделать вас фаталистом.

— Ну да, — сказал я. — За день выпадает уйма метеоритов, и ни один еще не упал кому-нибудь на голову. Это убеждает.

— Вы элитесь?

— Честное слово, не на вас, — сказал я. — Вы же умный человек, комиссар. Я немножко злюсь на людей, которые далеко отсюда. Ради чистоты эксперимента меня сунули сюда, абсолютно не проинформировав. Я все понимаю, метод «контрольный след» сплошь и рядом дает неплохие результаты, но могу я выругаться хотя бы мысленно?

— Да... — сказал он. — Что я еще могу для вас сделать?

— Оставьте на почтамте мой адрес. Вот, пожалуй, и все. Разве что... Вы меня не проинструктируете?

— Инструктаж уместится в одной фразе, — сказал он. — Ничему не удивляйтесь. Если станете удивляться, можете наделать глупостей. Что бы с вами ни случилось, помните одно — это не галлюцинации, вы абсолютно здоровы.

— Прекрасный инструктаж. Едва ли не лучший из всех, какие я за свою службу получал... Нет, серьезно.

— Вот именно. Ничему не удивляйтесь. Возможно все, что угодно. Но это не опасно для жизни и здоровья. По крайней мере не было прецедентов... Все, мы пришли.

Посреди большого сада стоял красный кирпичный домик под черепичной крышей.

— Зипперлейн, вы волшебник, — сказал я. — Жилище Белоснежки. Идиллия и благодать. Хочется ходить по траве босиком и верить, что на свете существуют свободное время и нормированный рабочий день...

Хозяйка вышла нам навстречу, когда мы подошли к крыльцу. Жаль, что я не Дон-Жуан. Ей было лет двадцать шесть — двадцать восемь. Светлые волосы, серые глаза. Голубое платье ей очень шло.

Зипперлейн отозвал ее в сторонку, вполголоса изложил дело, и хозяйка охотно согласилась меня приютить — с большим энтузиазмом, как мне показалось. Потом Зипперлейн откланялся, а я остался. Стоял на нижней ступеньке крыльца, хозяйка, которую звали Анной, — на верхней. Оба обдумывали, с чего начать разговор.

— Показать вам комнату? — спросила она наконец.

— Если вас не затруднит.

Комната мне понравилась, как и дом. Я поставил в угол чемодан и посмотрел на Анну. Она мучительно искала слова.

— Так, — сказал я. — Все никак не можете решить, как со мной держаться, верно?

— Верно, — ответила она с бледной улыбкой. — Вы из того же ведомства, что и Зипперлейн, или серьезнее?

— Серьезнее.

— Судя по возрасту, капитан или майор?

— Полковник.

— О, даже так... Понимаете, Адам, лично я была далека от таких дел, но есть обстоятельства... Хотя вы, наверное, никакой не Адам...

— Разумеется. Но какой-то отрезок времени мне предстоит быть Адамом Гарттом, так что так и зовите. И помните, что я чертовски любознателен — не по складу характера, а по профессии мне все нужно знать и всюду совать нос. Можно, я буду иногда задавать вам вопросы?

— Можно.

— Я вам не помешал своим вторжением? Ну, скажем: устоявшиеся привычки, личная жизнь? Только откровенно.

— Может быть, так даже лучше, — тихо сказала красивая женщина Анна, не поднимая глаз, и мне не понравились надрывные нотки ее голоса. — Вы будете часто уходить из дома?

— Наверное.

— Вечерами тоже?

— Скорее всего. Вам нужно, чтобы вечерами меня здесь не было?

— Наоборот. Я... Вчера... Зипперлейн пожилой человек, полицейский с большим стажем, у него есть оружие, так что вечера его не пугают, и он бы меня не понял... А может, и понял бы...

— Вы, главное, не волнуйтесь, — я осторожно взял ее тонкие теплые пальцы, она заглянула мне в глаза, и этот взгляд не понравился еще больше — я понял, что только огромным усилием воли она удерживается от то-

го, чтобы не броситься мне на шею, прижаться и зарыдать в голос. Плевать, что она видит меня впервые — ей необходимо выплакаться первому встречному. Интересные дела, надо же довести человека до такого состояния...

— Так, — сказал я. — Вы хотите сказать, что вечерами здесь полезно иметь при себе оружие?

— Нет, вы не поняли, — она поколебалась, потом решительно закончила: — Мне страшно сидеть дома вечерами. Одной.

— Почему одной? У вас же есть сын.

— Мы сами не знаем, есть ли у нас дети...

— Ах, вот как, — сказал я, чтобы только не молчать.

— Не подумайте, ради бога, что я сошла с ума... Потом вы поймете, вы очень быстро все поймете...

Хочется верить, подумал я. Пожалуй, сейчас ее вполне можно принять за истеричку, страдающую манией преследования. Но в этом городе с его головоломками нужно забыть привычные штампы. Над ее страхами как-то не хочется смеяться — не испугаться бы чего-нибудь самому, ведь даже с самыми бесстрашными здесь происходят пугающие метаморфозы. Я читал донесения Лонера и не мог поверить, что их написал Звездочет. А потом он вдобавок... Я слушал, что говорят о Некере, и не мог поверить, что это о Роланде говорят...

— Вы считаете, что я не в себе? — спросила она напрямик, не отнимая руки.

— Ну, что вы. Вы очень красивая, очень милая, вы мне кажетесь абсолютно нормальной, только сильно напуганной, — я смотрел ей в глаза, старался говорить убедительнее. — Успокойтесь, ради бога. У вас теперь полковник в доме, сам кого хочешь напугает, так что ему ваши страхи? Он и с ними разделается. Знаете, мне дали хороший совет, и я намерен ему следовать — ничему не удивляться. Поможет, как думаете?

— Не знаю... Вы тактичный человек.

— Иногда, вне службы.

— Вы даже не спросили, чего я боюсь.
— Потому что я, кажется, догадываюсь, кого...
— Вот видите. Страшно, да?
— Возможно...
— У вас есть дети?
— Господи, откуда...
— Тогда вы не поймете.
— Я могу понять, что это страшно. Насколько это страшно, я пока понять не могу...

Она отняла руку:

— Я пойду. Вы хотите есть?
— Честно говоря, не отказался бы.
— Я накрою стол на веранде. Приходите минут через десять.

Она вышла, тихо притворив за собой дверь. Я растегнул чемодан и стал устраиваться. Достал пистолет из футляра, имитирующего толстую книгу с завлекательным названием «Фонетические особенности южно-тохарских наречий» и задумался: нужен он или пока что нет? Остановился на компромиссе — вставил обойму и засунул пистолет под подушку. В соответствии с традициями жанра. Потом в соответствии с традициями собственных привычек закурил, включил телевизор и сел в кресло.

Сквозь клубы дыма неслись конмики в треуголках. Взблескивали палаши, падали под копыта знамена, падали пушки. Одни побеждали, другие деморализованно драпали, и их рубили. Кто кого — абсолютно непонятно.

Итак? Строго говоря, любая операция может считаться начавшейся только тогда, когда ты начинаешь думать над собранной информацией. А информации у меня и нет. Появление Чавдара и его переряженных в обычную пехоту ювелиров можно объяснить просто — в городе есть некоторое количество элементов, которых нужно обезвредить. Очередная банда.

С ретцелькиндами — полный туман. Сакраменталь-

ная проблема «отцов и детей», судя по всему, выступает в качественно новом обличье. Детей просто боятся. Анна боится вечерами оставаться в обществе собственного сына. Чего-то боится Зипперлейн, комиссар полиции с тридцатилетним стажем. А чего следует бояться мне? Наверняка есть что-то, чего мне следует бояться...

Так ничего и не придумав, я вышел на веранду. Анна сидела за столиком, накрытым для вечернего чая, а в глубине сада, возле клумбы с пионами, возился светловолосый мальчишка лет шести. Я охотно поговорил бы с ним, но не знал, с чего начать — у меня не было никакого опыта общения с детьми, я понятия не имел, как подступать к этим маленьким человечкам. Между прочим, эти самые детки, детишки, херувимчики розовощекие сумели каким-то образом напугать Лонера — до сумасшествия и самоубийства...

Я сел. Анна налила мне кофе в пузатенькую чашку и пододвинула печенье.

— Вам понравился наш город?

Чтоб ему провалиться, подумал я и сказал:

— Красивый город. И сад у вас красивый. Сами ухаживаете?

— Сама. Вы любите цветы?

— Как сказать... — пожал я плечами.

Наверное, все-таки не люблю. Не за что. С цветами я, как правило, сталкиваюсь, когда их в виде венков и букетов кладут на могилы. Возлагают. В жизни таких, как я, цветам отведена строго определенная роль. За что же их, спрашивается, любить, если они всегда — знак утраты и скорби?

— Хотите еще печенья! — спросила Анна, когда разговор о цветах безнадежно забуксовал.

— Хочу, — сказал я, обернулся и перехватил ее взгляд — беззвучный вопль.

Обернулся туда и сам едва не закричал. Мальчишка стоял у дерева метрах в десяти от веранды, и к нему

ползла змея, голубой кронтан, ядовитая тварь была уже на дорожке, на желтом песке, в метре от ног ребенка, а он не двигался, хотя прекрасно видел ее и мог убежать. Голубая тугая лента медленно и бесшумно струилась, раздвигая тоненькие стебельки пионов, мой пистолет остался в комнате, ребенок застыл, Анна застыла, застыл весь мир...

Я метнул пику для льда, каким-то чудом оказавшуюся на столе. Перемахнул через перила, в два прыжка достиг дорожки, и голова приколотой к земле змеи хрустнула под моим каблуком.

— Что же ты, малыш... — Я наклонился к нему, хотел что-то сказать, но натолкнулся на его взгляд, как на стеклянную стену, как на выстрел.

Зипперлейн был прав. Они другие, и словами этого не выразить. Мне положено разбираться в любых чувствах, которые могут выражать глаза человека, но сейчас я не мог перевести свои ощущения в слова.

Можно сказать, что он смотрел презрительно. Или свысока. Или равнодушно, как на досадную помеху. Или злобно. Или сожалел о том, что я сделал. Каждое из этих слов имело свой смысл и было бы уместно при других обстоятельствах, но здесь все слова, вместе взятые и в отдельности, не стояли ничего. Они не годились для описания его взгляда. Всего моего опыта хватало только на то, чтобы понять: я сделал что-то абсолютно ненужное, и маленький человечек отметаает меня, не собирается разговаривать, что-то объяснять. Что он другой. Что между нами — стена.

Я оглянулся — Анна сидела на прежнем месте, она даже не смотрела в нашу сторону. Она его боялась и не могла найти с ним общего языка, но вряд ли от этих невзгод она стала столь бессердечной, что не сказала ни слова, не подошла к сыну, только что избежавшему укуса ядовитой змеи. Стало быть, она с самого начала знала, что никакой опасности нет...

Мальчишка прошел мимо меня, как мимо пустого ме-

ста, присел на корточки над неподвижной змеей. Я отвернулся, чувствуя себя лишним, бессильным, напрочь опозорившимся. И тихонечко побрел обратно на веранду.

Анна убирала со стола.

— Вам не нужно было этого делать... — тихо сказала она.

— Ну откуда я знал? — так же тихо ответил я. — Значит, и это...

— И это тоже.

— Анна, можно мне посмотреть его комнату?

Ей очень хотелось послать меня ко всем чертям, но она понимала, что не во мне дело.

— Господи, делайте что угодно... Там, направо.

Я проскользнул в дом. Конечно, вот эта дверь, разрисованная забавными зверюшками и героями мультфильмов. Детская изумила меня спартанской простотой. Маленькая кровать, желтый шкафчик, низенький столик — и больше ничего. Никаких книг, никаких игрушек. На столе рассыпаны цветные карандаши, лежат несколько листов белой бумаги. На одном — рисунок.

Ничего похожего на неуверенную детскую мазню. Четкими штрихами изображено что-то непонятное, не имеющее смысла — для меня, но не для художника. Полное впечатление осмысленного завершенного рисунка. Дом? Возможно. Несколько домов, нарисованных один поверх другого — в разных ракурсах, с разных точек зрения.

Я поворачивал рисунок так и этак. Да, дом, как-то уродливо распластаный в одной плоскости, деформированный. В живописи я профан, но, сдается мне, нечто подобное видел у нынешних полисенсуалистов — луг, каким его видит жаба, Галактика, какой ее видит несушийся со сверхсветовой скоростью пьяный андромедаин...

Оглядываясь на дверь и ежась от стыда, я аккуратно сложил рисунок вчетверо и спрятал в бумажник. Пре-

красное начало, первое вещественное доказательство — украденный из комнаты шестилетнего пацана рисунок...

Я взглянул на часы и стал собираться. Надел другую рубашку, сменил галстук на более легкомысленный. Пистолет оставил под подушкой. И отправился искать Некера.

Прохожие проявляли полное пренебрежение к сгорающим над крышами метеоритам — притерпелись, надо думать. На их месте я бы тоже, наверное, притерпелся. Немного поплутав, я добрался до бара «Волшебный колодец» и вошел. Очень большая комната со всеми атрибутами мини-заведения — стойка с высокими табуретами, мюзикбокс в углу, два десятка столиков, шеренга игровых автоматов, телевизор над стойкой. Тысячи таких заведений-крохотулечек кое-как существуют от Куала-Лумпура до Баффиновой земли, и, как правило, каждый старается обзавестись чем-то особенным, неповторимым — то доспехи средневекового рыцаря, тысячу лет назад с пьяных глаз угодившего в болото и извлеченного при муниципальных работах, то африканские маски в южноамериканских барах или южноамериканские индейские вышивки в барах африканских, то (своими глазами видел в Лахоре) обломок летающей тарелки, взорвавшейся по неизвестной причине прямехонько над домом владельца бара. Здесь функцию раритета исполнял громадный засушенный осьминог — морская тематика, как и положено в портовом городе. Рядом висела табличка, возвещавшая, что этот самый кракен, прежде чем был загарпунен, утащил в пучину трех боцманов, одного штурмана и откусил руль у канонерки. Со времен своих славных подвигов кракен неимоверно усох...

Я пробрался к стойке и попытался привлечь внимание игравшего миксерами Жерома. Привлек. Взял бокал гимлета и ушел на облюбованное свободное местечко в углу. Столик попался тихий. Двое юных влюбленных переплели пальцы под столом. Как некий контраст, тут

же примостился старик, худой, весь какой-то высохший, подобно легендарному кракену, он обхватил полупрозрачными ладонями стакан с чем-то желтым и поклеывал носом.

Я поставил бокал на столик. От этого звука Мафусаил вздрогнул и пробудился.

— Ваше здоровье, — сказал я.

— Прозит, — сказал он.

Мы отхлебнули и помолчали.

— Он умер, — сказал старик.

— Кто? — вежливо поинтересовался я.

— Рольф Штайнвальд.

— А...

— Вот так. И за ним пришла та, что приходит за всеми людьми. Пришла, увы, с опозданием на сотню лет. Рольф Штайнвальд, ста двадцати четырех лет от роду, был личностью в своем роде уникальной — последний доживший до наших дней эсэсовец. Дивизия «Викинг». Свое давно отсидел, но оказался столь крепким, что, казалось, сам дух Черного корпуса упорно держит на этом свете свое последнее вещественное воплощение. Лет десять назад экс-оберштурмфюрер впал в старческий маразм и с тех пор строил на своем дворе оружие возмездия «Фау-3», используя в качестве основных деталей консервные банки и прочий бытовой хлам. Соседские мальчишки сооружение разваливали, он снова строил. А теперь вот подох, не достроив.

Это эпоха, — сказал мне старик. — Вы понимаете, целая эпоха ушла. Если подумать, весь двадцатый век. Я все это видел, понимаете? Берлин. Бабельсберг. Мюнхен. Не растерзанный союзной авиацией Мюнхен, а олимпийский, тридцать шестого года. Вы знаете, что фюрер учредил особую медаль для немецких победителей Игр? Вы представляете, как это выглядит, когда звучит команда «марш!» и шеренга с размаху опускает сапоги на булыжную мостовую?

— И еще Дахау, — сказал я.

— Что? — он подумал, припоминая. — Ах, да... Да-хау и еще этот, как его... ну, вы лучше помните. Печи. Кого-то там сожгли, говорят, некоторые были учеными, что-то такое изобрели, чуть ли не эпохальное... Печально. Я все понимаю — были издержки, как у любого политического движения. Может быть, не следовало их так уж... чересчур. Может быть, не стоило сотрудничать с сионистами, а и их вешать. Но, молодой человек, если бы вы видели, как это было красиво! Факельные шествия — ночь, маленький живой огонь факелов, колышущиеся тени, и тысячи людей в едином порыве... Форма. Человек в форме никогда не чувствует себя одиноким, ущербным, он всегда в рядах, с кем-то, частица могучего целого. Где это теперь? Войска ООН? Семенная вытяжка, пародия на армию и строй, оперетка...

Он горько pokrивился и обеими руками поднял к губам стакан. Этих динозавров остались считанные единицы — развитая геронтология, высокий уровень медицины... может, еще и яростное желание жить, сохраниться, быть? Они единодушно отрешивались от ушедшей идеологии, все воевали на Западном фронте, если собеседник был с востока, и на Восточном — если собеседник был с запада. Но все поголовно и навзрыд сожалели о порядке и братской сплоченности, чьим символом были мундир, френч, китель...

— Вот и ваш Некер появился, — сказал бесшумно подошедший хозяин.

Совершенно секретно. Экспресс-информация. Допуск А-О. Генерал-майор Некер Лео-Антуан (Роланд). Родился в 1984 г. Сорбонна, военное училище «Статорис» (командно-штабной факультет). Имеет ученую степень магистра, автор ряда работ по международному праву в области взаимоотношений транснациональной контрразведывательной службы ООН с национальными властями. В настоящее время — начальник Отдела

кризисных ситуаций Коллегии МСБ, член Коллегии МСБ, заместитель начальника регионального управления МСБ «Дельта». Четыре международных и шесть национальных наград. Женат. Сын. Дочь.

Я обернулся — откровенно, не маскируясь. Некер сидел у входа. Это был он и не он. Крупная фигура, густые усы, мужественное лицо стареющего военного — импозантный моложавый джентльмен с фамильного портрета викторианских времен. Но я хорошо его знал и видел, что он стал другим. Полное впечатление надломленности, безвольности, и это не игра. Он на самом деле сломлен.

Во времена оны Роланд был для меня учителем, недостижимым эталоном и господом богом, да и потом, поднабравшись опыта, я смотрел на него снизу вверх — право же, он заслуживал такого взгляда. Что же делает с людьми этот проклятый город и как он этого добивается? По спине у меня побежали мурашки при мысли — что, если то же суждено и мне? Поток, неотвратимо затягивающий в омут... Но должен же кто-то прервать череду необъяснимых падений, по сути, предательств?

Я подошел к нему и сел напротив. Он равнодушно поднял голову. А потом узнал меня.

— Здравствуйте, генерал, — сказал я. — В Центре беспокоятся, куда это вы запропалились.

— Меня всегда можно найти в этом милом заведении, — сказал он. — От и до. Сажу и пью. Омерзительное занятие, знаете ли. Я все жду, когда начнется белая горячка, и я с прёвеликой радостью лишусь рассудка, но горячка никак не приходит...

— Что с вами?

— Информация, — сказал он. — Я ведь был хорошим сыщиком, верно? А теперь получил информацию,

которую человеческий мозг — или по крайней мере мой мозг — переварить не в состоянии.

— Вы докопались? — спросил я.

— Да.

— И что вы знаете касаясь здешних странностей?

— Наверное, все, что нужно знать, — сказал он. — Но вам я не собираюсь ничего говорить. Поймите, вы сами должны... Речь идет о ситуации, где все наши условности и установления не имеют никакого значения. Представьте, что на заселенный негуманоидами Марс попадает земной ботаник и с точки зрения ботаники пытается рассудить тамошние политические или научно-технические споры. Представьте, что неграмотный филиппинский рыбак отправлен разбираться в склоках и сложностях дублинской дирижаблестроительной фирмы. Я о нас с вами. Профессиональные контрразведчики пытаются стать судьями в деле, которое требует других судей... или вообще не нуждается в судьях. Я говорю загадками, да? Но вы должны сами до всего докопаться.

— И тогда? — спросил я.

— А вот тогда-то начнется самое интересное и сложное... Нужно будет сделать выбор, принять решение. Я его принять не смог, в чем честно признаюсь. Я думал, что знаю все о добре и зле, все о жизни и своем месте в ней. Но... Я не могу сделать выбор. Страшнее всего — как раз эта неспособность принять решение...

— Кто такой Регар? — спросил я резко.

— Тот человек, на месте которого я хотел бы быть.

— Лонер настаивал, что это враг.

— Значит, Лонер ничего не понял. — Он глянул мне в глаза. — Голем, надеюсь, ты понимаешь, что взять меня будет довольно трудно? Или ты здесь со своими мальчиками?

— Я здесь один, — сказал я. — И у меня нет приказа

вас брать. Получи я приказ, я бы это сделал. Пусть даже один. Но мне всего лишь поручено разыскать вас. Я вас нашел. И говорю вам — за вас беспокоятся. Лучше бы вам поехать в Центр.

— Учту. Знаешь, что хуже всего? Прекрасно понимаешь, что с тобой происходит... Прощай. Желаю оказаться счастливее.

Он встал, поклонился коротким офицерским поклоном, бросил на столик мятый банкнот и пошел к выходу. Я остался один. Может быть, где-то в городе есть страшная пасть, которая одного за другим глотает наших людей и выплевывает подменшей, безмозглых и безвольных двойников? Нет. Глупости. Есть информация. Истина. Знание, которое то пугает людей до смерти, то погружает в прострацию...

— Скучаете? — раздался рядом девичий голосок.

Я поднял глаза от исцарапанной пластиковой крышки столика. Блондинка. Лет двадцати. Фланелевые брючки, белая безрукавка. На девуцу определенной профессии из портового города явно не походит. На посадку мелких грабителей тоже. Милая девочка, которой скучно. Или милая девочка, которая играет милую девочку, которой скучно.

— Скучаете? — повторила она.

— Скучаю, — сказал я. — Вы, как я понимаю, тоже? Что будете пить?

— Все равно.

Я отправился к стойке.

— Что вам налить? — спросил Жером.

— Да хотя бы гимлет, — сказал я. — Думаю, дама согласится.

— Между прочим, девчонка не какая-то там, так что учтите.

— Учту, — пообещал я. — Из приличной семьи, а?

— Из очень приличной. Как ваша работа?

— Работаю помаленьку.

— То-то, что помаленьку.

— А поспешишь — людей насмешишь, — сказал я.

Вернулся к своей незнакомке и преподнес ей бокал. Незнакомка пригубила, не сводя с меня глаз. Интересно, к чему милой девочке из очень приличной семьи шататься по вечернему кабаку не самого высшего разряда?

— У вас красивые глаза, — сказал я. — Коралловые губки. И вообще вы прелесть.

— Вы уже теряете голову?

— И заодно — способность соображать, — сказал я. — Никак не могу сообразить, чем привлек ваше внимание.

— Мне же скучно, — напомнила она.

— Аргумент веский. Кто вы?

— Это уже не по правилам, — засмеялась она. — Я могу оказаться... ну, хотя бы шведской принцессой.

— Ваше высочество, — сказал я почтительно, — но я-то могу оказаться Синей Бородой или людоедом. Не боитесь?

— Нет. Вы на негодяя не похожи. Я разбираюсь в людях.

Родная, мысленно воззвал я к ней, знала бы ты, какие люди отправлялись в Края Великого Маниту как раз оттого, что переоценили свое умение разбираться в людях...

— Ну, если не похож... — сказал я. — Позволительно ли мне будет, ваше высочество, узнать ваше имя?

— Алиса.

— Адам. Журналист. Буду писать о ваших чудесах и странностях. Меня послали, потому что я страшно люблю загадки.

— Загадки... — протянула она с непонятной интонацией. — Вы давно в городе?

— Сегодня приехал. Что у вас обычно показывают туристам?

— Я вам покажу Могилу Льва, — сказала Алиса. — Это...

— Я знаю.

— А посмотреть хотите?

Ситуация создавалась странная. Шла явная игра, мы оба понимали, что идет игра, понимали, что другой это чувствует... Но это же прекрасно — что началась игра, что на меня кто-то вышел! И я сказал:

— Хочу.

— Тогда идемте, — сказала она.

У нее был мотороллер, старенький, но резвый. Вела она быстро и умело. Мы промчались по ночным улицам, пронизанным многоцветием неона, метеориты огненными росчерками проносились над крышами и сгорали, таяли. Казалось, на небе нет уже половины звезд — они осыпались роем осколков, пригоршнями раскаленной пыли.

Город остался позади, за нашими спинами, дорога шла в гору. В луче фары мертвым холодным светом вспыхивали дорожные знаки. По всем канонам жанра дорогу сейчас должна загородить машина с погашенными фарами, и из нее полезут хмурые асоциальные типы с ручными пулеметами наперевес. Эх, если бы...

Вот и памятник. Лев распростерся на вершине горы, уронив косматую голову на правую лапу, а под левой смутно различалась рукоять меча — я знал, что он сломан.

Лет семьсот назад рыцари графа Раймонда Гервенского убили здесь Ралона, бывшего бочара, поднявшего восстание и провозглашенного королем. Одно из стародавних восстаний против злого короля, обманываемого несправедливыми советниками. Восстание, обреченное на поражение неумолимыми законами развития общества, — о чем его участники, разумеется, и подозревать не могли. Насколько я помнил, все протекало весьма стандартно — король воевал где-то далеко, и восставшие вырезали небольшой гарнизон города, спалили зам-

ки наиболее ненавистных окрестных сеньоров и решили, что все кончено. Что касается графа Гервенского, то этот хитрый лис не растерялся и не заперся в замке, сообразив, что людей и припасов у него мало, а к неприступным замкам его Гервен, безусловно, не относится. Посему он торжественно и принародно присягнул королю Ралону, снискал его доверие, был им возведен в герцоги и через неделю удостоился чести сопровождать Ралона в соседний город, примкнувший к восстанию. Двадцать вассалов графа скрытно поехали следом и догнали кортеж на этом самом месте... Настоящий король, испугавшись, срочно заключил невыгодный для себя мир и повернул рыцарскую конницу на восставших. Все кончилось через три дня. И получило неожиданное продолжение через семьсот лет. Так уж случилось, что горд не мог похвастаться знаменитыми земляками. Родившиеся в других местах великие люди, равно как и эпохальные исторические события, обошли город стороной. Но отцам города хотелось иметь красивый памятник, который можно показывать туристам, сделать символом вроде Русалочки, Сирены, Медного всадника и Эйфелевой башни. Вот олдермены и не придумали в свое время ничего лучшего, кроме как скопировать знаменитый швейцарский монумент, поставленный сложившим головы за пределами Гельвеции ландскнехтам.

Мы стояли у каменного зверя, накрытые его тенью, и молчали. Удачный повод для глубокомысленных рассуждений о том, что все относительно, а мир наш полон парадоксов — бедняга Ралон, возмутитель спокойствия, спустя столетия после смерти удостоился памятника, а граф Гервенский всего через полгода после убийства им народного короля впутался в заговор недовольной усилением централизованной власти знати — каковую знать миропомазанный король быстренько развесил на воротах фамильных замков.

— Жаль, — сказала Алиса.

— Кого? Или — что?

— Короля Ралона.

Я буркнул что-то в том смысле, что законы развития общества — вещь упрямая, на кривой не объедешь...

— Господи, я не потому. Ралон был молодой и красивый. Жаль.

— Вы что, его видели? — пошутил я. — В мемуарах де Шалонтре о возрасте Ралона ничего не сказано...

— Разумеется, видела, — сказала Алиса. — Иначе откуда бы я знала, что он был молодой и красивый?

— У вас собственная машина времени?

— Не верите?

— Нет, я ужасный рационалист. Верю только тому, что вижу своими глазами.

— Прекрасно. Тогда подойдите.

— Куда?

— Вот сюда, — сказала Алиса, взяла меня за рукав и потащила к памятнику. В лунном свете львиные глаза мерцали как-то загадочно, я нагнулся и рассмотрел, что они не мраморные, как следовало бы. Стекланные, похоже. Черная точка зрачка, кружево радужной оболочки. Обычно у статуй не бывает таких глаз.

— Откуда у него такие глазищи? — спросил я.

— Не знаю, не знаю... — быстро прошептала Алиса, пригибая мою голову поближе к львиной. — Просто в один прекрасный день взяли и стали вот такими. Ниже нагибайся, ниже. Смотри ему в глаза и думай про короля Ралона. Про него самого, про то, как его убили. Про то, что хочешь его увидеть. Про Время.

Я так и не успел убрать с губ скептическую ухмылку.

Вокруг был ясный день, светило солнце, блестело море. На месте города появился другой, раз в десять меньше, крохотный городок со средневековой гравюры — мощные, на совесть сработанные зубчатые стены, из-за стен виднеются шпили и острые высокие крыши, словно пучок стрел в колчане. У пристани несколько кораблей со спущенными парусами. Я стоял на том же самом месте (только гора была гораздо круче, не сгла-

жена временем) и смотрел сверху на город, каким он был семьсот лет назад. Впрочем, меня не было в летнем дне. Там был только... черт, как сказать? Там был только мой взгляд, а ноги по-прежнему ощущали мраморный постамент, но своего тела я не видел.

Слева, метрах в десяти от меня, появились всадники. Кони шли шагом, я не слышал стука копыт и разговора, хотя губы седоков шевелились. Продолжая разговор, двое остановились буквально рядом со мной и смотрели вниз, на город. За их спинами почтительно молчали телохранители.

Нетрудно определить, кто есть кто. Алиса оказалась права. Король Ралон был рослым красивым малым лет тридцати, одет богато, пышно даже, но сразу видно, что к этой роскоши он не привык. И в седле сидел несколько неуклюже. Не то что его собеседник, лет сорока, с умным, холеным лицом, довольно приятным.

Король что-то сказал, улыбаясь и показывая на город. Он не успел даже понять, что его убили...

Роли, несомненно, были распределены заранее. Здоровенный детина, заросший до глаз рыжей бородищей, внезапно по незамеченному мной знаку обрушил секиру на непокрытую голову короля Ралона (я на миг зажмурился). Беззвучно скрестились мечи и боевые топоры, королевские телохранители один за другим вылетали из седел, и, когда появились десятка два конников в одежде с гербами графа, им почти не пришлось ничего делать.

Я выпрямился, окунулся во мрак, снова увидел свое тело, распростертого над обломком меча каменного льва и кроваво-красные росчерки метеоритов над городом. Беззвучное прошлое растаяло.

— Теперь веришь? — спросила Алиса.

— Теперь верю, — сказал я. — Потому что...

Пришла мысль, от которой стало холодно.

Едва речь зайдет о прошлом, почему-то прежде всего под этим мы, страдая своеобразной дальноростью,

понимаем давние века, старинные времена. Однако прошлое — это и то, что случилось сутки, час, минуту назад...

Я опустился на колени, встретился взглядом с застывшими глазами льва-оборотня. Сосредоточиться. Думать о человеке, которого никто не видел мертвым, — кроме тех, кто его убил. А мы так и не нашли тех, кто его убил...

Полгода назад майор Дарин из «Гаммы» не вернулся с задания, исчез, растворился в воздухе на улицах трехмиллионного города, далеко отсюда, на другом континенте. До сих пор мы не знаем, что с ним случилось, где он оступился (если он оступился), как он погиб. Такое еще случается, нам противостоят не опереточные злодеи, и, когда знамя покрывает пустой гроб и над пустой могилой трещит залп, злоба в тысячу раз мучительнее оттого, что она бессильна, у врага нет имени, лица и адреса...

Рослый загорелый человек сбегал по ступенькам аэровокзала и направился к стоянке машин. Все правильно. Дарина встречают те, из «Серебряного волка», они не знают его в лицо и понятия не имеют, что это не долгожданный курьер, что курьера мы аккуратно и чисто взяли в Маниле...

Зеленая «Комета» и узкое, напряженное лицо человека за рулем. Машина долго петляет по улице, выполняя классические маневры с целью выявления возможного хвоста. Повороты, перекрестки, стада лакированных автомобилей, регулировщики в белых нарукавниках, толчея, мельтешение вывесок и реклам.

Машина выезжает за черту города — видимо, резидент обожает свежий воздух. Я незримо присутствую рядом с сослуживцем и другом, одним из тех парней, о которых по высшей справедливости нельзя говорить без красивых слов, я знаю, что сейчас его убьют, но я бессильен что-либо изменить. Я остаюсь зрителем, бесплотным духом. Все уже свершилось полгода назад.

Спириты пламенно уверяют, что души умерших постоянно незримо присутствуют рядом с нами, видят каждое наше движение, слышат каждое наше слово. Хочется верить, что это неправда, — иначе какой пыткой было бы хваленое бессмертие души, ее способность все видеть и все знать, и полнейшее бессилие что-либо изменить...

Автоматически открывается калитка, чугунное кружево, автомобиль тормозит у белой виллы, двое поднимаются на крыльцо, и я бесплотно иду следом, и вот уже Дарин с непроницаемым лицом идет навстречу осянистому типу в золотом пенсне. И падает на ковер лицом вниз. Тип в золотом пенсне недоуменно и растерянно оглядывается — он явно такого не ожидал. Из-за портьеры появляется человек с пистолетом, и уж его-то я знаю как облупленного — Визенталь, он же Серый Антихрист. Теперь мне все ясно — где был прокол, кто недоучел и что. Значит, вот так. Визенталь. Бывший майор военной разведки одного маленького, но чрезвычайно воинственного государства в те времена, когда еще существовали национальные армии и разведки. Теперь притворяется мирным рантье и притворяется, надо отдать ему должное, чрезвычайно непробиваемо. До сих пор мы так и не смогли доказать, что Визенталь и Серый Антихрист — одно и то же лицо. Теперь — другое дело. Виллу эту мы найдем. Трупы в подвале выкопаем. Перевернем все вверх дном, найдем отпечатки пальцев, свидетелей, теперь мы твердо знаем, что Визенталь там был, и будем танцевать от этой печки. Визенталь сейчас в Мехико, беззаботно глазаеет на старинные здания и покупает поддельные антики — ну что ж, пусть пока погуляет...

Стоп, стоп. Что же, я поверил, будто передо мной машина времени? Может быть, все это обман. Может быть, Алиса владеет гипнозом. Впрочем, проверить нетрудно...

— Некоторые очень пугаются, — сказала Алиса. — А у тебя крепкие нервы.

— Есть немного, — сказал я.

Она стояла, сунув руки в карманы курточки, легонько покачиваясь с пятки на носок. Сколько людей до меня смотрели в глаза этому льву, и что они заказывали?

Если это не гипноз, следовало бы окружить памятник танками... Многие дали бы отрубить себе руку, лишь бы узнать, какие бумаги просматривали и что делали в недалеком прошлом некоторые мои коллеги, — прошлое означает и то, что произошло минуту назад... А ревнивые мужья, мелкие жулики, желающие подсмотреть код сейфа, нечистоплотные бизнесмены и просто грязные типы, которых манит соседская спальня? Но если это всего-навсего гипноз, каким дураком я буду выглядеть, потребовав охранять памятник? Черт возьми, неужели начались порожденные здешними чудесами дилеммы? Зябко стало от такой мысли.

Меня тянуло спрашивать и допрашивать, но я молчал. Успеется. Выпрямился, глубоко вдохнул прохладный ночной воздух, посмотрел в сторону моря. Небо в эту ночь было чистое, звездное, сверкали огни города, над ними метались алые росчерки метеоритов, а над метеоритами...

Над метеоритами, над городом, стояла радуга, пронзительно чистое семицветье. Одним концом она упиралась в искристо поблескивающее море, второй терялся в мельтешении городских огней. Самая настоящая радуга, на полнеба. Самая красивая и яркая из всех, какие я видел в своей жизни.

Над радугой висела Луна, огромная, круглая, пухлая, в темных пятнах безводных морей. Зеленая Луна. Цвета весенней травы, молодой листвы, драгоценного камня изумруда и девичьих глаз. Луна, которой не положено быть такого цвета. Луна может быть белой, желтой, иногда красной, но никогда — зеленой.

Что могло уверить меня в том, что я не сплю и не сошел с ума?

Успокоила трезвая и спокойная мысль — они начинали точно так же, Некер и Лонер. Они тоже в свое время столкнулись с чем-то необычным, не лезущим ни в какие рамки, лежащим на грани ирреальности (хотя кто ее определит, эту грань?). Они тоже должны были ощутить растерянность и боязнь за свой рассудок. Может быть, они чересчур испугались за свой рассудок и оттого утратили его? Так что мне следует ничему не удивляться. Помнить, что я нахожусь в Стране Чудес, и вести себя соответственно. Повстречается гном или призрак — не креститься, не бежать к психиатру, а достать магнитофон и снять допрос.

— Испугался? — спросила Алиса с интересом.

Я вразвалочку подошел к ней, взял за плечи и заглянул в глаза. Она преспокойно улыбалась.

— Ну? — спросил я.

— Вообще-то мне мама не разрешает целоваться с незнакомыми мужчинами...

— Приятно видеть, что еще встречаются девушки, свято следующие родительским заветам, — сказал я. — Это меня умиляет, я сентиментален... Не передергивай, речь не о поцелуях. Ты меня специально сюда притащила? Попугать?

— Вовсе я тебя не пугала. Развлекала, как могла. Журналисты обязаны любить необычное, не правда ли? Ты доволен?

— Еще как.

— Прекрасно, — сказала она. — Поздно уже. Поехали?

Я посмотрел на радугу и зеленую Луну, фантастическим орденom на диковинной ленте сиявшие в исцарапанном метеорами небе. Надо будет спросить о них Зипперлейна. В отчете Лонера ни о чем подобном нет ни слова. Впрочем, язык не поворачивается именовать отчетом этот коктейль из первобытных страхов и мазохистских заверений в собственном бессилии. Отчета Некера у нас нет, и вряд ли мы его когда-нибудь полу-

чим. У нас есть только я, а у меня пока что ничего нет...

Мы мчались по ночному городу.

— Отвезти тебя домой? — прокричала Алиса.

— Поезжай к себе, — ответил я. — Я тебя провожу как бы. В лучших традициях.

Не стоило, разумеется, уточнять, что мне нужно было узнать ее адрес. Вскоре мотороллер остановился у одноэтажного дома, стоявшего в маленьком саду.

— Ну, прощаемся? — сказала Алиса. — Если захочешь новых чудес, рада буду послужить мировой журналистике.

— Послушай, а как ты сама оцениваешь эти чудеса и что о них думаешь?

— Интервьюируешь?

— Конечно.

— Видишь ли, мне не нужно о них раздумывать, — сказала она. — Потому что у меня есть знакомый, который знает все.

— Для меня это просто клад, — сказал я беспечно. — Познакомишь?

— Если хочешь.

— Ну, журналист я или нет! Это, часом, не Герон? Мне говорили, будто Герон все знает.

— Никогда о таком не слышала, — сказала Алиса (что было вполне естественно, так как Герона я выдумал только что). — Моего знакомого зовут Регар. Даниэль Регар. Слышал?

— Нет.

— Я тебя познакомлю. Позвоню тебе. До завтра.

Она открыла калитку, завела мотороллер во двор и покатила его к маленькому гаражу в глубине сада. Из-за кустов вышла большая спокойная собака, покосилась на меня, рыкнула для порядка и пошла следом за Алисой, махая хвостом.

Собака ее знает. Гараж она открыла своим ключом.

Похоже, она здесь действительно живет. Так что можно отправляться восвояси.

И я пошел прочь. Итак, девочка из очень приличной семьи, которая довольно неискусно подставилась мне (девочка, а не семья) и привела к памятнику. Кому-то нужно было, чтобы я осмотрел памятник? Кто-то ненавязчиво хотел облегчить мне знакомство со здешними чудесами?

Другого объяснения нет. Незнакомый... нет, не доброжелатель, гид. Так оно вернее. И — ни капли случайности. Весь мой опыт протестует против попытки записать это знакомство в случайные. У меня есть кое-какой опыт, а у милой девочки Алисы его нет, и играть она не умеет. А самую большую промашку допустила только что — сказала, что позвонит мне, но я-то ей не давал адреса и телефона, словом не обмолвился. Значит, они меня уже ведут. Быть может, с первой минуты. Но кого представляет милая девочка Алиса? А кого, интересно бы знать, представляет Регар?

Главный почтамт, как ему и полагалось, работал круглосуточно. Клиентов, правда, немного, а в телетайпном зале и вовсе ни одного. Телетайпная связь старомодна и архаична, безусловно, проигрывает многим другим, бог знает, почему вообще сохранилась (ходят слухи, что по просьбам обществ любителей старины). Однако она имеет одно несомненное достоинство, за которое ее и любят такие, как я, — возможность совершенно легально вести кодированные разговоры с помощью одного-единственного ряда клавиатуры телетайпа — верхнего, где цифры...

Я потревожил симпатичную девушку в голубом, откровенно скучившую за полированным барьером, заплатил положенную сумму и получил в полное свое распоряжение маленькую кабину с элегантно хромированным аппаратом. Набрал код абонента, под которым абонент значился в телефонной книге. Потом набрал несколько других кодов, уже из числа хранившихся в

суперзащищенных сейфах. Меня почти мгновенно переключили на Панту. Оперативность оперативностью, но такая поспешность означала одно — Святой Георгий не отходил от аппарата, ночевал в кабинете. Ждал моего звонка.

— Можешь что-нибудь сообщить? — перевел я на нормальный человеческий язык россыпь пятизначных чисел.

— Некер в депрессии. Вышел из игры. Причины неизвестны. Что предпринять?

— Ничего. Им займутся. Что еще?

— Случайно получил данные о Дарине...

Я сообщил ему все, что видел, разумеется, не упомянув, при каких обстоятельствах видел это. Попросил только проверить все побыстрее.

Естественно, последовал вопрос:

— Откуда ты это узнал?

— Не могу сказать, — ответил я. — Прошу проверить как можно быстрее. От результатов проверки зависит многое.

— Ты не находишь, что все это несколько странно?

— Нахожу, — ответил я. — Но ничего не поделать. Объяснять — слишком долго.

Может быть, он не успокоился бы, общайся мы при помощи телефона или видеофона, но пятизначные числа как-то не располагали к эмоциональной дискуссии, чему я был только рад...

Унывать рано, успокаивал я себя, направляя стопы к дому Анны. Дела идут более-менее гладко, загадки пока не такие уж пугающие, у окружающих не торчат из штанин копыта и серой от них не пахнет, и на Регара меня аккуратно вывели по его собственной инициативе, и я вспомнил, в каких случаях возможна лунная радуга — редкое, но отнюдь не мистическое природное явление. Лунная радуга возникает при определенной степени насыщенности атмосферы водяными парами и со-

блюдении еще каких-то условий, которых я не помню досконально. У меня есть даже соображения по поводу зеленой Луны, фантастические, если выдвигать их в отрыве от совокупности здешних странностей, но вполне уместные в Стране Чудес. Я работаю, активно шевелю тренированными мозгами. Вот только Некер, Некер...

Благополучно добираюсь до дома, никого не потревожив, проскальзываю к себе в комнату. Пистолет и все прочее на месте.

Ночью снится всякая галиматья.

День второй

В комнате, оказывается, установлен модный лет десять назад будильник «солнечный зайчик». Система из нескольких зеркалец, настроенная на определенный час, отбрасывает на лицо спящего солнечные лучи, а небо сегодня ясное, и я вскакиваю в половине восьмого — кто-то, мне кажется, нежно гладит по лицу теплой ладонью. Спросонья мерещится, что это Сильвия, но потом я соображаю, что никакой Сильвии тут нет, и мне становится грустно, настроение безвозвратно испорчено — то есть стало рабочим. Включаю электробритву и телевизор, чтобы послушать новости.

Новости стандартные, обычный набор событий уверенного в своем будущем человечества. Где-то торжественно открылся чемпионат мира по шахматам, где-то закончился конгресс гляциологов. Один космический корабль вернулся от Урана, другой стартовал к Сатурну. Одну научную теорию подтвердили экспериментально, другую опровергли. Фанатичный изобретатель машины времени Андрес Лазарро с превеликим трудом спасен пожарными из-под обломков очередной взорвавшейся модели, но бодр и надежды не теряет. В окрестностях Манаоса студенты наблюдали летающую тарелку.

О городе, где я сейчас нахожусь, упоминают единожды — в связи с открывающимся здесь всемирным фестивалем фантастических фильмов. Любопытно, кто придумал провести его здесь — оптимист или любитель черного юмора?

Я убрал бритву, выключил телевизор и увидел сверток — маленький, не больше пачки сигарет, он лежал на столе. Видимо, Анна положила его на стол вчера вечером, а света я не включал и потому его, естественно, не увидел. Сверток прикрывал записку.

«Господин Гарт! Час назад мне принесли пакет для вас, принес человек, которого я хорошо знаю, он ближайший помощник комиссара Зипперлейна. Не знаю, когда вы вернетесь, поэтому не оставляю его у себя, а кладу вам на стол. А.».

Я развернул плотную бумагу. Внутри лежали два пакетика поменьше, на одном написано размашистым почерком Некера «Послушай сразу». На другом тем же почерком: «Послушай, когда до зарезу нужно будет с кем-то своим посоветоваться». И еще — сложенный вчетверо лист бумаги. Гриф полицейского управления. Надлежащим образом оформленный протокол о том, что генерал-майор Некер Лео-Антуан...

Я стоял, держа на ладони маленькие, почти невесомые пакетики, мир вокруг был серым, холодным и пустым. Вот и все. Детки. Детишки. Ретцелькинды. Мальчики-девочки, косички, плюшевые медведики, губки в шоколаде, а генерал-майор Некер Лео-Антуан выстрелил себе в голову из табельного оружия, пистолета «Эльман-Лонг-11,2», и эти пакетики — все, что от него осталось, от него и его последнего задания, которое он провалил вполне сознательно и бежал туда, откуда его не вернуть даже нам. Даже если бы я его вчера вырубил и сдал врачам, ЭТО уже сидело в нем тикающей миной... Будь проклят этот город со всеми его чудесами...

Немного успокоившись, я достал из чемодана маленький магнитофон и вставил кассету, которую Некер просил послушать сразу. Медлил, боялся разрушить что-то большое и важное, как будто оно еще не разрушено этими двумя смертями... Наконец решившись, придавил кнопку, как паука.

Несколько секунд слышалось шипение, потом раздался спокойный, четкий голос Некера — так он говорил, прохаживаясь перед рядами курсантов в аудитории.

— Прощай, Антон, — сказал Некер, и я сгорбил над столом, сжав виски ладонями. — Я не испугался и не выдохся. Я просто не смог принять решение. Я стою посередине и не могу сделать шаг в ту или иную сторону — я намеренно не говорю «черное и белое», «доброе и злое», чтобы не вызвать у тебя ассоциаций со старым, хорошо известным. Ситуация качественно новая, и ни один старый термин не подходит. Ты думаешь — обтекаемые слова, общие фразы? (Я машинально кивнул, не поднимая глаз, словно передо мной сидел живой и здоровый Роланд.) Извини, так надо. Я не хочу влиять на твой выбор и твой поступок — а ты обязан будешь сделать выбор. Скоро ты все откроешь сам. Никаких особенных секретов здесь нет. Отправных точек у тебя две. Регар и проект «Гаммельн». По поводу проекта побеседуй с мэром и его командой. Адрес Регара — в телефонной книге. Все. Прощай.

— Прощай, — сказал я вслух. У генерала Некера, как у многих, оказался билет в один конец, только в отличие от многих он сам купил именно такой... Пленка шуршала и шипела, ее оставалось больше половины в кассете, но я сидел и слушал это шуршанье. Когда пленка кончилась, выключил магнитофон, надел пиджак и вышел из комнаты.

— Адам? — раздался за моей спиной голос Анны. — Вы что, только сейчас пришли?

— Нет. Ночью.

— Господи, я думала, с вами что-то случилось...

— Ну что со мной может случиться?

— Да на вас же лица нет... — сказала она. — Пойдемте. Проходите, садитесь. Выпейте. И не думайте, что я ничего не понимаю. Я многое могу понять. Зипперлейн вам не рассказывал про моего мужа?

— Нет, — осторожно сказал я, принял от нее бокал и сделал изрядный глоток. — Кто он был?

— Он работал в отделе Зипперлейна. Погиб два года назад. Иногда он возвращался ночью таким же... Что у вас стряслось?

— Так, неурядицы... Ваш сын дома?

— Нет. Где он, я не знаю. Это страшно, но впечатление такое, что мы им больше не нужны.

— А вам не представлялось случая услышать, о чем они говорят меж собой?

— Они стараются, чтобы таких случаев нам не представилось.

— Эта змея... — сказал я.

— Ну да, она жила в саду месяца два.

— В саду? — искренне удивился я. — И вы...

— А что я могла сделать? Он мне сказал... свысока так посмотрел и сказал, чтобы я не боялась, что она не укусит и не заползет в дом. В самом деле, я ее почти и не видела. Говорят, ОНИ очень любят животных. Всех.

— И кошек, и собак, и людей... — сказал я. — А книги они читают? Что вы можете сказать об уровне их знаний?

— Поймите вы! — почти выкрикнула она. — Хорошо, если я с ним раз в неделю переброшусь двумя словами!

— Простите. Ради бога, простите. Но ситуация... А что еще, кроме любви к животным?

— Рассказывают разное. Будто у них есть в окрестностях города места, куда они летают на свои сборища.

Летают по воздуху. Будто они сами могут превращаться в животных.

— И передвигать взглядом предметы?

Об этом было упомянуто в докладе Лонера. Правда, сам он этого не видел — кто-то рассказал.

— И передвигать предметы, — кивнула Анна, ничуть не удивившись. — И становиться невидимыми. И будто бы они не наши дети, а подменыши, которых нам подсунул дьявол или эриданцы. Если бы вы знали, сколько слухов и рассказов ходит по городу... Расспросите вашу блондинку.

— Ого, — сказал я. — Которую?

— Ту, с которой вы были в «Волшебном колодце». Вас там видел один мой знакомый.

— А что блондинка?

— Говорят, что она имеет какое-то отношение к здешнему... к здешним чудесам. Некоторые ее боятся.

— Значит, к чудесам имеют отношение и взрослые?

— Говорят... Это подруга Регара, есть такой астроном, о нем тоже говорят разное, особенно после случая с Харелом Тампом — они были друзьями...

— А кто такой Харел Тамп? Ну-ка, расскажите!

— Жутковатая история...

История действительно была жутковатая. Харел Тамп, инженер-электронщик, знакомый знакомых Анны, спокойный, веселый и уравновешенный человек, позавчера застрелил свою беременную жену, в которой души не чаял. Абсолютно немотивированное убийство, и по городу со скоростью верхового лесного пожара пронеслись идиотские и жуткие слухи, которые Анна даже пересказывать не хочет. Тамп содержится в местной тюрьме, идет следствие, опять-таки обросшее вымыслами...

Это хорошо, что в местной тюрьме, подумал я. Нужно немедленно его увидеть. Лучше ошибиться, чем проморгать. Убита беременная. Беременность — это ребенок, а дети... Все, что связано в этом городе с детьми,

пусть даже неродившимися, заслуживает внимания. Правил игры нет, я волен устанавливать их себе сам. И все тут. И пусть я потом буду выглядеть дураком...

Я тут же позвонил Зипперлейну из своей комнаты. Моя просьба насчет тюрьмы особенного восторга у него не вызвала, скорее наоборот, он немного обиженно напомнил, что от него требовали соблюдать полнейшую секретность, а о какой секретности может идти речь, если я собственной персоной заявлюсь в тюрьму? Я постарался объяснить ему деликатно, что старше его по званию, обладаю определенными полномочиями, а обстоятельства и условия игры могут меняться, и я уверен, что это как раз тот случай...

Он согласился. Что ему оставалось? После короткого раздумья я вставил обойму и сунул пистолет в карман. Вышел из комнаты, из дома, из сада, пошел по тихим, по шумным улицам. Настроение было сквернейшее. Мне не привыкать терять друзей, но гибель Лонера и Некера случилась словно бы не по правилам, она была неправильная, стояла особняком от всего, что до сих пор скрывалось за стандартными формулировками «погиб при исполнении служебных обязанностей»...

Вскоре я вышел к условленному месту и увидел голубую малолитражку Зипперлейна.

— Итак, комиссар? — спросил я, усевшись рядом с ним. В профиль он еще больше напоминал печального коршуна.

— Мы едем в тюрьму, — обнадежил он. — Надеюсь, у вас серьезные основания нарушать правила игры?

— Как бы нам вообще не пришлось отказаться от правил игры, — сказал я. — Под личиной дурачка-репортера я много не наработаю (я не сказал ему, что и так уже раскрыт). Нет, я не собираюсь вешать на грудь табличку со своей фамилией и должностью, но

что-то нужно менять... Как вы расцениваете историю с Тампом?

— Обычная житейская драма.

— Речь идет о ребенке, пусть и нерожденном, а дети...

— Пустяки, — сказал он. Слишком поспешно сказал.

— И это позиция полицейского офицера? — спросил я. — Абсолютно немотивированное убийство, а это всегда странно...

— Как вы поступите, если окажетесь перед глухой стеной, которую невозможно обойти или взорвать?

— Поищу калитку, — сказал я.

— А если калитки нет? Мы здесь стоим перед стеной, давно разбили о нее кулаки, а кое-кто и головы...

— Понятно, — сказал я. — Вы признаетесь, что увидели в случае с Тампом Нечто, но боитесь, что окажетесь бессильны что-либо выяснить... Что он говорил на допросах?

— Орал, чтобы его повесили... Вот, возьмите. Сделали специально для тюрьмы.

Он положил мне на колени бордовое удостоверение криминальной полиции, украшенное моей фотографией, заверенной двумя печатями. Очередная вымышленная фамилия в сочетании со званием старшего инспектора.

— Комиссар, что вы знаете о проекте «Гаммельн»?

— То же, что и все знают, — сказал он.

— То есть?

— Знаете что, поговорите вы об этом с мэром. Родилась эта светлая идея в его аппарате, они сами запрягли ученых и курировали всю работу до завершения проекта. Разумеется, в контакте с вашей Коллегией, как вы знаете.

Я ничегошеньки не знал, но не рассказывать же

комиссару, что мне всего лишь подсунули альбом газетных вырезок о чудесах города и краткое изложение ученых дискуссий. Я и понятия не имел, что существуют некие проекты. Честно говоря, с таким я еще не сталкивался. Скрывать от офицера моего ранга материалы, касающиеся операции, которую ему предстоит работать, — нечто ненормальное. Значит, у Святого Георгия были на то свои причины...

Зипперлейн тормозит перед железными воротами, и створки начинают медленно раздвигаться. Тюрьма выглядит, как все тюрьмы, к сожалению, сохранившиеся еще на планете, — угрюмые здания с зарешеченными окошечками и вовсе без окон, ни клочка живой земли, сплошной бетон и асфальт, спирали проволоки по гребню высоких стен, сторожевые вышки.

Мы сдали на контроле оружие и направились к главному корпусу, эскортируемые сержантом в голубой униформе. Из вольера на нас залаяли здоровенные овчарки. Каждый раз испытываю досадный стыд и мучительную неловкость, шагая по этим коридорам. Немало народу попало сюда в результате моих трудов, но от этого не легче — всегда кажется, что мы работаем плохо, что все, кому надлежит здесь сидеть, еще сюда не попали...

У входа сержант препоручил нас молодому лейтенанту. Тот провел нас по длинному коридору с нумерованными дверями, мы миновали три препятствия в виде глухих решеток — при каждой имелся надзиратель со связкой магнитных ключей и «Штарком» через плечо, — спустились в полуподвал и вошли в маленькую комнатку с прикрепленными к полу столом и табуретками. Лейтенант жестом пригласил нас сесть, четко козырнул и вышел.

— Вам обязательно нужно, чтобы я присутствовал? — недовольно спросил Зипперлейн.

— Вы же печетесь о секретности, — сказал я. — Посудите сами: какой-то инспектор остался с подслед-

ственным; а комиссар ждет под дверью. Несуразица, а?

Он не нашел, что ответить, присел и зябко поежился. Ничего, подумал я. Происходящие вокруг чудеса — еще не основание для того, чтобы опускать руки и жаждать отставки...

Ввели подследственного. Мужчина несколькими годами старше меня; светловолосый, с аккуратной шкиперской бородкой. При других обстоятельствах производил бы впечатление приятного, обаятельного человека, души компании, хорошего семьянина и любящего мужа — каким он и был до недавнего времени, судя по досье...

— Садитесь, — сказал я ему. — Конвой свободен.

Зипперлейн откинулся к стене и прикрыл глаза — ах ты, сукин кот с тридцатилетним стажем...

— Садитесь, — повторил я. — Курите?

Он сел, положил на стол большие сильные руки и с гримасой принял от меня сигарету:

— Как в кино... Кто вы такой? Все вроде записали...

— Инспектор, — сказал я. — Хочу задать вам несколько вопросов.

Глаза у него были не просто отрешенные — какая-то немислимая пустота, не отражавшая ни света, ни меня, склонившегося к нему, ничего.

— Какие могут быть вопросы? — сказал он. — Я во всем сознался, я психически нормален и требую, чтобы меня повесили.

— За что вы убили свою жену?

— Подите вы! — Он отвернулся. Я встал, обошел стол и навис над ним, вплотную к нему:

— Тамп, что произошло с вашим будущим ребенком? (Он вздрогнул и сгорбился еще больше, и я понял, что взял след.) Что случилось с вашим будущим ребенком? Вы ведь ее убили из-за ребенка? Я знаю, что из-за ребенка! Ну! Тамп!

— Да при чем тут! — зло крикнул он, глядя на меня снизу вверх. — Она мне изменяла, вот что!

— Врешь, тряпка!

— Сам ты!

— Врешь, Тамп! — Я наклонился и заглянул ему в глаза. — Вы же любили друг друга, у вас все было хорошо! И ты еще на мертвую клеветашь, дешевка такая? Слюнтяй, баба! В петлю захотел? Так не будет петли! Получишь двадцатник, останешься наедине с собой, столько будет времени подумать — башку об стену расшибешь! Не будет петли! В лепешку разобьюсь, а добуюсь, чтобы петли не было! Жить будешь и мучиться, тряпка! Ну? Что было с ребенком? Ты ведь ее из-за ребенка убил!

Он закричал что-то непечатное в мой адрес и попытался встать, но я изо всех сил прижимал ему плечи и орал в лицо — провоцировал на истерику, на крик, чтобы он не выдержал, сорвался и в запальчивости выложил хоть что-то. Мы, покрасневшись, орали друг на друга, комната наполнилась гулким эхом, кто-то в форме встревоженно просунулся в дверь, но я рывкнул на него так, что его словно ветром выдуло, и мы снова орали что-то, уже абсолютно бессмысленное, я должен был переломить его, переупрямить, пересилить, расколоть, и вдруг, когда мы одновременно замолчали, чтобы глотнуть воздуха, прозвучал тихий голос Зипперлейна:

— Адам, оставьте вы насчет ребенка. Она в тот день сделала аборт, мы вчера выяснили...

Отдуваясь, я плюхнулся на табурет и непослушными пальцами стал выковыривать сигарету из пачки, а Тамп уронил голову на стол, и его плечи затряслись.

— Комиссар... — сказал я.

Он тихонько выскользнул за дверь — как мне показалось, с огромным облегчением.

— Уйдите вы... — тихонько сказал Тамп, не поднимая головы.

— Не могу, — сказал я. — Не имею права. Поймите вы, я приехал сюда выяснить, что происходит с детьми и во что это может вылиться. Вы перенесли тяжелую утрату, я понимаю. Мне приходилось не еди-

ножды хоронить близких людей... Тамп, это ведь не только ваше горе. Завтра в таком же положении может оказаться кто-то другой, мы могли бы это предотвратить, если бы знали заранее, и потому вы не должны молчать. Простите за банальности, но вы должны... Неужели вам настолько все равно? Ведь кто-то будет следующим...

— Кто вы такой? — спросил он, к моей радости, почти нормальным голосом.

— Полковник Кропачев, Международная служба безопасности. Отдел кризисных ситуаций. Слышали, что это такое? Теперь понимаете? Неужели думаете — я пострадал, пусть теперь и другие помучаются? Если так, вы подлец, простите, подонок... Я не глажу вас по головке, да. У меня нет времени на дипломатию, нет времени быть добрым. Над городом висит беда. Что у вас вышло с женой?

— Вряд ли вы поймете, а если поймете, не поверите.

— Я уже успел понять, что здесь следует верить всему. Так что рассказывайте. Правду и внятно.

— Это началось с первых недель беременности, — тихо начал он. — Анита... Суть... Суть в том, что ребенок начал осознавать себя как личность и беседовать с матерью. Телепатически.

— Что?!

— Вот именно... Учтите, я мало что знаю, она рассказывала об этом неохотно и невразумительно, каждое слово приходилось клещами вытягивать. Плохо спала, плакала, жаловалась, что не выдержит этого ужаса.

— Но могло...

— Нет, — сказал он. — Психиатр у нее ничего не нашел. Думаете, я сразу не подумал? И еще... Ребенок... он говорил с ней и обо мне и при этом приводил такие факты из жизни моих отца и деда, о которых Анита никак не могла знать. Это к нему могло попасть только от меня. Наследственная память, очевидно. Ге-

нетическая. Вот так... А она кричала, что не выдержит этого ужаса...

— Почему ужаса? — спросил я довольно глупо.

— Ну, нам с вами никогда не приходилось быть беременными, так что представить ее ощущения и страхи мы не сможем.

— Резонно, — сказал я. — А вы? Вы тоже считали, что это ужас?

— Нет. Может быть, потому, что я наблюдал все со стороны, и мне, сами понимаете, было легче. Я категорически запретил ей делать аборт — когито, эрго... Он уже мыслил, он осознавал себя как личность, можете вы это понять? Я запретил. Она сделала. На меня что-то нашло, не мог совладать с собой... Я охотник, у меня был нарезной карабин...

— Получается, что она хладнокровно совершила убийство, вот ведь что, — сказал я. — Убийство мыслящего существа. Так ведь выходит?

— Да. Но и я совершил убийство. Разница только в том, что мое преступление предусмотрено уголовным кодексом, а ее преступление — нет...

— Ваш случай единственный, других не было?

— Не знаю.

— Кто такой Даниэль Регар?

— Не знаю, — сказал он, и я понял, что доверительный разговор кончился, что пошла ложь. И позвал: — Зипперлейн!

Зипперлейн вошел и хмуро спросил:

— Вы кончили?

— Кажется, да.

— Можно в таком случае задать вопрос? Тамп, что вы думаете об исчезновении трупа вашей жены?

— Что? — в один голос спросили мы с Тампом.

— Труп исчез из морга сегодня ночью, — сказал Зипперлейн. — Вот так...

— Ничего я не думаю, — сказал Тамп, и его лицо

окаменело. — Лично у меня непробиваемое алиби — я сидел в камере...

Зипперлейн крикнул охранника. Тампа увели, комиссар двинулся было следом, но я задержал его:

— Комиссар, я сейчас напишу отношение... Тампа нужно немедленно отправить в столицу, в нашу резидентуру.

— Ох, будут хлопоты... — покачал головой Зипперлейн. — Согласно существующему порядку ваше региональное управление должно обратиться в столичный...

— К черту, — прервал я его. — Город на чрезвычайном положении, вы не забыли? Обратитесь к начальнику тюрьмы, и чтобы Тамп через час ехал в столицу, под конвоем, понятно. И еще. Честно говоря, у меня чешутся руки немедленно взять вас под стражу как лицо, злостно мешающее ходу следствия, умышленно скрывающее важные данные. Я не шучу! Я старше вас по званию, просьба не забывать, а вы в данную минуту мне подчинены. Как вы могли умолчать об аборте и исчезновении труп?

Он посмотрел мне в глаза без всякого страха и смущения. Тихо сказал:

— Вы думаете, мы с нашими погонями и пистолетами можем стать на пути промысла божьего?.. Мы..

Распахнулась дверь, и в камеру вошел молодой человек в штатском. Вошел — не то слово. Сей ладный мускулистый парень спортивно-полицейского облика не вошел, а бесшумно вплыл, медленно проплелся от двери к нам, именно проплелся невеликое расстояние в три шага, и бледен был как смерть. Он мельком глянул на меня, подал Зипперлейну какой-то синий бланк донельзя официального вида, вопреки уставу повернулся через правое плечо и покинул камеру, балансируя по невидимой жердочке. Дверь он оставил открытой.

Зипперлейн прочитал бумагу, побледнел и ватной куклой осел на табурет.

— Что? — бросился я к нему. — Комиссар, вам плохо? Кто-нибудь, эй!

В дверь просунулась любопытная физиономия лейтенанта.

— Адам, закройте дверь, — неожиданно сильным голосом сказал Зипперлейн. — Никого не пускать! (Я захлопнул дверь перед носом лейтенанта.) Идите сюда, я вам прочитаю...

Я подошел, и он прочитал вслух, негромко, жестяным голосом робота:

— «Совершенно секретно, криминальная полиция, группа «Болид», комиссару Зипперлейну. Час назад задержана женщина, фотографию которой мы получили в связи с вашей ориентировкой о пропаже трупа. Задержанная назвала себя Анитой Тамп, личность идентифицирована по отпечаткам пальцев и спектру голоса, идентичность сомнений не вызывает. Согласно ее показаниям муж выстрелил в нее из охотничьего карабина, больше она ничего не помнит, как попала сюда, объяснить не в состоянии. При медицинском осмотре обнаружен шрам. Не исключено, что его происхождение — выстрел в упор из огнестрельного оружия. Нарезной карабин также не исключен. Судя по состоянию шрама, выстрел был произведен самое малое полгода назад. Срочно сообщите, как поступить. Гарта просят немедленно связаться с Центром. 264/5, Клебан».

Я глянул на код — полицейское управление окружного города, миль за пятьдесят от нас.

— Вот ваш труп и нашелся, — сказал я, чувствуя странное кружение в голове. — Правда, как я понял, она уже жива... Кажется, две тысячи лет назад в Палестине случилось что-то похожее?

— Но ведь она тридцать восемь часов лежала в морге, — говорил Зипперлейн, медленно комкая бланк. — Я ее видел. Это был труп. Врачи констатировали смерть. День гнева, господи... Ниспошли просветление на души наши и мысли, отведи адский огонь, боже всемилости-

вейший, ибо вездесущ и всевидящ еси, будь же милосерден к рабам твоим...

Он бормотал молитву и смотрел на меня стеклянными глазами. И что тут поделать? В мою задачу не входит вести антирелигиозную пропаганду среди комиссаров полиции. Самому вдруг ужасно захотелось искать поддержку и опору в ком-то сильном, большом, всемогущем, способном защитить и уберечь от безумия.

Вот вам и великолепные гепарды... Один журналист, не из самых талантливых, в одном трескучем репортаже как-то окрестил нас «великолепными гепардами эпохи». Название, прямо скажем, неточное, ибо гепард знаменит стремительным бегом, а мы большую часть времени работаем скорее как ищейки, распутывая сложнейшие петли «заячьего скака». Но все равно слово многим нравилось. Великолепные гепарды. Щенки слепые...

Рука не поднялась надавать ему оплеух, хотя это и апробированный метод обрывать истерики. Я молча сидел рядом, время от времени покрикивая на возникавшего в дверях лейтенанта. Комиссар понемногу отошел, но стал чересчур уже невозмутимым и очень уж покладистым. Мы вместе отправились к начальнику тюрьмы и всего за пять минут уладили все насчет отправки Тампа в столицу. Потом Зипперлейн из кабинета начальника позвонил в секретариат мэра и предупредил о моем визите. В машине он совсем оттаял и здраво, трезво рассуждал, какой получается парадокс — ведь если жена Тампа чудесным образом воскресла, какие у нас основания держать Тампа под стражей и предъявлять ему обвинение в убийстве? Головоломный юридический казус... Как ни странно, он явно воспрянул духом и избавился от страхов. Видимо, признав происходящее божьим промыслом, он решил, что отныне следует покорно плыть по течению. Спасибо и на том.

Вторая моя беседа с Центром была лаконичной. Меня спросили, вышел ли я на Регара. Я сказал, что вышел, но контактировать пока не собираюсь. Святой Ге-

оргий попросил сказать честно, какое у меня настроение и каково мое состояние. Я честно признался, что успел увидеть немало странных вещей, порой открыто противоречащих современной науке и попахивающих мистикой. Но остаюсь на позициях материализма и готов работать далее. Тут я не удержался и заявил, что мог бы работать, сдается мне, гораздо эффективнее, будь заранее проинформирован и о присутствии в городе Чавдара со своими людьми, и о сути проекта «Гаммельн». Впрочем, мне кажется, что проект этот представляет собой попытку как-то урегулировать положение. Скажем, эвакуировав отсюда детей, то бишь ретцелькиндов, — созвучие названия проекта с известной сказкой наталкивает на такие именно расшифровки...

Святой Георгий ответил, что каждый знает ровно столько, сколько ему необходимо знать в данную минуту. А завтра, в восемь часов утра, мне надлежит встретиться на площади у собора с Ксаной Монаховой. Конец связи и наилучшие пожелания.

Настроение у меня чуточку поднялось — Ксану не пошлют сюда по пустыкам. Что-то у них есть, что-то изменилось, так будем бодрыми и целеустремленными, господа великолепные гепарды...

Я остановил такси и поехал в ратушу. Ратуша оказалась красным кирпичным зданием, позднейшей подделкой под средневековые. Тем не менее она была красива. Даже свои химеры имелись на крыше, а в стену было вделано чугунное ядро, якобы угодившее сюда во времена старинной войны. На стоянке рядом с цивильными автомобилями помещался джип с эмблемой Войск ООН, в нем сидели пятеро солдат, и пулемет был развернут в сторону площади. Вот это мне очень не понравилось. Солдаты появляются возле административных зданий в преддверии серьезных событий строго определенного разряда. Что же здесь назревает?

Я расплатился с шофером и поднялся по мраморным ступеням, чувствуя на себе пристальные взгляды солдат.

В большой приемной, чья аскетическая сухость несколько смягчалась произраставшей в майоликовой кадке пальмой, за полированным столом сидела милая девушка в сиреновом платье. Посетителей не было. Мертвый сезон, очевидно.

— Что вам угодно? — обаятельно улыбнулась девушка.

— Адам Гарт, обозреватель «Географического еженедельника», — улыбнулся я не менее обаятельно, подал ей визитную карточку. — Господин мэр предупрежден о моем визите.

— Простите, кем предупрежден? — она опустила под стол правую руку — нажимала какую-то кнопку.

— Комиссаром полиции Зипперлейном.

— Простите, вы политический или научный обозреватель?

— Какое это имеет значение?

— О, никакого, — с улыбкой сказала девушка. — Просто я иначе представляла себе обозревателей.

— Более вальяжными, с благородными сединами?

— Что-то вроде того...

Игра в вопросы и ответы начала мне надоедать. Да и никакая это не игра. Девушка неумело тянула время. Интересно, зачем?

Ага. С грохотом распахнулась дверь из приемной в коридор, влетели двое крепких парней в штатском, один остался у косяка и навел на меня «Штark», второй подошел и деловым тоном предложил, поигрывая наручниками:

— Прошу сдать оружие.

Я медленно вынул «хауберк» и отдал ему. Девушка взидала на сцену разоружения с восторженным ужасом. На моих запястьях впервые в жизни защелкнулись браслеты, и меня повлекли в коридор. Я, конечно, не сопротивлялся. Вот так. В приемной, несомненно, был выявляющий оружие детектор.

Меня провели на третий этаж и втолкнули в комна-

ту с изящной, но надежной решеткой на окне. Среди сейфов и дисплеев восседал краснолицый мужчина в штатском.

— Здравствуйте, — нахально сказал я ему.

— Почему носите оружие? Где взяли? — рявкнул он вместо ответного приветствия.

— Нашел на улице, — сказал я. Терпеть не могу, когда на меня рявкают, особенно такие вот краснолицые. — Валялось на тротуаре, знаете ли.

— Обыскать! — рявкнул он.

Я поднял над головой скованные руки, и мои провожатые накинулись на меня с проворством опытных скакарей. Добычу они выложили на стол перед шефом, тот покопался в ней, отодвинул в сторону житейские мелочи — авторучку, зажигалку, карманный путеводитель, ключи. Наступила напряженная тишина.

Ситуация создалась пикантная. Перед ним лежали три документа, все с моей фотографией, и все на разные фамилии. Зеленая книжечка обозревателя «Географического еженедельника», бордовая книжечка криминальной полиции, которую я из-за переполоха с оживающими непоседливыми трупами забыл вернуть Зипперлейну, а он забыл ее забрать, и, наконец, удостоверение сотрудника МСБ, прямоугольник из особого сплава, защищенный от подделки кое-какими хитроумными способами. Краснолицый их, без сомнения, знал. Он жестом указал мне на стул, придвинул белую коробочку акустического анализатора.

— Сижу за решеткой в темнице сырой, — сказал я, наклонясь к прибору.

Спектр голоса столь же уникален и неповторим, как отпечатки пальцев. Краснолицый пару минут забавлялся с дисплеями и сверхсекретными кодами. Потом жестом приказал молодому поколению снять с меня наручники и выметаться.

— Радужку проверять будете? — спросил я.

— Нет нужды. Мне извиняться?

— Ладно уж, — великодушно сказал я, распахивая по карманам свое добро. — Спешим на издержки вредного цеха. Лучше объясните, к чему такие предосторожности?

— Вы — о чем?

— Так точно.

— У нас беспокойно, — сказал он. Вынул из стола пачку фотографий и веером, словно опытная цыганка, стал раскладывать передо мной. — Все они здесь. Вот... вот... вот...

Я узнал многих старых знакомых — главарей, атаманов подполья. Едва ли не с каждым у меня нашлось бы о чем побеседовать, и немедленно.

— Вот так, — сказал он. — По неполным сведениям, в городе до двухсот их мальчиков с оружием. Целый зверинец. Дело пахнет «концертом». Притом не простым «концертом», понимаете? И вот теперь полковник Артан, — он ткнул себя большим пальцем к грудь, — сидит и ломает голову, чего от них ждать. Ломает совместно с Конни Чавдаром. На днях мы перехватили шифровку от Дикого Охотника к Дальрету, и в ней Охотник с несвойственным ему пафосом, едва ли не поэтическим слогом сообщает, что они собираются провернуть «небывалое» по масштабам, поистине «эпохальное дело», в результате чего «нынешняя система правления рухнет навсегда, и мы будем господами мира». Я цитировал подлинник.

— Бред, — сказал я. — Охотника я знаю. Мерзавец он умный, экстремист заматеревший, но фантазером его нельзя назвать. Приземлен, как крот.

— Вот именно, — согласился Артан. — Но объясните вы мне, отчего вдруг такая трезвая и приземленная до идиотизма личность, как Дикий Охотник, вдруг начинает изъясняться так поэтически и обещать коллегам сияющие горизонты?

— В принципе можно объяснить...

— Объяснить? — гаркнул он, по-медвежьи вскидываясь на дыбки. — Вы мне вот это объясните!

Он рывком распахнул дверцу высокого сейфа и через стол швырнул мне короткий десантный автомат. Я поймал его за цевье. Покачал головой и присвистнул — дуло автомата завязано узлом, но металл нисколько не деформировался, даже воронение не пострадало...

— Впечатляет? — спросил полковник Артан, забрал у меня автомат и водворил его в сейф. — Вот такие метаморфозы иногда происходят по ночам с автоматами патрульных. Можете также посетить вычислительный центр. Тоже... метаморфозы. Загляните еще на завод реактивных авиадвигателей — право слово, не пожалеете...

— Кто такой Даниэль Регар?

— Астроном местной обсерватории, — ничуть не удивившись, ответил полковник. — У вас на него что-нибудь есть?

— Нет. Пока нет. А у вас?

— Все, что у меня на него есть, это обвинения в сотрудничестве с дьяволом или марсианами — в зависимости от интеллекта информатора. Какие события привели к возникновению таких слухов — неизвестно.

— Так, — сказал я. — Полковник, а как по-вашему, что происходит с детьми? Как вы объясните происходящее?

— Не знаю.

— Честное слово, неплохой ответ, — сказал я. — По чести, он удовлетворяет меня больше, чем попытки свалить вину на бога или дьявола...

— Вообще-то у меня была версия...

— Ну-ка!

— Инопланетная агрессия, — признался он стыдливо. — Пришельцы с коварными целями обучили детей всякой чертовщине. Или — с благими целями. Попытка контакта...

— Но доказательств нет... — сказал я. — Ну ладно, всего хорошего, я пошел к мэру,

Увидев меня вторично, девица в приемной опешила. Видимо, предвкушала уже, как будет рассказывать подругам о своем героическом участии в поиске опасного террориста. Я молча показал ей удостоверение криминальной полиции. Залившись краской, она молча показала на дверь в кабинет мэра.

Я прошел по зеркальному паркету и представился:

— Адам Гарт, обозреватель «Географического еженедельника».

— Садитесь, — сказал мэр, мужчина лет шестидесяти с длинным интеллигентным лицом. Седой, похожий на пианиста. — Меня зовут Адриан Тарнот. Вы давно у нас?

— Второй день.

— Успели что-нибудь узнать?

— И не так уж мало, — сказал я. — Я узнал, что с помощью старины Льва можно заглянуть в прошлое, что иногда с автоматами патрульных случаются странные метаморфозы, что человек по фамилии Тамп убил свою жену, но потом она воскресла...

— Что? — подался он вперед. — Что вы сказали о Льве?

Я кратко рассказал, подчеркнув, что версию с гипнозом не исключаю — о случае с Дарином, естественно, умолчав. Он как будто ничуть не удивился. Может быть, они здесь ничему больше не удивляются, и я их прекрасно понимаю...

— Что происходит с детьми? — спросил я. — И каково количество ретцелькиндов, кстати?

— Девять тысяч шестьсот тридцать пять, в возрасте от пяти до восьми лет. Но число наверняка неточное — ЭТО настигает, когда ребенку переваливает за пять лет, и наверняка, пока мы здесь с вами беседуем...

— Понятно. Продолжайте, прошу вас.

— Во-первых, они замкнулись в себе, сведя контак-

ты с родителями и прочими не-ретцелькиндами к минимуму. Во-вторых, те из них, кто достиг школьного возраста, категорически отказываются посещать школу. Младшие классы практически прекратили существование. В-третьих, доказано, что они обладают способностями, которые принято называть сверхъестественными, и само существование их отвергалось современной наукой — телепатия, телекинез, левитация. Есть скудные метры видеопленки и заслуживающие доверия свидетельства очевидцев. О некоторых способностях, которыми обладают ретцелькинды, я не в силах сказать ничего определенного — этим явлениям мы не в состоянии дать название и подобрать аналогии в земных языках... Вы понимаете, что я имею в виду?

— Скажем, дружеское общение с ядовитыми змеями?

— Это еще цветочки... Итак, мы не знаем, чем вызван процесс превращения нормального ребенка в ретцелькинда, мы знаем лишь, что он настигает ребенка к пяти годам... при соблюдении некоторых условий. Если поместить ретцелькинда в группу нормальных детей — в девяноста трех процентах случаев его чудесные способности исчезают, а у семи процентов количество способностей сокращается до какой-то одной, проявляющейся спорадически, слабо. Если же поместить в группу нормальных детей двух и более ретцелькиндов, максимум через две недели ретцелькиндами станут все остальные дети. Ставилось много экспериментов — за пределами города.

— И они позволяли... помещать себя?

— Ну, это обставлялось тонко — выезд родителей на жительство в другие города и так далее... Похоже, они ничего не заподозрили, это все-таки дети... Короче говоря, один ретцелькинд подчиняется влиянию среды, два и более — перестраивают среду по своему образу и подобию. Эти выводы и привели к рождению проекта «Гаммельн» (я наострил уши) — вывезти отсюда всех до единого ретцелькиндов, понятно, вместе с родителя-

ми, в другие города нашей страны, Европы и всего мира, для вящей надежности — по одному на город. Проект, конечно, требует гигантских затрат, но осуществить его нужно как можно скорее. Они ведь уничтожают материальные ценности! Второй по величине в Европе завод авиадвигателей безвозвратно разрушен. Мы лишились вычислительного центра. Не знаю, когда нам удастся пустить вновь нефтепромыслы — с оборудованием происходят пугающие метаморфозы, на пособие по безработице пришлось перевести несколько тысяч человек...

— Значит, вы уверены, что в появлении и поведении ретцелькиндов нет разумного, рационального начала?

— Ни малейшего. Гипотез выдвигалось множество. К сожалению, даже от людей, долгие годы полагавших себя атеистами, пришлось услышать тирады о происках дьявола или ниспосланном господом испытании. Но это — самые примитивные гипотезы. Выдвигалось множество более изящных, однако лично мне, как и многим другим, и они показались несостоятельными. Я бы принял следующие: некие неизвестные факторы, скажем, комбинация новооткрытых химических препаратов или комбинация излучений, коих в технотронном мире наберется великое множество, вызвали это своеобразное, оригинальное уродство, пагубно воздействовали на детский мозг...

— Логично, — сказал я. — Увы, эта гипотеза, мне кажется, не объясняет экспериментов с ретцелькиндами и средой... Верно?

— Верно.

— А ваша личная гипотеза? — спросил я. — Мне кажется, она у вас есть. В таком, как наш, случае у каждого появляется собственная гипотеза.

— Моя? — он неуверенно улыбнулся. — Знаете... Вы верите в высокоразвитые цивилизации, погибшие в давние времена в результате каких-то катаклизмов?

— Наслышан, — сказал я. — Но не уверен, что доказательства их существования достаточно.

— Это мой конек, — немного смущенно пояснил мэр. — Интересуюсь с детства, знаете ли... Так вот, я считаю: то, что мы наблюдаем, — своего рода вспышка атавизма. Почему это случилось именно у нас? А почему до сих пор рождаются порой волосатые или хвостатые дети? Неожиданно проснулись способности, которыми некогда обладала давно погибшая раса, — но, как мы убедились, никакой пользы это не принесло. История повторилась в виде фарса. Но трагического в этом фарсе больше, чем смешного. Миллиардные убытки — не посмеешься... Постарайтесь представить, каково нам здесь — каждый день ждать нового удара, не зная, с какой стороны он последует и что разрушит...

Послышались легкие шаги — секретарша принесла поднос с бутылкой коньяка и двумя пузатенькими рюмочками.

— Прошу, — мэр наполнил рюмки. — Честное слово, кажется, еще немного — и я начну пить. Кое-кто уже начал...

Я встал и прошелся по кабинету. Подошел к высокому окну, смотрел на пустынную площадь, и думал, почему Святой Георгий так поступил со мной. Оказывается, все (точнее, почти все) исследовано, запротоколировано, заснято. Разработан даже план спасения от напасти. Для чего же я здесь? Исключительно для того, чтобы допросить Регара?

— Когда начнется операция «Гаммельн»? — спросил я.

— Никто из нас не знает. Руководство МСБ заявило, что для окончательного вердикта и подачи сигнала сюда прибудет их человек, особо доверенный и облеченный полномочиями, кто-то из членов Коллегии. С ООН согласовано. С тех пор мы пристально следим за теми визитерами, чье поведение внушает... э-э, некоторые надежды. У нас был некто Лонер, социолог, он

внушил нам своим поведением некоторые надежды; но вскоре повел себя странно и уехал. Потом прибыл крупный журналист Некер, но вскоре стал пьянствовать и пустил себе пулю в лоб — из пистолета образца, состоящего на вооружении Войск ООН и офицеров МСБ... Завтра ожидается фантаст Догарда — кто знает... Но еще раньше пожаловали вы, человек, которому усиленно протезирует комиссар Зипперлейн, начальник созданной при криминальной полиции группы «Болид», которой вменено в обязанность сотрудничать с МСБ в деле о здешних чудесах. В первый же день вы беседовали с покойным Некером, сегодня посетили тюрьму; наконец, только что имели беседу с полковником Войск ООН Артаном, который взял вас с оружием, но вскоре отпустил...

— Артан вам позвонил?

— Нет. Селектор был включен, и я слышал, как вас брали.

— Играет в сыщика-вора?

— Приходится, — сказал он. — И кроме того... Видите ли, три года назад я в течение семи месяцев занимал довольно ответственный пост в аппарате Совета Безопасности ООН. Ушел из-за здоровья, чувствую себя более-менее сносно лишь здесь, у моря...

— Так-так-так... — сказал я. — Мы встречались в Совете?

— Да, — сказал он. — Не помню вашей фамилии, кажется, ее вообще не называли. Но помню, как вам вручали орден — за операцию «Жером-2». У меня хорошая память на лица, как у большинства юристов...

— У вас хорошая память. Простите за маскарад. — Я встал и шелкнул каблуками. — Полковник Кропачев, отдел кризисных ситуаций МСБ, член Коллегии...

Черт! Неужели я и есть тот, кто должен подать сигнал? Я — член Коллегии. Ими были и Некер с Лонером. В таком случае, поведение Святого Георгия легко можно объяснить. Меня послали сюда, умышленно снаб-

див крохами информации, — чтобы я собрал недостающую сам, чтобы свежим, непредвзятым взглядом осмотрел и оценил происходящее. Вроде бы все объяснилось, однако сомнения есть...

— Значит, вы — тот, кто должен... — начал мэр.

— Не исключено, — сказал я. — Я сам еще не знаю. Не удивляйтесь, в разведке так бывает. — Я отвернулся к окну. — Сложность нашей работы еще и в том...

На столе тихонько засвиристел селектор, и девичий голос сообщил удивленно:

— Господин мэр, к вам рвется советник Фаул...

— Простите, — сказал мэр. — Странно. Видите ли, полковник, муниципальный советник Фаул очень спокойный человек, и слово «рвется» к нему никак не применимо...

Распахнулась дверь, и советник Фаул, низенький, лысый, лобастый, как Сократ, ворвался в кабинет с такой скоростью, словно хотел перепрыгнуть через стол и выпрыгнуть в окно, причем его ничуть не заботило, вспарит он над крышами или рухнет на булыжник. Однако каким-то чудом он все же затормозил у стола, рванул замок своего черного портфеля, вывалил на разноцветные телефоны и деловые бумаги мэра охапку желтых осенних листьев.

— Боже мой, Фаул, что это вы? — изумленно спросил мэр и рефлекторно потянулся смахнуть листья со стола.

— Я попросил бы вас! — рявкнул Фаул. — Я попросил бы вас аккуратнее обращаться с казенными деньгами! С финансами муниципалитета!

— Что вы этим хотите сказать? — спросил я, потому что мэр безмолвствовал, бледнея.

— Я хочу сказать: вот это, — он сгреб пригоршню листьев и рассыпал их над столом, — находится во всех сейфах городского банка и его отделений вместо неизвестно куда исчезнувших денежных знаков и ценных бу-

маг. И еще хочу сказать: я подаю в отставку. Поеду и набью морды этим чинушам в эполетах из МСБ, которые тормозят «Гаммельн». Пусть меня судят, пусть сажают. Морду я им набью. Окопались, зажрались, отсиживаются, благо над ними не каплет...

Дальнейшие его слова можно было воспроизвести разве что на крайне неприятном заборе, начисто лишенном чувства собственного достоинства. Как я уяснил из отрывочных выкриков, советник Фаул восемь лет ведал городскими финансами и решительно не понимал, чем ему ведать теперь. Бумажные и металлические деньги превратились в осенние листья — не только в сейфах, но и в карманах тех, кто в данный момент находился в банке. Сейчас возле банка собралась огромная толпа вкладчиков, которую едва сдерживает половина городской полиции и военнослужащие ООН, директора банка только что увезла с сердечным приступом карета «Скорой помощи», остальные служащие разбежались от греха подальше — намерения толпы непредсказуемы...

Выпалив все это на повышенных тонах, советник упал в кресло и неумело заплакал.

— Видите? — сказал мне мэр, растерянно вороша листья. — А понимаете ли вы, во что превратится город с населением в полмиллиона, лишенный казны?

— Ну, дотацию-то вам выделяют... — сказал я.

— Еще одна примочка на раковую опухоль. — И мэр спросил ледяным тоном: — Полковник, вы собираетесь действовать?

— Завтра утром ко мне приедет человек из Центра, — сказал я. — Если он подтвердит, что на меня возложены полномочия пустить в ход «Гаммельн» — проволочек не будет. Пока что приказа насчет должных полномочий у меня нет, а я человек военный, вы должны меня понять. Я хотел бы взглянуть на ваш вычислительный центр. Нельзя ли попросить у вас машину и сопровождающего?

— Машина будет, — сказал мэр. — Пойдемте. Я еду в банк. Фаул, перестаньте, вы же мужчина. И соберите эти... деньги. Дать вам коньяку?

— Яду мне дайте! — заревел Фаул. — Пистолет! Адриан, можно мне дать по шее этому полковнику?

— Боюсь, он может весьма профессионально дать сдачи, — мягко сказал мэр. — И он ни в чем не виноват.

— Можно, я возьму листок? — попросил я.

— Только обязательно расписку! — горько захохотал Фаул. — Для служебных целей временно заимствован банкнот достоинством... серия... номер... Держите уж! Сейчас я понял, что деньги мусор! — Он сунул мне в карман пиджака горсть листьев, подпрыгнул на месте и сказал: — Гоп, ля-ля! Адриан, дружище, а не сойти ли мне с ума? Свихнуться, чокнуться, сбрендить. Будет гораздо легче. На меня наденут балахончик без рукавов и повезут туда, где много марсиан, пап римских и Наполеонов. А? А то давай вместе, и полковника прихватим. Поехали, полковник? Мы все в конце концов рехнемся здесь, так уж лучше заранее, самим... Давайте вообразим себя святой троицей? Вам кто больше подходит — отец, сын или дух святой?

— Да никто, — сказал я. — Не мой стиль. Когда меня бьют по левой, я бью тому по правой...

— Вот и ударьте. Санкционируйте операцию. Мы вам поставим памятник. Я абсолютно серьезно. Проведем подписку, я первый отдам последнюю рубашку. Хотите увековечиться в облике рыцаря, поражающего дракона?

— Мирская суета, — сказал я. — Господин мэр, у меня к вам еще одна просьба. Поставьте полицейский пост у Льва. Право же, не помешает...

— Действительно. Сейчас же распоряжусь.

— И последний вопрос. Во время катастроф и прочих чудес были... пострадавшие физически?

— Ни одного, — сказал мэр. — Моральных травм —

тех предостаточно. Нервный шок, истерики, инфаркты, неврозы. Несколько человек в психиатрической клинике. Пожалуй, только случай с Тампом можно подвести под категорию «пострадавших физически»...

— Ты забыл еще про этого алкоголика, про Некера, — сказал Фаул. — Который до самоубийства допился.

— Молчать! — сказал я. — Не трогайте Некера, вы, финансит!

— Ах, во-от оно что, — сказал Фаул.

— Простите, у меня тоже есть нервы, — сказал я. — Он был моим учителем, понятно вам? Он столкнулся с какой-то фантазмагорической дилеммой, которую не смог разрешить. Так что МСБ ничуть не легче, не нужно никому бить морды... Многоуважаемые олдермены, разрешите задать вам последний вопрос? Что вас больше беспокоит — сама Тайна или нарушенное процветание вашего города?

— Можете думать о нас как угодно, — сказал мэр, — но нас заботит в первую очередь город — мы за него в ответе. А Тайна... Да черт с ней, честно говоря.

— Логично, — сказал я. — Поедемте?

Мы с мэром помогли советнику Фаулу собрать в портфель казенные деньги и втроем вышли из кабинета. В вычислительный центр меня отвез детектив полковника Артана.

В здании было пусто, неуютно и чисто, и никаких следов разрушения, о чем я тут же сказал своему спутнику. Компьютеры выглядели невредимыми и готовыми к работе.

— Смотрите, — сказал детектив.

Он взял из угла стул, размахнулся и запустил им в самый большой и самый красивый компьютер. Я невольно напрягся в ожидании мерзкого стеклянного хруста и дребезга.

Стул пролетел сквозь компьютер, словно он был сделан из тумана, и с грохотом ударился о стену. Компью-

тер осел и рассыпался тучей невесомого коричневого пепла, и сейчас же, словно по команде, в зале взвилась пыль — рушились остальные компьютеры, рассыпались прахом. Через несколько секунд остались одни голые стены.

— Поедем на завод авиадвигателей? — предложил детектив. — Там еще интереснее...

— Черт с ним, с заводом, — сказал я. — Везите меня в гостиницу «Нептун». Там сейчас встреча киноактеров со зрителями.

На его лице изобразилось, что он прекрасно все понимает, — уж если полковник МСБ идет на это мероприятие, то уж наверняка не глядеть на актеров, подобно простым зевакам, а преследует таинственные цели тайной войны. Я не стал ему, разумеется, объяснять, что цели у меня чисто личные. Увидеть Сильвию. Потому что я живой человек, умею рвать решительно, но не могу отучиться тосковать. Потому что я скучаю по ней. Чертовски.

Все началось в Канаде, когда мы вели боевиков, выдававших себя за киногруппу из Кейптауна, в каком качестве они успели познакомиться со множеством порядочных людей, не подозревавших, с кем имеют дело. Когда события волею судьбы оказались припороены и мы повязали всю банду в кемпинге, в улове нашем оказались и несколько этих самых порядочных людей, которых пришлось на всякий случай деликатно проверить. Сильвия Экнотер в том числе. Я прочитал ей серьезную нотацию о вреде безалаберной доверчивости и шапочных знакомств. Как ни странно, она оказалась не только красивой, но и умной и на меня не рассердилась. И все началось. У меня были две недели внеочередного отпуска, я поглупел настолько, что стал похож на нормального человека, стало закручиваться что-то совсем серьезное, и я спасовал. Струсил. Заколебался. Задумался. (Нужное подчеркнуть.) Решил, что засекреченный контрразведчик, который в любой момент может

угодить на Доску павших героев (есть такая в штаб-квартире, золотом по черному мрамору, среди своих именуется с цинизмом людей, имеющих на это право, «досточкой»), просто-напросто не годится в мужья молодой талантливой кинозвезде — не жизнь ее ждет, а сущий ад, если честно. Тут как нельзя более кстати форсировали операцию «Чарли», всю группу сорвали с отпусков, и я второпях, на приступочке прилетевшего за мной военного вертолета написал Сильвии короткое письмо, где попытался объяснить все неудобства, ожидающие жену офицера МСБ, и просил, если она хочет, считать себя свободной. Два месяца назад сие произошло. И с тех пор, как мне передавали, она звонила раз десять, а я хожу смотреть ее фильмы. И старался забыть, что она здесь, что за главную роль в экранизации догардовской «Звездной дороги» ей вручили какого-то золотого зверя из числа той экзотической живности, какую раздают на кинофестивалях.

— Я вас приветствую, мой исчезающий друг, — раздался женский голос, и я поднял голову. И сказал:

— Здравствуй, Сильвия.

С ней был какой-то смутно знакомый, невыносимо киногоеничный тип с фестивальным значком на лацкане.

— Познакомьтесь, это мой друг, — сказала ему Сильвия. Моей фамилии она не назвала — прекрасно знала, что у меня их больше, чем положено иметь нормальному человеку.

— Адам Гарт, журналист, — сказал я.

— Очень приятно. Руперт Берк.

Ну да, конечно. Из звезд.

Она очень выразительно посмотрела на этого своего Берка, и Берк сговорчиво пробормотал, что ему пора, у него, собственно, деловое свидание, и он, с нашего позволения, нас покинет. И покинул.

— Нечего так на меня смотреть, — сказала Сильвия. — Ничего у меня с ним нет. Ни с кем ничего нет. Тебя жду, как дура. А ты, Голем, свинья преизрядная —

писать женщине, которую ты любишь и которая любит тебя, такие идиотские письма. А еще полковник. И таких дураков еще именуют великолепными гепардами. Гепард — такой добрый и милый зверь...

Она стоит передо мной, тоненькая, красивая, черные волосы рассыпались по плечам, на шее ожерелье из марсианских камешков, подарок астронавтов с «Синдбада». И я понимаю, что я в самом деле дурак и свинья, что никуда мне не деться — вернее, притворяюсь, что понял это только сейчас, а не два месяца назад...

— Ты занят?

— Не особенно, — сказал я. — Точнее, пока что абсолютно свободен. Как ветер. Как три ветра...

— Тогда пошли, — сказала она. — Поплачешься. Вижу я тебя насквозь, опять тебе плохо...

У нее есть золотое качество — умеет молча сопереживать...

Мы вошли в шикарный номер, заперли дверь, и она сразу же обхватила, прижалась. Тронула ладонью кобуру под пиджаком и попросила:

— Убери его, ладно?

Я отнес пистолет в ванную, запихнул его там в шкафчик — пусть раз в жизни полежит рядом с косметикой от лучших фирм. Сильвия поставила передо мной чашку кофе, села напротив и уставилась жалостливыми бабьими глазами.

— Ты говори, — сказала она. — Тебе ведь плохо...

Я медленно отходил, отплывал, отрешался от мира за окном, от его головоломных проблем и жестоких загадок, требующих не менее жестоких отгадок, позволил себе ни о чем не думать, разрешил на пару часов такую роскошь.

— Воспоминания динозавра, том второй, — начал я тихо. — Мы ведь динозавры — как и те, за кем мы охотимся. Когда они исчезнут, уйдем и мы. Да мы уже уходим, у нас не будет потомства, как у динозавров... Неделю назад, проанализировав исследования одной

сверхзасекреченной комиссии, Совет Безопасности принял решение с будущего года отменить набор в военное училище «Статорис» и проработать наиболее рациональный план последующей ликвидации означенного училища. Последняя на планете военная школа закрывается. Нам уже не требуется молодая смена, все дальнейшее — дело полиции. Современный терроризм исчерпал себя, загнал в угол и вымирает. Это несказанно хорошо. Но вот как быть нам, великолепным гепардам? Мы умеем только ловить и стрелять, мы умеем умирать и рушиться с неба на бьющие навстречу пулеметы. Мы этим занимались всю сознательную жизнь. И ведь мы все понимаем, так и должно быть, для того мы и работали, для того многие и погибли — чтобы на Земле не осталось нужды в военных. Нас скоро забудут, еще до того, как умрут последние из нас. Впрочем, нас уже забывают... Лет через двадцать люди скажут — это были смелые и благородные парни, их нужно уважать, но хорошо все же, что они ушли, и никого больше не учат убивать голыми руками и стрелять в темноте на шорох. Эпоха. Как это больно и грустно, когда уходит эпоха... И ведь мы ничего не требуем — ни памятников, ни мемориальных досок, ни почета. Нам просто грустно и горько от того, что понять нас могут только такие же, как мы...

Ее губы прижимаются к моим, теплые пальцы сжимают мои виски, и на короткое время я становлюсь нормальным человеком, способным быть нежным, ласковым, беззаботным. И все равно где-то в глубине, как маленький злобный гном в пещере, сидит тревожная мысль — кто такой Даниэль Регар? Будь оно все проклято...

За окном — темно-синее, почти черное вечернее небо. Снизу его лижут, размывают сполохи неоновых вывесок, сверху вспыхивают огненные росчерки метеоритов.

— Странный стал город, — тихо сказала Сильвия. —

Страшный. Все чего-то ждут. Ты уже знаешь, в чем дело?

— Ничего я не знаю.

— Нельзя рассказывать, да?

— Нельзя, — сказал я. Этот аргумент всегда действовал на нее безотказно, она не относится к тем женщинам, кои считают, что в доказательство любви мужчина должен выбалтывать служебные тайны.

— Это не опасно? Твоя миссия?

— Как тебе сказать...

— Значит, опасно, — вздохнула она. — Ты хоть понимаешь, как я боюсь за тебя? И как мне это необходимо — бояться за тебя?

— Я понимаю, ты понимаешь, он понимает, мы понимаем... Ты когда улетаешь?

— Через два дня, — сказала она. — Мы еще увидимся?

— Боюсь, что нет. Это мне сегодня так выпало...

— Когда освободишься, поедem в Камаргу, хорошо? Там быки, красивые степи и можно ездить верхом.

— Хорошо, — сказал я.

Она любит ездить верхом. Я тоже, да времени нет. Со многими курортными местечками и экзотическими уголками планеты у меня связаны совсем другие ассоциации, другие воспоминания, и ничего с этим не поделаешь, так сложилось. Но с Камаргой, слава богу, ничего такого...

Сильвия принесла из другой комнаты своего золотого зверя. Он оказался кентавром с крыльями — довольно-таки экзотическое сочетание. Я похвалил зверя. По крайней мере он был нетривиален.

Она проводила меня до двери. На пороге посмотрела в лицо печально и ожидающе, притянула к себе и тут же оттолкнула, прошептала:

— Иди, а то расплачусь...

Я вышел в коридор под холодный свет люстр. Наплевывая гипохондрию прошел. По коридору шагал жесткий,

энергичный, насквозь деловой полковник Кропачев по прозвищу Голем, великолепный гепард эпохи, туда его так, готовый решать мировые проблемы на молекулярном уровне. Завтра приезжает Ксана, завтра я должен буду прижать к стенке Регара, завтра, я очень надеялся, станут прозрачными некоторые «черные ящики». Завтра.

Сегодня был Чавдар, он стоял, изящно облокотившись на перила, в штатском костюме, в меру пестром и легкомысленном.

— Ну, здравствуй, — сказал я. — Разведрота твоя, я смотрю, неплохо работает...

— А то как же, — сказал он. — Пойдем поговорим?

Мы спустились по лестнице, миновали забитый гомонящими поклонниками фантастического синематографа холл, отмахнулись от юнца, по ошибке попытавшегося взять у нас автографы, вышли на улицу и сели в машину Конрада, гражданский «ауди».

— Итак? — спросил я. — Вряд ли ты ко мне без дела пришел.

— Посмотри.

Он достал из кармана карту города и прилегающих окрестностей, развернул ее передо мной. Карта испещрена хорошо знакомыми мне условными значками.

Карта меня ошеломила, если честно. К городу была стянута едва ли не треть вооруженных сил ООН. Объяснение подворачивалось одно-единственное; лучше пересолить, чем недосолить. Береженного бог бережет...

— У страха глаза велики... — сказал я. — А зачем ты мне все это показываешь?

— Чтобы ты знал, какую армаду тебе предстоит привести в движение.

— Так, — сказал я. — Детали.

— Я получил приказ. Сигнал на «Гаммельн» предстоит дать тебе. Приказ тебе доставят завтра утром. А там — твое дело. Как будут эвакуировать детишек, я толком не знаю и не интересуюсь. Я строевик, дорогуша Голем. Окружаю, пресекаю, провожу облавы, пред-

отвращаю эксцессы. Общее руководство войсками осуществляет наш старый знакомый — Дуглас. А у меня своя задача — к началу «Гаммельна» я должен обезвредить экстремистов. Ну, основные точки дислокации мы знаем, так что по сусекам поскребем.

— А ты ничего не слышал о таком Даниэле Регаре?

— Есть такой, — сказал он. — Сволочь. С Диким Охотником якшался. И якшается.

— Так, — сказал я. — А если я тебе скажу, что один мой знакомый весьма похвально отозвался о Регаре?

— Что это за...

— Лео Некер, — сказал я не без грустного злорадства, и он увял, как я увял бы на его месте. — Некер это говорил, дружище. Вот такие дела... Конрад, тебе не приходилось видеть завязанные узлом автоматные стволы?

— Ты у Артана видел? Так это я ему один отдал. Другой отослал в Центр. Знаешь, я поневоле начинаю бояться — а вдруг я ничего не смогу сделать, когда придет срок? Я...

На приборной доске вспыхнул зеленый огонек. Чавдар сунул в ухо блестящую бусинку на длинном шнуре, послушал и резко обернулся ко мне:

— Голем, «крими» у твоего дома, за тобой приехали!

Я молча кивнул ему на баранку. Машина понеслась по светящейся осевой линии. Упавший микрофон подпрыгивал на спиральном шнуре, я поймал его и водворил в гнездо.

Полицию представляла серая цивильная малолитражка с мигалкой на крыше. Внутри было темно, тлел багровый огонек сигареты, освещая чей-то энергичный подбородок. Распахнулась дверца, навстречу мне выбрался плотный малый — это он в тюрьме принес Зипперлейну депешу.

— Господин полковник, вас срочно просит комиссар.

— Поехали, — я распахнул дверцу. — Что, еще один труп у вас сбежал?

Он в это время садился за руль. Так и не сел. Застыл в неудобной позе:

— Откуда вы знаете?

— Всего лишь хотел убого пошутить, — сказал я. — Садитесь, поехали. Кто там у вас убежал?

— Некер...

Машина остановилась перед каким-то окраинным полицейским участком. В неоновой вывеске «Полиция» не хватало последней буквы, перед входом стояли два мотоцикла. Мы прошли коротким коридором. В маленькой комнатке, пропахшей сапогами и оружейной смазкой, сидел на краешке стола Зипперлейн. Его теплый синий плащ — небывалое дело! — лежал тут же, на столе.

— Как это случилось? — спросил я, придвигая ногой свободный стул.

— Как... Ночью встал и ушел. В случае с женой Тампа свидетелей не было, а сейчас свидетель есть — сторож морга.

— И что он?

— А где ему, по-вашему, быть? — вздохнул Зипперлейн. — В психиатричке, понятно. Спит после лошадиной дозы успокоительного снотворного.

По долгу службы мне приходилось бывать в моргах. Гладкие цинковые столы, неподвижные желтоватые тела, холодный свет, давящая тишина, и вдруг мертвец приподнимает голову, садится, открывает глаза, спускает ноги на холодный каменный пол, проходит мимо столов... Как он смог голым пройти по городу?

— Неизвестно, — сказал Зипперлейн, и я понял, что задал вопрос вслух. — Вообще-то дело было ночью. Хозяин дома, где он снимал комнату, естественно, спал и ничего не слышал. Одежда, вещи и машина Некера исчезли. Два часа назад его машина миновала пост Войск ООН на шоссе два-четыре-надцать и удалилась в сторону столицы.

— Его пропустили? — донельзя глупо спросил я.

— А почему они должны были его задержать? Они же не знали, что он... Или вы думаете, что от него разило серой и оклепом, а лицо его было синим? Анита Тамп выехала беспрепятственно. Господь никогда ничего не делает наполовину.

— Однако Лазарь-то смердел и покрыт был червями... — машинально сказал я.

Встал и поплелся прочь — а что еще оставалось делать? В коридоре отмахнулся от детектива, предложившего подвезти, вышел на пустынную темную улочку и побрел по краю тротуара. Детектив сел в машину и метров двадцать ехал следом, но я рыкнул на него, и он отстал. Я остался один. Большинство окон уже погасли. Я не мог ни восторгаться, ни грустить над происшедшим с Некером — город, как вампир, высасывал мои эмоции, оставляя одно тупое удивление. Над крышами чертили огненные зигзаги метеориты, из-за трубы выглядывала половинка зеленой Луны, и на ее фоне четко вырисовывался кошачий силуэт. Ничего сверхъестественного в зеленой Луне нет. Нашу Луну мы видим желтой или белой от того, что вокруг нее нет преломляющей солнечные лучи атмосферы. Будь на ней достаточно плотная атмосфера, Луна виделась бы нам именно такой — светло-зеленой, как молодая сочная трава. Хорошо помню рисунки в одной популярной книжке по астрономии. Да, но ведь атмосферы там все же нет...

Лунная радуга. Как и обычная, вызывается преломлением и отражением света (только на этот раз лунного, а не солнечного) на водяных капельках в атмосфере. Лучи точно так же разлагаются на составные части спектра. Наблюдается лунная радуга, как правило, при ясной, полной Луне, когда воздух насыщен принесенной с моря влагой. Редкое, но вполне материалистическое природное явление. Вот только почему все эти явления, каждое из которых в отдельности легко объяснить, появились здесь одновременно?

За мной кто-то шел, подстраиваясь под ритм моих шагов, но шаги преследователя были какие-то необычные — звонкие, шлепающие. Словно тот шел босиком. Тяжелые шаги. Станные. Только сейчас я сообразил, что понятия не имею, в какую сторону иду, — я никогда не был в этой части города. Пожалуй, от машины отказался несколько самонадеянно. Ну, ничего, в конце концов это отнюдь не джунгли...

Сворачивая за угол, я украдкой оглянулся, и по спине поползли ледяные мурашки.

Громадное, не ниже трех метров существо, напоминающее гориллу или взмывшего на дыбки медведя. Оно стояло, слегка сторбившись, покачиваясь на полусогнутых ногах, растопылив передние лапы и касаясь ими земли, голубая шерсть мягко светилась мягким гнилушечьим светом, горели огромные красные глаза. Лица или морды я не смог рассмотреть — сплошная мерцающая шерсть.

Я стоял и смотрел на него, а оно стояло и смотрело на меня. Нас разделяло метров тридцать. Сквозь пиджак я тронул кобуру — на месте. Негромко окликнул: — Эй, ты!

Не обращаться же к такому на «вы»?

Оно качнулось, негромко, глухо взревело и рысцой, целеустремленно, вразвалочку направилось ко мне.

И тогда я побежал. Мне было стыдно, но я ничего не мог с собой поделать. Инстинктом, нутром, подсознанием я понимал — это настоящее чудовище, а не наряженный для розыгрыша верзила. Улица словно вымерла, только редкие фонари, темные окна, шлепающие шаги и глухое ворчание за спиной!

Дома неожиданно кончились. Огоньки следующих светились метрах в пятистах впереди. Темный пустырь. Свалка. Первобытный страх прибавил мне ловкости и проворства, я несясь в бледном свете зеленой луны, перепрыгивал через старые покрышки, налетал на острые куски старого железа и не ощущал боли, лавировал среди

куч битых бутылок и пластиковых ящиков, слышал за спиной уханье и топот. Вылетел на косогор, обернулся и рванул из кобуры пистолет. Большим пальцем опустил предохранитель.

Чудовище проламывалось сквозь мусор, перло напролом. Больше всего оно походило на обезьяну, а обезьяны испокон веков были плохими бегунами — жаль только, что чудовище явно об этом не подозревало...

Я заорал:

— Стой, буду стрелять!

И выстрелил, целясь в землю метрах в двух впереди него, чтобы оно поняло — шутки кончились. А оно бежало, совсем по-обезьяньи припадая на передние лапы, отталкиваясь кулачищами от земли, светилась голубая шерсть, сверкали красные глаза, я прицелился, и выстрелил уже по нему, на поражение, и еще раз, и еще, и еще. Никакого результата.

У меня был двадцатизарядный «хауберк» с магазином системы Стечкина — шахматное расположение патронов в обойме. Калибр 11,3, удар пули способен остановить лошадь на скаку. Я перекинул рычажок на автоматическую стрельбу и выпустил оставшиеся патроны тремя очередями — в голову, в шею, в то место, где должно быть сердце. Хватило бы и на быка, но оно мчалось, словно я швырял в него камешки или бил холостыми.

Я повернулся и побежал. Не знаю, кричал или нет. Возможно. Снова дома, улицы. Жилой квартал. Справа кто-то с воплем шарахнулся во двор. Я бежал. Целовавшаяся под фонарем парочка недовольно повернула головы на плюханье шагов, в уши резанул отчаянный девичий визг.

Парень оказался не из трусливых. В его руке тускло сверкнул нож, я по инерции пронесся мимо, с трудом затормозил, обернулся и заорал:

— Куда, дурак?!

И даже дышать перестал. Чудище поравнялось с ним.

Небрежно, будто человек, отводящий от лица ветку, оно отпихнуло незадачливого гладиатора левой лапой — по-моему, не особенно и сильно. Он упал, тут же вскочил и метнул нож вслед чудовищу, на что оно не обратило ровным счетом никакого внимания.

Я бежал. В лицо ударил тугой свет фар, взревел мотор, я прижался к стене, загрохотал пулемет, и рядом со мной пронеслась строчка трассирующих пуль.

Потом оказалось, что я сижу в кузове открытого броневика, пахнет дизельным топливом и железом, в руке у меня зажата фляга, и кто-то отвинчивает с нее колпачок.

В кузов прыгнули двое солдат.

— Ну как? — спросил пулеметчик.

— Пусто. Ни следа нет.

— Но ведь я попал.

— Попасть-то попал...

— Свет дайте.

Прожектор полоснул по земле желтым лучом.

— Вот, вот... Ага. Выбоины есть, и только.

— Поехали отсюда, а? Автоматики помнишь?

— Говорят, не только автоматика.

— Говорил Христу напарник по кресту...

— Разговорчики, — раздался у меня над ухом голос Чавдара. — Поехали отсюда.

Броневик развернулся и покатил по ночной улице.

— Переночуешь у нас? — сказал мне на ухо Чавдар.

— Ну, до такого: я еще не докатился, — сказал я. — Вези домой, за углом остановишь.

Броневик остановился поодаль от дома Анны и не отъезжал, пока я не вошел в дом. Я тихонько прокрался по коридору (там горел свет), задержался у большого зеркала — н-да... Весь в грязи и ссадинах.

В зеркало я увидел, как за моей спиной появилась Анна в черно-белом пушистом халате, и глаза у нее стали круглые:

— Господи, что с вами?

— С велосипеда упал. Захотелось научиться ездить на старости лет.

Она грустно улыбнулась:

— Мой муж обычно снимал kota с дерева по просьбе старой дамы.

— Ну, а я обычно падаю с велосипеда. Для чего-то же существуют на свете старые дамы, коты и велосипеды?

— Идите в ванную, велосипедист, Аптечка там есть. Бренди тоже...

Я ушел в ванную, долго обрабатывал ссадины и порезы — хорошо хоть физиономия не пострадала... Забрался в ванну, пустил воду. Глотнул из горлышка, закурил.

Теперь с Лонером все понятно. Такое, повторяясь часто и изошренно, выпишет литер в психушку даже статые Командора. И кто поручится, что сейчас из стока не вынырнет синерожий утопленник и не пожелает замогильным голосом успехов в работе и личной жизни? Мне захотелось поджечь ноги, и я выругался. Лонера они затравили... Допекли, достали. (Нужное подчеркнуть.) Надо бы принять снотворное, чтобы никакие синерожие или синешерстные визитеры не смогли добудиться. Но нет. Лонеру это не помогло — в его комнате нашли кучу пустых ампул из-под фертонала...

Я подумал: если рассудить трезво, меня хотели всего лишь напугать, не более. Уж если кто-то, располагающий большими возможностями, хотел сжить меня со света, наверняка мог создать более проворного и клыкастого монстра...

День третий

Конверт упал мне под ноги, когда я тихонько повернул ручку и потянул дверь на себя, выходя из комнаты. Серый конверт казенного вида, без марок и штем-

пелей, четко выведена моя фамилия — та, под которой я на посмешище всему городу пытался изображать журналиста. Видимо, кто-то принес его на рассвете.

Я рванул конверт и извлек лист бумаги с грифом полицейского управления. Пробежал глазами несколько строчек и стал ругаться про себя. Попятился, сел на кровать и перечитал письмо еще раз, медленнее.

«Бога ради, простите, полковник. Не могу я больше, право же, не могу. Есть предел человеческим силам, и есть предел ситуациям, в которых человек способен выдержать. Хочется узнать поскорее... Простите. Зипперлейн, дезертир».

Я снял телефонную трубку и через минуту знал подробности. Малолитражка комиссара Зипперлейна была на предельной скорости направлена своим хозяином в глухую кирпичную стену портового склада. Бензобак взорвался. Что осталось от машины и водителя после взрыва и удара — легко себе представить...

Понятно, почему он не застрелился, не повесился, не наглотался таблеток — боялся, что неведомая сила поднимет и его с оцинкованного стола в морге, откроет ему глаза, оживит. Ему ужасно не хотелось оживать, он собирался умирать окончательно и бесповоротно. Вот так. Отчаявшись хоть что-то понять, он решил, что, умерев, в качестве покойника обретет истину — его душа, либо отлетя в горние выси, либо низвергнувшись в котел со смолой, в любом случае получит информацию, которую усопший не мог получить при жизни. Пожалуй, он не рехнулся и не дезертировал — гипертрофированный профессиональный рефлекс, стремление любыми средствами раскрутить дело, познать истину...

Десять негритят пошли купаться в море,
десять негритят резвились на просторе...

Старинная песенка. Что там с ними было? Кажется, пошли они искупаться, и тонут один за другим, и вот

уже не осталось негритят, ни одного, спокойно плещется море, ни одной курчавой головы над волнами, и никому нет дела, что опустел берег. В точности, как те негритята, один за другим уходят, не вынырнув, капитан Лонер, генерал-майор Некер, комиссар Зипперлейн. Кто следующий, господа? По логике событий следующим негритенком должен стать полковник Кропачев, но этого никак нельзя допустить — я просто-напросто не имею права умирать, я обязан оборвать цепочку умертвий, выигрывать пора, побеждать...

Погода немного испортилась, началось это еще ночью, тучи уже развеяло, но мокрый серый асфальт матово поблескивал, и я порядком забрызгал туфли, пока шел к почтамту. Скорее брел.

Стоял у входа и курил, отчаянно зевая. Мимо пробегали связисточки в ярких брюках и прозрачных плащиках, метеоры с идиотской педантичностью сгорали над крышами, по площади лениво катил бело-желтый молочный фургон. Прошагали солдаты, видимо, из смеявшегося ночного патруля.

Где-то поблизости мелодично зазвонили башенные часы — восемь утра. В конце площади показалась низкая спортивная «багира», разбрызгивая лужи, подъехала и остановилась в двух шагах от меня. Я распахнул дверцу, сел и сказал:

— Здравствуй, Мадонна.

Совершенно секретно. Экспресс-информация. А-1.
Майор Монахова Ксения Георгиевна (Мадонна). Родилась в 2010 г. Закончила военное училище «Статорис» (факультет контрразведки). В настоящее время — следователь Отдела кризисных ситуаций МСБ.

Семь национальных и три международных ордена. Незамужняя.

— Почему не самолетом? — спросил я.

— Слушай, Голем, как тебе удалось расколоть Антихриста?

— Значит...

— Да, — сказала она. — Там был Длинный Генрих. Труп Дарина нашли на том самом месте. На вилле нашли отпечатки Антихриста. Быстренько его взяли, и он, как ни удивительно, сразу раскололся. Нервный шок. Через слово поминает нечистую силу, которая нам якобы помогает, потому что тех двоих он тоже застрелил, и никто больше, кроме него, не знал... В самом деле, как тебе удалось? Кто мог дать тебе материал, которого не мог дать никто на свете, кроме самого Антихриста?

— Послушай сказку, — сказал я. — Жил-был город, в городе была статуя льва, и у него были глазищи, в которых можно увидеть прошлое...

— Что?

— Тот самый лев. Бесценная находка для нашей конторы, верно ведь? Но я не уверен, что льва нам отдадут. Что его чудесные глаза не исчезнут, как только мы его приберем к рукам. Если верить авторитетам, подарки дьявола, равно как и подарки фей, имеют коварное свойство рассыпаться прахом на рассвете. Может быть, легенды о превратившемся в уголья золоте всего-навсего повествуют о неустойчивых элементах, открытых каким-то гением алхимии? От алхимиков всего можно ожидать, те еще ребята были.

Она посмотрела на меня как-то странно:

— Голем, с тобой все в порядке?

— Милая, со мной все в порядке, — сказал я. — За мной гонялись те же фантомы, что и за Лонером, но я не сошел с ума. Я не сошел с ума даже тогда, когда воскрес Некер...

— Как воскрес?

— Ну, когда труп ушел из морга, — сказал я. — Здесь, знаешь ли, трупы довольно непоседливые, ожи-

вают, убегают, сводят с ума служителей морга. Неугомонные такие трупы. Когда Некер застрелился...

— Откуда ты знаешь?

— Как это откуда? Вчера днем местная полиция составила протокол, а вчера вечером труп Некера ожил и смылся из морга.

— Антон, ты только не волнуйся, давай все обсудим, что-то мы друг друга не понимаем... Некер не мог быть мертвым вчера вечером. Вчера вечером он приехал к нам, в окружной город, и застрелился в час ночи.

— Все сходится, — сказал я. — Труп ожил, потом поехал к вам и там застрелился вторично.

Я рассказал ей все подробно, показал свидетельство о первой смерти Некера, то донесение, которое Зипперлейн получил в тюрьме, о появлении живой и невредимой Аниты Тамп. Только тогда из ее глаз исчезли тревога и недоверие, и она честно призналась:

— Я уж думала, что и ты...

— Отпадает, — сказал я. — Давай приказ.

Она вручила мне по всем правилам оформленный приказ, поручавший мне дать сигнал к началу операции «Гаммельн», когда я решу, что это необходимо. Прилагались соответствующие коды и номера запечатанных пакетов, которые должны были вскрыть командиры войсковых частей.

— Итак? — спросила Ксана.

— Теперь я должен взяться за Регара. Пока я до него не добрался, не считаю себя вправе принять решение. Будь Регар сам Люцифер... Роланд где-то и в чем-то ошибся. И я должен понять, в чем и где.

— Ты уж постарайся, — сказала она. — Знал бы ты, что творится в Центре...

— Да, Ксана, — вспомнил я, — ты же у нас одно время училась точным наукам, а мне сейчас позарез необходима научная консультация. Как ты думаешь, что бы это могло означать?

Я протянул ей похищенный в детской рисунок.

— Где ты это взял?

— Ну, не сам же нарисовал. Ты ведь помнишь, что в длинном списке моих достоинств способностей к рисованию нет.

— Помню... Знаешь, это весьма похоже на трехмерное здание, находящееся в четвертом измерении. Или — точка зрения обитателя четырехмерного пространства на трехмерный объект. Если по Стергу и Берешу...

Она произнесла несколько фраз, в которых я не понял ни словечка. Час от часу не легче. Теперь еще и четвертое измерение, как будто мало с нас того, что уже стряслось в трех... Упаси бог, проводит какой-нибудь журналист, и по свету отправится гулять новая сенсация — ретцелькинды явились к нам из четвертого измерения.

Но шутки в сторону. Как мне объяснили, дети склонны рисовать то, что видят. Вряд ли мальчишка перерисовывал иллюстрацию из трудов этих самых Стерга с Берешем...

— Удачи тебе, Голем, — сказала Ксана.

И вот уже светло-синяя «багира» отъезжает, мчит-ся, распуская голубей, по дармоедской привычке упрямо ожидающих посреди площади щедрых туристов, а я стою посреди площади и смотрю машине вслед, в кармане у меня приказ, наделяющий нешуточными полномочиями, ответственность такая, что голова идет кругом, вот уже не видно машины, и я снова один, вокруг тишина, а я настолько привык не доверять тишине, что это стало больше чем привычкой. И я вдруг отчетливо, неправдоподобно четко сознаю, что боюсь встречи с Даниэлем Регаром. Боюсь, и все тут. Потому что впервые играю на чужом поле, чужими фигурами, и правила игры мне неизвестны, а быть может, у нее вообще нет правил или они меняются в ходе игры. Были люди не глупее меня, столь же ловкие, умелые, преданные, дисциплинированные, но они погибли, приблизившись к этому человеку...

Нырять так нырять... Я пересек площадь и вошел в кабину видеофона, исписанную изнутри именами и номерами, — традиция, идущая от росписей древних на стенах пещер. Вспыхнул экран. Алиса чуточку рассерженно воззрилась на меня, дожевывая бутерброд.

— Привет, — сказал я. — Куда это ты исчезла? Торопись куда-нибудь?

— На лекции.

— А помнишь, ты обещала познакомить меня с человеком, который знает все о здешних чудесах?

— Адам, но сейчас не получится, — сказала она с искренним сожалением. — Даниэль в обсерватории и будет только вечером, поздно вечером. У них важный эксперимент по программе МГГ.

— Ну что ж, — сказал я. — Подождем до вечера. Когда к тебе приехать?

— Часов в девять вечера.

— Отлично. Двадцать один ноль-ноль, у тебя.

Экран погас. Я вышел из кабины, постоял-подумал, купил в автомате, заменившем прежних старушек с кулками, пакет вареной пшеницы и рассыпал ее перед голубями. Дармоеды с радостным клохтаньем накнулись на добычу.

Убивать время я отправился в первый попавшийся кинотеатр, где три с половиной часа посвятил псевдо-исторической драме из времен якобитских мятежей в Шотландии. Пообедал и отправился в другой кинотеатр. Там кормили фантастической лентой с добрыми роботами, злыми галактическими баронами и очаровательной принцессой, которую два часа то похищали, то освобождали. Потом побродил по городу и зашел в третий кинотеатр. Там смотрел сентиментальную историю с вольными цыганами, злыми жандармами, похищенной в нежном возрасте девицей знатного происхождения и благородным гусаром. Одним словом, на ближайшие год-два достаточно...

Время близилось к расчетному, но я вновь зашел в кабину и набрал номер.

— Привет, — сказал Конрад с экрана. За его спиной было окно, а за окном виднелся броневи́к. Какой-то из постов кордона.

— Ну как? — спросил я.

— Вечеринка, похоже, начинается. Между прочим, Дикий Охотник в настоящий момент находится в доме Регара. Дом мы оцепили, осторожненько и глухо. Ты уж там не лезь на рожон, в случае чего давай сигнал, и мои бармалейчики мигом наведут глянец.

— Учту.

— Может, не будем мудрить? Взять их всех, и беседуй со своим Регаром в уютной камере?

— Нет, — сказал я. — Он мне нужен в естественной обстановке...

Взял такси и подъехал к дому Алисы ровно в двадцать пятьдесят девять. Алиса стояла уже у калитки, сразу же села в машину. Я искоса глянул на нее. На ней было нарядное розовое платье с кружевами. Руки лежали на круглых коленях и не знали покоя, пальцы ни на миг не успокаивались — теребили друг друга, подол платья, вертели перстень с зеленым камнем. Она страшно нервничала — из-за моей предстоящей встречи. У меня создалось впечатление, что меня раскрыли с момента моего появления тут. Имея в своем распоряжении льва (и кто знает, что еще?), это было не так уж трудно проделать...

Мы прибыли. Дом был старый, окруженный запущенным садом. У калитки стояли десятка полтора автомобилей, из распахнутых окон доносились музыка и гомон. Неподалеку, на углу, у распахнутого канализационного люка стоял красный пикап с белой надписью «коммунальная служба», и четверо молодцов в комбинезонах искусно притворялись, что обследуют трубы. Других постов я не заметил, но это не значит, что их не было — Конрад человек опытный и обстоятельный,

воюет давно. Наверняка вон на том чердаке, в том вон доме, и там, и там...

Ага. На вершине замыкавшего улицу холма показался броневи́к и нахально остановился на самом виду. Что ж, резонно. Иногда самый лучший способ не привлекать лишнего внимания — выставить себя в полной форме напоказ. Пася кого-нибудь на станции, неопытный оперативник прикинется ожидающим поезда с любимой девушкой рассеянным аспирантом, а опытный натянет полицейскую форму и будет провожать встречающих-поперечных цепким взглядом.

Прикидываясь ужасно галантным, я взял Алису под руку и убедился, что она дрожит. Ах, как много эта девочка знала и сколько нехорошего предчувствовала...

Никто не обратил на нас внимания, когда мы шли через комнаты, где танцевали, пили, шумели. Похоже, здесь собрались давние и хорошие знакомые.

И вдруг я наткнулся на тяжелый и острый, как наконечник пики, взгляд.

В углу сидел Дикий Охотник и смотрел на меня весело, дерзко, приподнял бокал. Я вежливо раскланялся. Не мог брать его в этом столпотворении и гаме, не зная, кто с ним еще и сколько их. И он это прекрасно понимал.

— Не стреляйте, — прошептала Алиса, сжимая мою руку.

Вот даже как? Я повел ее дальше, наткнулся на распахнутую дверь пустой комнаты, втолкнул туда Алису и тщательно прикрыл дверь. Обернулся к ней. Боюсь, мое лицо отнюдь не дышало христианским смирением и кротостью.

— Ну, девочка из Зазеркалья, будем отвечать на вопросы? — сказал я. — К черту игры. Кто я, по-твоему, такой?

— Полковник Кропачев из МСБ, — сказала Алиса не столь уж испуганно.

— Когда ты подсела ко мне в баре, знала уже, кто я?

— Ну конечно...

— Так. А в кого я не должен стрелять?

— В Дикого Охотника. Но вы не должны думать, будто Даниэль с ними, все иначе, все сложнее, он...

— Догадываюсь, — сказал я. — Муравьишка вскарабкался на навозную кучу и вообразил, будто покорил Монблан. Знаю я его, гада, и очень скоро я его упакую... Пошли-ка к твоему Даниэлю. Слушай, дом со стороны кажется не таким уж большим, но комнат, я смотрю, что-то многовато. Такое впечатление, что внутри дом больше, чем снаружи.

— Ну да, — безмятежно сказала Алиса. — Это все четвертое измерение. Иномерные пространства.

Я покосился на нее и ничего не сказал, кажется, разочаровав ее отсутствием бурной реакции. Иномерные пространства. Бывает. Плохо только, что сволочь вроде Дикого Охотника, дай ей волю, моментально приспособит эти пространства для побегов из тюрем или проникновения в арсеналы. И помешать им, как всегда, сможем мы, а не этот Регар...

Алиса показала мне на дверь, и я вошел, а она осталась снаружи. Я прикрыл за собой дверь и сказал:

— Ну, здравствуйте, Регар.

— Здравствуйтесь, полковник.

Человек моих лет, волосы чуть светлее моих. Симпатичный человек, скорее открытый, чем замкнутый. Я первый отвел взгляд, чуточку демонстративно отвернулся, чуточку бесцеремонно разглядывал комнату. Мебель. Книги. Компьютер. Стол, заваленный учеными бумагами. Великолепно выполненный портрет Алисы. Большая цветная фотография: ярко-желтые дюны, какие-то корявые кусты, отбрасывающие две тени (угол между тенями — примерно пятьдесят градусов), странная игра красок, бликов и отражений, зелено-сине-фиолетово-изумрудный колер неба. На гребне ближайшего

песчаного холмика примостилось отливающее голубым и зеленым животное, нечто вроде помеси хамелеона с пуделем — где шишковатое, где мохнатое, хвостатое, растопырившееся. Почему-то производит впечатление равнодушно-добродушное, хотя я и не рискнул сунуть бы палец в эту треугольную пасть.

— Это одна из планет Сириуса А, — сказал Регар за моей спиной. — Мы там были с Алисой.

— Далековато... — сказал я.

— Не верите?

— Отчего же и не поверить? Животное неопасное?

— Абсолютно безвредное.

— Ну да, у него такой вид — мопсик...

Я специально держался и говорил так, словно не видел ничего необычного в том, что он гулял по одной из планет Сириуса А — чтобы он не возомнил, будто ему удалось меня удивить. Я обернулся к нему и сказал скучным казенным голосом:

— Полковник Кропачев, Отдел кризисных ситуаций МСБ. Пожалуйста, назовите ваше имя, фамилию, возраст, род занятий.

Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся — понял мою игру.

— Ладно, — сказал я. — Черт с ними, с формальностями. Начнем?

— Вы хорошо держитесь.

— Интересно, а чего вы ожидали? Я почему-то думаю, что и Лео Некер держался точно так же. Принимал вас как объективную реальность, пусть и чертовски загадочную. Так?

— Так.

— А Лонер? — спросил я.

— Лонер... я не успел вмешаться. Да и не было у меня возможностей для вмешательства. Именно потому, что не я заправляю здешними чудесами. Ими никто не заправляет... Лонер ошибся. Он посчитал меня рядовым пособником террористов, не стал заниматься

мною и сконцентрировал все усилия на детях. И очень быстро им надоел. Поймите, они еще дети, они не хотели ему зла, всего-навсего попытались сделать так, чтобы он оставил их в покое...

— Ага, — сказал я. — И закружили вокруг него ревенанты, утопленники...

— Вам самому разве не приходилось в детстве наяряться привидением?

— Были разные проказы с применением голографических проекторов, — сказал я. — От брата так влетело...

— Вот видите. Чем вы, тогдашний, отличались от них?

— Тем, что не разрушал заводов и не превращал денег в листья.

— Ну, все дело в возможностях.

— В том-то и беда, — сказал я. — В том-то и камень преткновения...

— Но они же еще дети.

— Вот и расскажите мне, кто они, — сказал я. — Что там — вспышка наследственной памяти, интриги альтаирцев?

— Вспышка, вспышка... Вы слышали когда-нибудь о биологической цивилизации? Представляете, что это такое?

— Может, вас это и удивит, — сказал я, — но я иногда интересуюсь и тем, что лежит за пределами моих служебных обязанностей. У нас есть разные семинары, не буду рассказывать подробно... Как я это понимаю — цивилизация, которая полностью отвергает технику, механизмы, словом, любые искусственно произведенные устройства. Симбиоз с природой, полное слияние с ней. Некоторые предполагают, что такая цивилизация когда-то существовала на Земле, но погибла по неизвестным причинам. Увы, гипотеза эта ничем не подтверждена. На эту тему есть определенное количество фантастических книг.

— В общем, неплохо, — сказал он. — Весьма. Это позволит обойтись без вводной лекции.

— Ага. Вы хотите сказать, что ретцелькинды — это биологическая цивилизация?

— Именно это я и хочу сказать. Я только не знаю, возрождается ли она после гибели в незапамятные времена или впервые появилась на свет.

— Так... — сказал я. — Значит, глашатаи и ростки биологической цивилизации? И, если не эвакуировать их отсюда, позволить им развиваться дальше, они заполнят мир? И наша старая цивилизация, основанная на машинах и технике, рухнет? И воцарится что-то иное, непредставимое пока?

— Да, — сказал он.

— Так. Если бы я был туповатым службистом, и только, я знал бы, как мне подступиться и как мне поступить. Я молча поклонился бы и ушел претворять в жизнь «Гаммельн». Но я почему-то чувствую настоятельную потребность объяснить вам, почему я вынужден так поступить. Да, — я поднял ладонь в ответ на его порывистое движение, — я вынужден санкционировать «Гаммельн».

— Почему?

— Извольте. Вы наверняка готовы обещать ослепительные перспективы, сияющие вершины, голубые дали. Это может произвести впечатление. Но я приведу далеко не самый главный свой довод: вы можете дать сто-процентную гарантию, что все именно так и обстоит? Нет? Вот видите. У нас с вами не химический эксперимент, тут не колба может рвануть, тут похуже...

— А кто может вычислить процент риска и его долю?

— Вот видите, вы сами подбрасываете мне аргументы, — сказал я. — Пока что я не вижу ростков светлого будущего. Я вижу город с разрушенной промышленностью, разваленной экономикой, опустошенным казначейством. Почему они так поступили?

— Да потому, что цивилизация — биологическая... Они смотрят на мир глазами Природы, а с ее точки зрения ваши реактивные самолеты, безбожно пожирающие кислород, разрушающие озоновый экран, — опаснейшие хищники. Ваши машины, сосущие нефть и добывающие «полезные ископаемые», — вампиры, рвущие мясо и высасывающие кровь из живого тела планеты. Ваши вычислительные машины — жалкие протезы тех свойств, которые кроются в человеческом мозгу, тех скрытых возможностей. Меж тем нужно разбудить свое тело, свой мозг. Мы пока что только тем и занимаемся, что усердно стараемся отгородиться от среды обитания. Уже не от Природы — от среды...

— В ваших аргументах слишком много от эмоций, — сказал я. — Рассмотрим другую проблему. В борьбе добра со злом все ясно и просто. Ну как же быть, если добро борется с добром? Сдается мне, мы имеем дело как раз с такой ситуацией...

— Похоже, — согласился он. — Наилучшим решением, мне кажется, было бы отдаться на волю событий.

— Я так не считаю, — сказал я. — В схватке добра с добром должно побеждать то добро, которое сильнее. В данный момент сильнее я. Значит, мне и выигрывать.

— Послушайте, может быть, вам просто жаль, что не станет того мира, для которого вы столько сделали, и придет другой, равным счетом ничем вам не обаянный?

— Так... — сказал я. — Считаете, мы работали зря? Дрались зря? Умирали зря?

Я почувствовал, что закипаю. Черт тебя побери, как ты смеешь рассуждать о таких вещах? Где ты был, когда мы восемнадцатилетними уходили в Войска ООН — совершенно добровольно, потому что не могли иначе? Ты хоть представляешь, что это такое — прыгать на пулеметы? А убитых ты видел? Замученных?

Я сдержался и ничего не сказал, понимал, что не могут все поголовно жители Земли стать военными и

контрразведчиками, мы дрались как раз за то, чтобы не осталось на планете военных...

— Рождение нового мира... — сказал я. — А вы подумали, в какой бардак превратится мир, когда ваша биоцивилизация начнет победное шествие по планете?

— Но ведь все совершится не в один миг. Десятки лет...

— Еще не лучше. Десятилетия хаоса, миллионы морально травмированных людей, на глазах которых распадается весь мир.

— При любых переменах, даже самых благотворных, есть пострадавшие, и немало. Но в отличие от всех прошлых перемен, сопровождавших переходные этапы, сейчас пострадавшим не грозят голод, смерть, физические страдания.

— Им грозит кое-что пострашнее, — сказал я. — У них не будет будущего, им предстоит жить в чужом будущем...

— Но ведь не бывает так, чтобы перемены удовлетворяли ВСЕХ. Поголовно. Вам не приходит в голову, что ваша позиция — позиция обывателя, смертельно ненавидящего любые перемены, потому что они связаны с определенными хлопотами и неудобствами?

— Скажите лучше, какую роль вы сами во всем этом играете, — сказал я.

— Не большую, почти что никакой. Поймите, они не потерпели бы наставников и учителей. Просто я и еще несколько человек пытаемся осторожно исследовать, изучать, деликатнейшим образом подсказывать... Почему вы ничего не спрашиваете об экстремистах?

— Вот они-то как раз меня мало интересуют. Знаете, Даниэль, больше всего меня удивляют не всевозможные научные чудеса, а то, как молниеносно реагирует на них всякая сволочь и пытается использовать в своих целях. Столько раз сталкивался... Все мне и так ясно — прослышали, явились, шантажировали. Чем

они вас пугали — что станут стрелять в детей? Воду в водопроводе отравят? Алису похитят?

— Откуда вы знаете?

— Господи, я их вылавливаю который уж год, знаю от и до... Итак, они вас шантажировали, и вы, начавши с ними игру, тем временем отправили в нашу дублинскую штаб-квартиру призыв о помощи... — Я усмехнулся и показал на стол, на исписанные листы: — Узнаю почерк. Так вот, Даниэль. Я верю всему, что вы мне рассказали. И именно поэтому запускаю машину. И не нужно считать меня палачом, а вас — жертвой. Будь у вас возможность помешать мне, вы бы помешали?

— Да.

— Вот видите. И вы бы действовали. Так что — не нужно насчет палачей. Я тот, кто победил, а вы тот, кто проиграл. Две разновидности добра. Потомки разберутся. Такая уж завидная судьба у потомков — они смотрят на прошлое отстраненно, объективно и беспристрастно, они раскладывают все по полочкам, приклеивают этикетки, возносят и низвергают, раздают награды и волокут за ноги на свалку истории. Они где-то там, впереди, а мы — здесь, живем и боремся, мы, возможно, не во всем правы, но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Во что превратился бы мир, действуй мы, лишь имея стопроцентные гарантии успеха? Честь имею.

Я щелкнул каблуками, поклонился и вышел. Спустился в сад и закрыл за собой калитку, ощущая даже легкое разочарование — неужели вот так легко все кончится?

...Крохотная кассета вошла в гнездо. Я нажал кнопку.

— Плохо, да? — раздался спокойный голос Некера. — Так вот, решения я тебе подсказать не смогу. Не вправе. Я только хочу спросить — готов ли ты, принимая свое решение, войти в Большую Историю? К суду

потомков по самому большому счету? Больше мне тебе сказать нечего...

И — мертвое шуршание чистой пленки. Вот и все. Я сделал то, чего, безусловно, не позволил бы себе раньше, — схватил магнитофон с продолжавшей вращаться кассетой и швырнул его что есть силы. Он глухо стукнулся о стену и улетел под кровать, а потом сам повалился на кровать пластом.

Сон не шел. Впрочем, что-то было, какая-то мутная полудрема, морок, из которого появлялись и проплывали перед глазами самые разные образы и картины, никоим образом меж собой не связанные: мертвое лицо капрала Черенкова среди сломанных тюльпанов долины Калиджанга, вывеска бара в Монреале, танцующая Сильвия, подбитый под Шпайтеном броневик, дымно горящий, шпили старинных томских зданий...

Потом я уснул все же. И видел во сне, как медленно, бесшумно рушились сверкающие стеклом и сталью высотные дома — какая-то нескончаемая улица, застроенная высотными домами, — как здания превращались в бесформенные кучи, над которыми стояли облака тяжелой пыли, как сквозь эти кучи с фантастической быстротой прорастали огромные цветы, желтые, красные, лиловые на ярко-зеленых коленчатых стеблях, как таяли груды щебня, как обнажалась влажная, черная, рассыпчатая земля и по ней осторожно шагали странные животные с огромными глазами лемуров, а в небе проносились какие-то крылатые, перепончато-сверкающие, и не видно людей, ни одного человека...

Когда я открыл глаза, за окнами было светло.

День четвертый

У крыльца ратуши меня встретил сотрудник полковника Артана, тот, что возил меня в бывший вычислительный центр. Все бы ничего, но тут же толпилось человек сорок, в которых любой простак за версту при-

знал бы журналистов. Тут же на всякий случай ждали несколько полицейских и агентов в штатском — предосторожность при общении с возжаждавшими сенсации журналистами нелишняя.

Журналисты сделали стойку. Пока я шагал, эскортируемый детективами, они бежали следом, забежали вперед, задавали вопросы, на которые я не отвечал и вообще вел себя так, словно не видел их. Я не питал к ним никаких недобрых чувств — просто чувствовал себя чрезвычайно мерзко, не хотел никого видеть, хотелось как можно скорее со всем этим покончить...

Девушка в приемной смотрела на меня уже по-иному, и я подумал мельком, что искупил невольную вину перед ней — все же ей найдется, что рассказать подругам.

Всею оравой мы ввалились в кабинет мэра, благо там могли разместиться все. Мэр поднялся навстречу. Тут же стоял полковник Артан в парадном мундире с надраенными пуговицами и орденами, выглядел он как приговоренный к расстрелу, которому в последний миг сообщили, что казнь заменена увеселительной поездкой на Гавайские острова. За спиной мэра полукругом стояли человек десять в строгих темных костюмах — Отцы Города и Ответственные Лица. Господи, ну зачем они устроили весь этот балаган?

Журналисты затаив дыхание слушали, как я с помощью поставленной прямо на бумаги мэра мощной рации военного образца отдаю командирам частей кодированные приказы вскрыть надлежащие пакеты. Советник Фаул истово пялился на меня и беззвучно шевелил губами — то ли повторял за мной команды, то ли молился. Отцы Города и Ответственные Лица сияли.

Вот и все, и больше мне здесь делать нечего. Я повернулся было, но журналисты стояли передо мной, как спартанцы у Фермопил. Раздался боевой клич их племени:

— Интервью!!!

— Минуту, — вклинился мэр, и все затихли. — Сначала я хотел бы сообщить, что господин Гарт избран почетным гражданином нашего города и награжден памятной медалью нашего города, которую мы вручаем лицам, сделавшим на благо города что-то серьезное и важное. — Он вручил мне синюю папку с тисненным золотом заковыристым гербом города и коробочку. Я (невольно оглянувшись в ожидании бойскаутов с барабаном) пожал мэру руку, принял регалии и стоял, равнодушно держа их перед собой. Мэр продолжал: — Кроме этого, мы отправили в правительство настоятельное ходатайство о награждении господина Гарта высшим орденом нашей страны.

Он громко захлопал, моментально подключились Отцы Города, Ответственные Лица и журналисты. Я снова глянул на Фаула — советник яростно аплодировал, держа перед собой ладони с растопыренными пальцами — как дети в цирке. И мне стало чуточку неловко стоять вот так, с кислой физиономией, посреди охваченных искренней радостью людей, но ничего я не мог с собой поделать...

— Интервью!!! — прогремел вновь боевой клич.

И я стал говорить — тихо, медленно, тщательно взвешивая слова. Рассказал о людях, которые здесь погибли, о своем разговоре с Регаром, о том, какое решение я принял и чем руководствовался. Окончив, уставился в пол и сказал:

— Вопросы?

— Вы рассчитываете, что эвакуация пройдет гладко?

— Надеюсь.

— Представляют ли опасность террористы?

— Их раздавят.

И я двинулся прямо на них, они поворчали, но раступились, и тут я, словно на стену, натолкнулся на вопрос:

— Вы не боитесь, что однажды все повторится? Что это только начало?

Его задал седой пожилой мужчина, чем-то выделявшийся в толпе, — видимо, настоящий научный обозреватель, а не липовый, которым столь бездарно попроволокался я. Настоящие научные обозреватели, как правило, — люди серьезные и образованные...

Я не ответил.

— Доброе утро, Анна.

— Доброе утро. Снова ушли ни свет ни заря? Как ваши дела?

— Дела мои кончились, — сказал я. — Баста-финита. Можно уезжать. Или улетать. Или уплывать. (Нужное подчеркнуть.) Одним словом, убираться ко всем чертям.

— Неудача?

— Наоборот. Вовсе даже наоборот.

— Тогда почему у вас такое лицо?

— Ох, Анна... — сказал я. — Иногда и удача нагоняет тоску. В особенности если абсолютно неизвестно, что считать поражением, а что удачей...

Я обернулся на звук затормозившего у калитки автомобиля. Стоял на веранде, сжав толстые перила, а они шли ко мне, великолепные гепарды. Первым бравом шагнул Лудо-Младо, огромный, пухлощекий, с холеными запорожскими усищами, и его куртка едва заметно оттопыривалась на животе — «эльман», как всегда, заткнут за брючный ремень. Кличку ему дали не зря*. Следом шел Длинный Генрих, высокий, меланхоличный, в заветном полосатом галстуке, который он лет восемь надевает, отправляясь на самые рискованные дела — стало быть, он и нынешнее причислил к таковым, в чем я с ним абсолютно согласен. И замыкал шествие Мышкин Мучитель, являвший собой во плоти образ рассеянного молодого гения из фантастических фильмов — но

* Лудо-Младо — удалец, сорвиголова (болг.).

встань перед ним пяток антиобщественных личностей с ломами наперевес, ломы оказались бы завязаны у них на выях... Он и в самом деле некогда был биологом в древнем городе Кракове.

Они набросились на меня, жали мне руки и хлопали по спине, потрясая пачкой экстренных выпусков местных газет, с ходу пошли разговоры о грандиозном успехе, будущих награждениях и несомненном триумфе.

И тут, как в плохом романе, зазвонил телефон. Анна, которую они уже втянули в веселье, ушла. С лица Лудо-Младо медленно сползла улыбка. Генрих сосредоточенно обрывал голубые граммофончики оплетавшего веранду вьюнка.

— Господа офицеры, у нее пацан, — сказал я.

— Этот?

— Этот самый. Вы, собственно, зачем навестили сию обитель?

— Приданы в распоряжение на всякий случай, — мрачно сказал Генрих. — Вдруг у тебя что-то недоделано, и нужны подмастерья.

Вернулась Анна. Я знал, откуда ей звонили и что сказали. Она шла медленно и неуверенно, как по скользкому льду, декабрьскому гололеду, и, когда я встретил ее взгляд, мне захотелось очутиться подальше отсюда, от этого города, где в тысячах домов сейчас плачут или сдерживают слезы.

— Вы ведь можете уехать вместе с ним, — сказал Длинный Генрих. Ни на кого не глядя, вряд ли соображая, что делает, он скрутил в спираль серебряную чайную ложечку и бросил ее на стол. Она не ответила. Ничего не сказала. Молча смотрела на нас, и под этим взглядом, тоскливым, как фотография юной красавицы на могильной плите, мы тихонько спустились с веранды, тихонечко прошли по дорожке, чувствуя себя людьми, которые были приглашены почетными гостями на свадьбу и застали, придя с цветами, печальный переполох и покойника в доме. Залезли в машину, и Лудо-

Младо погнал по осевой. Я назвал ему адрес Регара. На улицах было пока чтолюдно, но на перекрестках уже появлялись и занимали позиции броневики Чавдара.

Вывернув из-за угла, мы увидели, как тормозит у дома Регара черный «мерседес» и из него в сопровождении двух отлично знакомых нам харь — Виконтика и Кардинала-Богохульника — вылезает Дикий Охотник. Видимо, он что-то почуял и примчался разбираться. Это был сущий подарок судьбы. Заскрипели тормоза, и мы посыпались из машины, едва ли не завывая от радости.

Единственным из всей шайки успел сориентироваться Виконтик и припустил вдоль улицы, забыв про оружие. Слева от меня гроыхнул «эльман» — Лудо-Младо выстрелил сквозь лобовое стекло в их водителя, и тот вывалился головой вперед в распахнувшуюся дверцу. Мышкин Мучитель занялся Кардиналом, Генрих догнал Виконтика и почествовал его рукояткой пистолета. Мне достался Охотник, но хватило его ненадолго. Из-за угла вылетел привлеченный выстрелами бело-голубой джип, набитый парнями в голубых касках, и мы сдали свою полубесчувственную добычу в надежные руки.

Регара мы отыскиали в спальне. Алиса, одетая, ничком спала на неразобранной постели, спрятав лицо в сгибе локтя, а он сидел у окна.

— Даниэль, — сказал я.

Он медленно поднял голову, и я вспомнил, где мне приходилось видеть такие глаза, и не раз. В атаке. Когда человек бежит в атаку, и в него попадает пуля, и он понимает разумом, душой, что это все, что пришел его черед, но тело не хочет примириться, рвется вперед... Там бывали именно такие глаза.

Он молчал. Лудо-Младо двинулся было мимо меня, но я так посмотрел на него, что он смутился и неуклюже вернулся на место.

— Ладно, — сказал я. — Думайте про меня, как

вам угодно. Я прошу только одного — дайте мне адреса ваших... энтузиастов, которые вместе с вами работали с детьми. Поймите, шутки кончились. Скоро начнут эвакуировать детей и попутно вылавливать экстремистов, и кто-нибудь из ваших энтузиастов может сдуру наделать глупостей, попытаться чему-нибудь помешать, и его примут за экстремиста со всеми последствиями... Знаю я этих энтузиастов. Так что давайте адреса, чтобы они сдуру не сунулись под пули.

Наверное, среди его энтузиастов хватало горячих голов, потому что он, почти не колеблясь, взял с подоконника лист бумаги и принялся писать. Окончив, швырнул лист на пол, и это было как пощечина, но я спокойно поднял бумагу и аккуратно сложил вчетверо. Потом сказал:

— А еще в шляпе...

И повернулся к двери. Меня остановил голос Регара, слишком ровный, чтобы быть спокойным:

— Подождите.

Я остановился, не чувствуя ничего, кроме свинцовой усталости.

— Мне хотелось покончить с собой, — сказал он. — Но я подумал и отказался от этого намерения (я невольно покосился на спящую Алису). Нет, не только это. Я верю, что это не конец, что это только начало, что завтра, послезавтра, через год, рядышком, на другом конце света...

— Так. А вы не подумали, что в следующий раз мы будем реагировать более оперативно?

— А вы не боитесь, что однажды окажетесь бессильны?

Я молча щелкнул каблуками, поклонился и вышел. К энтузиастам отправил всю троицу, а сам сел в машину, недавно принадлежавшую Охотнику, и поехал в аэропорт. Услышав рев динамиков, прижался к тротуару, затормозил у стилизованного под старину фонарного столба. Из-за угла выехал бело-голубой фургончик

с эмблемой ООН, на его крыше медленно вращались похожие на подсолнухи громкоговорители:

— Внимание! Говорит командование вооруженных сил ООН! Обращаемся ко всем лояльным гражданам! Просьба не выходить из домов, просьба не выходить из домов! Вооруженные силы ООН в контакте с правительством страны проводят акцию по обезвреживанию экстремистов! Просьба не выходить из домов!

На других улицах другие машины повторяли то же самое. По местному радио и телевидению, как я знал, тоже. Я прикрепил на ветровое стекло заранее приготовленный пропуск, чтобы избежать неприятностей в виде стрельбы по колесам, и поехал дальше. Остановил машину у феерического стеклянного здания аэропорта и пошел к служебному входу. Наперерез бдительно выдвинулся десантник в голубой каске, но я, не останавливаясь, взмахнул удостоверением. Он козырнул и распахнул калитку. Летное поле было ничуть не меньше какой-нибудь там Андорры. Свистящий рев заливал все вокруг. Лайнеры запускали двигатели, шустрые кары везли к самолетам косые лесенки, и первые школьные автобусы, громадные, красные с золотым, показались на бетонке.

«Но это же не Саласпилс! — крикнул я про себя. — Это же не Саласпилс, вы слышите? Вокруг них не будет колючей проволоки, им помогут вырасти счастливыми гражданами планеты Земля! Человечество было вынуждено защищать свои свершения, вы слышите?»

— Голем, — раздался голос за моей спиной.

Я обернулся. Рядом стоял он, небольшого роста, седой, умный и честный.

Экспресс-информация. А-О.

Генерал-полковник Димитр Панта (Святой Георгий).

Родился в 1972 г. Сорбонна. На дипломатической работе, впоследствии в Секретариате ООН — директор, главный директор, заместитель генерального секретаря.

С 2020 г. — начальник Международной службы безопасности при Совете Безопасности ООН. Восемь международных и одиннадцать национальных орденов. Вдов.

— Здравствуйте, генерал, — сказал я.

— Молодец. Ты прекрасно справился.

— Что поделать, есть у меня такое обыкновение, — сказал я. — Вот только эта комедия с возложением на мои плечи, аки Атласу, земного шара... Кто должен был дать сигнал на «Гаммельн», если бы я вдруг взбрыкнул? Артан?

Панта молча кивнул. Потом, не глядя на меня (а я не смотрел на него), сказал:

— Ты догадался. А вот Некер не догадался... Когда ты сообразил?

— Не сразу, но со временем, — сказал я. — Я себя немножко ценю и уважаю, но не настолько уж налит самомнением, чтобы думать, что гепарду, пусть полковнику, пусть генералу, предоставят право что-то решать в таком деле, доверят судьбы планеты... Как только я начал понимать, что тут не терра инкогнита, что все давно исследовано и решено...

— Ну, далеко не все, — тихо сказал Панта. — С Регаром до вас с Некером действительно никто не говорил. И о Льве мы не знали. Нельзя было иначе. Никак нельзя. Прежде чем запускать «Гаммельн», следовало выжать из ситуации все, что возможно. Ты должен был верить, что на тебе одном лежит громадная ответственность. И ты сработал на совесть. Один Серый Антихрист чего стоит. Искушает все... издержки. А что до... Ты не очень, надеюсь, обижен, что не стал фигурой в Истории?

— Ничуть, — сказал я.

Чувства мои были сложными. Окажись я юным лейтенантом или детективом из бездарного романа, обязательно схватил бы его за плечи и орал в лицо: «Ты убил Лонера, сволочь! И Некера! И Зипперлейна!»

Он их действительно убил. Своим стремлением выжать из ситуации все возможное. Но иначе мы не взяли бы Антихриста. Не взяли бы Охотника. Бухгалтерия эта способна ужаснуть нормального человека, согласен, но не нас. Мы живем и работаем по своей бухгалтерии и сами выбрали ее мерилom жизни и работы. И заранее знали, что никогда, ни за что в жизни, ни при каких обстоятельствах не сможем стать чем-то другим, чем мы есть, из гепардов, цепных кобелей эпохи превратиться в исторические фигуры. Вспомни это Некер вовремя, он остался бы жив. А он вообразил, что от него в самом деле что-то может зависеть... Некер, Некер...

Наверное, мы подонки — Панта и я. Он, все это устроивший, и я, принявший свою роль как должное. Но опять-таки — с горних высей абстрактного гуманизма. А жизнь наша насквозь реальна и абстракций лишена. И точка...

Самое страшное даже не то, что пришлось работать по этой чертовой бухгалтерии. Самое страшное — мы обречены на ожидание. Обречены ждать нового взрыва чудес и бояться, что это может оказаться началом конца той цивилизации, которую мы привыкли считать единственно верной. Ждать каждый день. И ночь. В хорошую погоду и в дождь. В будни и в праздники. И как мне объяснить Сильвии, давно мечтающей о ребенке, что я никогда теперь не решусь иметь детей?

— До свиданья, генерал, — сказал я.

И пошел прочь. Каблуки противно стучали по бетону.

■ ■ ■ И ЛЮБИЛИ ТОП ЗВЕРЕЙ



ЛИШЬ В МУЗЕЯХ
ВСЕ ВИНЧЕСТЕРЫ
ПРАВЫ...

К.Прийма

Глава 1. НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ

Полигон — это звучит солидно. Однако этот полигон был просто большим полем, заросшим высокой травой, расцветающей только раз в три здешних года. Говорили, что цветы очень красивые, но Меншиков прилетел, когда они уже увяли и осыпались.

Вертолет он оставил на пригорке рядом с «Орланом» Роксборо и неторопливо спустился в долину, распугивая отчаянно стрекочащих цикад. Как всегда здесь в это время года, дни стояли безветренные, по небу протянулось одинокое белое облако, похожее на застывший посреди нетронутого голубого холста мазок белой краски.

Статуи стояли угрюмой шеренгой — огромные, нарочито грубо вытесанные, руки и ноги едва обозначены, но злобные лица обработаны крайне тщательно. Когда-то ледник приволок сюда с севера множество валунов, потом отступил к полюсу, а валуны остались и несколько тысячелетий бессмысленно торчали посреди равнины, пока ими не занялся от нечего делать один из сотрудников Базы-16. Поговаривали, что скульптора из него в свое время не получилось, и он стал отводить душу на инопланетных камнях, вдали от ценителей прекрасного. Несостоявшегося ваятеля давно не было здесь, и никому не нужные статуи облюбовали под мишени сотрудники «Динго». Они заявили Роксборо, что

на этих уродах как-то интереснее испытывать оружие, нежели на стандартных броневых плитах, и Роксборо, неподражаемо пожав плечами, сказал: «А почему бы и нет?» С тех пор истуканов поубавилось, но оставалось еще достаточно — скульптор был чертовски работоспособен.

Большой зеленый ящик еще не открывали — ждали Меншикова. Он подошел и поздоровался. Ему нестройно ответили. Здесь были Роксборо, Оля Полозова, отвечавшая за хитрую электронику, и веселый человек Брагин по прозвищу Арбалет, истовый оружейник, прославившийся тем, что однажды на пари изготовил уместившийся в маковом зернышке пулемет — действующий, способный разнести в клочья крупную дичь масштаба инфузории.

— Так? — сказал Меншиков, стоя над ящиком и выжидательно покачиваясь с пятки на носок.

— Номер первый, — сказал Брагин, запустил в ящик руку и вытащил универсальную электродрель, похожую на старинный пистолет. — Заряжен.

Меншиков придирчиво повертел инструмент в руках. На вид отличить его от обыкновенной дрели не смог бы самый опытный монтажник. Чтобы догадаться, что она собой представляет на самом деле, ее нужно было разобрать на части.

Сверло легко вывинчивалось — оно было полым и прикрывало тоненькое изящное дуло мощного бластера.

— Ты попробуй, попробуй, — посоветовал Брагин, гордо поглядывая на Меншикова. Брагин любил, когда хвалили работу, сделанную им на совесть.

Меншиков прищурил правый глаз, нажал спуск, целясь в самого дальнего и самого противного истукана. «Ш-шух!» — коротко свистнуло над лугом сиреневое пламя, истукана не стало, только обрубок — едва намеченные ноги — остались торчать из высокой синеватой травы.

— Номер второй, — сказал Брагин, протягивая электрическую зубную щетку.

Щетка оказалась иглером. Меншиков опробовал и его. Разрывные капсулы выщербили второго истукана. Еще из оружия был замаскированный под бритву баллон с парализующим газом, но для его испытания истуканы, разумеется, не годились, и Меншиков удовольствовался заверением Роксборо, что газ уже проверен на обезьянах.

Затем настал черед Олиных хитростей. Из ящика один за другим появлялись мирные бытовые пустячки, скрывавшие за невинным обликом умение проделывать самые неожиданные вещи. Гребенка, если знать ее секрет, докладывала о присутствии или отсутствии силовых полей. Авторучка выявляла скрытые электронные устройства разного назначения. Отвертка при умелом обращении с ней становилась радиометром и мини-радаром. Универсальный гаечный ключ таил в себе массу приспособлений, облегчавших труд тому, кому требуется без ключа открыть запертую дверь и обезвредить сигнализацию. И так далее. И тому подобное. Все вещи были с секретом, в них была вложена незаурядная конструкторская смекалка, и с трудом верилось, что все это изготовили за какие-то сутки.

— Ну как?

— Прекрасно, — сказал Меншиков. — Великолепное исполнение. Остановка за малым — знать бы твердо, что мне удастся применить эти штуки, что они останутся со мной...

Оля Полозова смотрела на него с восторженным ужасом. Ей было двадцать, и левую куртку «Динго» она, как все новички, наверняка надевала и снимала исключительно перед зеркалом, надолго задерживаясь возле него. Тем более — такая ситуация. Меншиков все понимал и помнил, что лет шестнадцать назад был не умнее, но сейчас этот ее взгляд раздражал — зашевелились остатки загнанных в подсознание суеверий.

— Собери все, — буркнул он Брагину. Отошел, сел в траву, вынул из кармана блестящий кубик фонара и растерянно подбросил его на ладони. Нажал крохотную кнопку. Запись он прослушал раз десять, но с удивившим его самого идиотским упорством прокручивал снова и снова — видимо потому, что до сих пор не мог полностью поверить в случившееся. Такого не должно быть. Давно миновала эпоха утлых, лишенных связи с берегом драккаров-каравелл-бригов. И даже человеку, привыкшему иметь дело с Невероятным и Невозможным, трудно смириться с тем, что в нескольких парсеках отсюда бесследно исчезают космические корабли. Земные звездолеты. Корабли цивилизации, достигшей могущества, которое и не снилось богам прошлого. Корабли мира, приучившего своих граждан к гордой мысли, что они — почти богоравны.

Но что поделаться с тоненьким голоском фонара, сухо перечисляющим оскорбляющие богов даты и события?

— Второго июня текущего галактического года на Базу-16 не вернулся рейдер-разведчик «Гвидон», первым из земных кораблей вошедший в шаровое звездное скопление Большой Золотой Черепахи. Экипаж — пять человек.

Четвертого июня исчез звездолет «Эсмеральда», трасса полета которого проходила в трех световых часах от условной границы звездного скопления. Экипаж — три человека.

Пятого июня с борта балкера «Хоббит» во время гиперперехода исчезли два члена экипажа из пяти. Оставшиеся не заметили, как и когда это произошло. «Хоббит» проходил в световой неделе от условной границы скопления.

Шестого июня исчез звездолет «Босфор», экипаж — семь человек. Проходил в двух световых сутках от условной границы скопления.

Восьмого июня с борта корабля «Магеллан» во время гиперперехода исчезли пассажир и один из членов

экипажа. Имеется свидетель — штурман утверждает, что видел, как пассажир «буквально растворился в воздухе».

Восьмого же июня четырьмя часами позже происшествия с «Магелланом» прервана связь с форпостом на планете Гахерис Альфы Звездного Филина.

Девятого июня все полеты как в обычном, так и гиперпространстве ближе, чем на световой месяц от условной границы звездного скопления, были запрещены. В течение последующей недели не пропал ни один корабль и не было случаев исчезновения людей. Связь с Гахерисом восстановить не удалось. Посланный туда беспилотный рейдер-разведчик на Базу-16 не вернулся, на вызовы не отвечает.

В общей сложности пропали три пилотируемых корабля и один беспилотный, исчез двадцать один человек — не считая девяти членов экипажа форпоста на Гахерисе.

Семнадцатого июня к скоплению Большой Золотой Черепахи направлен снабженный специальной аппаратурой рейдер «Дротик». Экипаж — сотрудники отдела «Динго» Спасательной службы Астрофлота Григорий Вильжо и Ален Ле Медек.

Меншиков выключил фонор. Семнадцатое — это сегодня. О судьбе «Дротика» сведений еще не поступало, и упорно молчал Гахерис — планета ближайшей к Большой Золотой Черепахе звезды...

— Саймон, ты веришь в космических драконов? — спросил Меншиков, не поднимая головы.

— Нет. Как и ты, — сказал стоявший над ним Роксборо.

— Жаль, жаль, — сказал Меншиков. — А здорово было бы, верно — космический такой дракон, умеющий протягивать лапу в подпространство? Загарпунить его, как Белого Кита, и никаких тебе сложностей... Сай, я догадываюсь, о чем ты хотел спросить — страшно мне или нет. Ага?

— Н-ну... Пожалуй, я не стал бы так четко формулировать, но суть...

— А мне вот не страшно, — признался Меншиков. — Знаешь, почему? Как может быть страшно, когда не знаешь, чего или кого бояться? Просто неизвестности как таковой бояться, по-моему, глупо — мы ведь профессионалы. Тут что-то другое, не страх... Сай, ты никогда не охотился, тебе не понять, что испытывает охотник, когда однажды ему самому предстоит стать дичью, причем, заметь, неизвестно чьей дичью. Оригинальное ощущение, как ни стараюсь, не могу подобрать ему названия...

Он поднялся, отряхнул колени и, не оглядываясь, пошел к своему вертолету. Назойливо звенели цикады. Саймон Роксборо шагнул было следом, но остановился, махнул рукой и потянул из кармана видеофон. Жадно уставился на крохотный экран. Там по-прежнему алела «омега» из греческого алфавита — от «Дротика» по-прежнему не было никаких сообщений, хотя расчетный срок истекал. Оставалось два часа, потом — неизвестность, которой и так хватает с лихвой...

Глава 2. «ДИНГО» КАК ОНО ЕСТЬ

На галерее, где он стоял, царила полутьма, как и внизу. Там, внизу, в центре зала, над черным решетчатым диском инфера сплетались в диковинные узоры, превращались в фантастические цветы зыбкие дымы цветомузыки. «Сотворение мира» — узнал Меншиков пьесу. Дымы сплелись в нарочито грубый, словно обкусанный шар удивительно чистого алого цвета, потом изнутри полыхнула белая вспышка, желтые лохматые протуберанцы слепо и властно подавляли алый, впитывали его, растворяли в себе, зеленые змеистые молнии струились от полюсов к экватору. В ярком огне рождалась планета — миллионы лет до первых живых капе-

лек, миллионы лет до кислорода в атмосфере, миллиарды лет до человека. До Меншикова и замаскированного бластера в кармане его комбинезона с эмблемой инженера-ремонтника. До звездолетов, которые бесследно исчезают там, у Большой Золотой Черепахи.

— Павел? — раздался за его спиной женский голос.

Меншиков обернулся. Темные волосы сливались с полутьмой, но розовое платье из модного нынче илиала слабо мерцало, позволяя разглядеть ее лицо и узнать его. Впрочем, он узнал ее сразу, по голосу. И настороженно сказал:

— Анита?

Она никогда, ни за что на свете не подошла бы просто так, поздороваться и поболтать. Она его ненавидела. Для нее Павел Меншиков перестал существовать три года назад, когда уговорил наконец Алена Ле Медека перейти в отдел «Динго». Анита любила Алена и терпеть не могла отдела «Динго».

— Ты мне хочешь что-то сказать? — тихо спросил Меншиков.

— Хочу, — кивнула Анита. — Хочу тебя поздравить, Меншиков. Ты добился своего. Как всегда, верно? Вот и теперь... «Дротик» не вернулся.

— Анита...

— Молчи, — сказала она, даже не зло — равнодушно. — Все я знаю. Ты страшно сожалеешь, тебе больно, ты отправляешься по его следам и все такое прочее. Но мне от этого не легче. Его-то все равно уже нет.

— Откуда ты можешь это знать?

— Тебе не понять. Ты не бойся. Не будет никаких истерик. Я просто хочу, чтобы ты не забывал, как я вас всех ненавижу. Вашу форму. Вашу всегдашнюю готовность к «решительным действиям». Ваши кобуры на поясе. Вы и его сделали таким, вы... — она запнулась, подбирая слова.

— Динозавры, — подсказал Меншиков. — Обычно

нас обзывают именно так. Однако всегда приходят к нам, как только что-то не ладится. И долго еще будут приходить.

— Статуя, — сказала Анита. — Глиняный Голем. Как все вы, привыкшие ломиться сквозь дым и пламя. Павел, тебе никогда не приходило в голову, что иногда глупо и бессмысленно ломиться сквозь пламя? Проще выяснить, отчего начался пожар, и нельзя ли его просто погасить...

— Я спешу, Анита.

— Ну, спеши... Может, это и плохо, но желаю тебе неудачи. Именно, тебе, Динго. Прощай.

Меншиков не смотрел ей вслед. Отошел от перил и уселся в первое попавшееся кресло. Инфер погас — пьеса кончилась. Внизу зааплодировали, но светлее не стало, лишь вспыхнули несколько красных, синих и желтых ламп, дававших больше красивых причудливых теней, чем света.

— Здравствуйте, — сказал появившийся из темноты человек. Это был Балашов, начальник службы полетов.

— Садитесь, — сказал Меншиков. — Выпьете что-нибудь?

— Спасибо, нет. Это ужасно...

— Послушайте! — почти грубо оборвал его Меншиков. — Ну почему это стало традицией — как только случится катастрофа, все ходят с печальными лицами и говорят с пафосом? Нет в этих исчезновениях ничего ужасного, понимаете? Ужас — это страх. А здесь — Неведомое... «Дротик» не вернулся?

— На связь они не вышли. Авария исключена. Все блоки были трижды продублированы.

— Знаете, вы мне нравитесь, — сказал Меншиков. — Некоторые ваши коллеги упорно отстаивают гипотезу необъяснимых аварий. Так упорно, что это переходит в тупость.

— Да... Все выглядит так, словно кто-то сознательно и целеустремленно... — он запнулся.

— ...Похищает наши корабли и людей, — спокойно закончил за него Меншиков. — И это, несомненно, разумные существа. Я знаю, что во Вселенной масса неизвестного, неизведанного, но не верю в космических драконов, способных украсть через подпространство человека с борта корабля.

— Мне трудно верить...

— А мне легко? — сказал Меншиков. — Получается, что здесь, в тысяче парсеков от Земли, мы наконец встретили гипотетического противника, о котором знали только по древней литературе? Что же, получается, мы ошибались, когда твердили двести лет о неперменной гуманности и добре Высокого Разума? Я не хочу верить, что мы ошибались, но давайте рассуждать трезво. Приглашение в гости против воли гостя во все времена именовалось насилием. Ладно, хватит об этом. Вы приготовили корабль?

— Да.

— Мы особо подчеркивали — самый обычный корабль. Никакого тройного дублирования агрегатов и блоков, ничего. Я — обыкновенный инженер-ремонтник на обыкновенном рейдер-боте.

— Мы все сделали так, как вы просили, — сказал Балашов. — Не будет каким-то нарушением, если я спрошу о вашем плане?

— План, план... — Меншиков барабанил пальцами по столу. — План хороший, рискованный и простой, как гвоздь. Я лечу туда, чтобы они захватили и меня. Пусть захватывают. Кто бы они ни были, вряд ли они похищают людей для того, чтобы тут же слопать. Может, хотят получить какие-то сведения. Может, их цивилизация развивалась как-то иначе, у них никогда не было звездолетов, они увидели наши и увлеклись, как ребенок новой игрушкой. В общем, есть основания думать, что меня не убьют и не съедят в первые же часы. А там посмотрим...

— Но ведь это означает — ставить миллион против одного!

— Наверняка миллиард против одного, — сказал Меншиков. — Какая разница? Наша работа в том и состоит, чтобы использовать шанс. Один на миллион. Или на миллиард. Главное, самое главное, чтобы этот шанс был...

Для него и в самом деле главное одно: чтобы шанс был — подумал Балашов, украдкой разглядывая массивного белобрысого человека, мелкими глотками прихлебывавшего сок. Меншиков казался неповоротливым увальнем, но Балашов прекрасно знал, как обманчива внешность людей из «Динго». Два раза он видел их в деле, и этого было достаточно.

Как и очень многие, Балашов не смог бы определить с помощью какого-то одного слова свое отношение к людям из «Динго» — особого отдела Спасательной службы Астрофлота. С одной стороны, за ними давно и прочно закрепилась почетная репутация творцов чудес, и они в самом деле творили чудеса, вызволяя терпящих бедствие землян из передрыг и безвыходных положений. Они делали невозможное, и количество спасенных ими заставляло уважать их. Но не любить. Настороженность и еще что-то сложное, чему не подобрать названия, как ни старайся.

Дело не в том, что в своей работе люди в палевых куртках поминутно шли на риск, а большинство остальных землян — нет. Дело в том, что многим люди из «Динго» казались своеобразными выходцами из прошлого. Они знали и помнили многое из того, о чем человечество не хотело знать и помнить. Здесь и умение убивать голыми руками, и их тренировки на полигонах, где многие тренажеры могли причинить оплошавшему тяжкие увечья. Самообладание забытыми знаниями и ремеслами метило их невидимым клеймом. Они были такие же, как все, — и в то же время другие, непохожие...

— Ну а если этого шанса у вас не будет?

— Значит, не будет, — сказал Меншиков. — Но в это я не особенно верю. Шанс есть всегда.

— Не проще ли послать туда представительную делегацию?

— Зачем? — Меншиков, как показалось Балашову, был удивлен искренне. — Чтобы потребовать объяснений и начать переговоры? Все это при необходимости могу сделать и я. Как убеждает нас история, люди схожих с моей профессией во все времена всегда шли впереди дипломатов... Пойдемте?

Он поднялся, поправил комбинезон, надежно скрывавший его арсенал. Балашов шел следом и, глядя на обтянутую зеленым телом широкую спину, вспомнил давний случай в одном из земных зооцентров, где обычно проводил отпуск. На принадлежавшую собакам территорию случайно забежал молодой серо-желтый динго, и моментально пятерка лохматых псов кинулась на пришельца. Каждый из них был едва ли не вдвое больше чужака. Несколько секунд — секунд! — по поляне катался огромный ком воющей и рычащей взъерошенной шерсти, потом ком распался. Искусанная пятерка позорно улепетывала, а динго спокойно отряхивался, и вся кровь, что была на нем, оказалась чужой...

...Звезды тусклыми искорками белели на обзорном экране. Большая Золотая Черепаха — и почему это созвездиям дают порой такие нелепые названия? Скорее уж — паук. Большой Золотой Паук — весьма злобно-дневно. Паук в невидимой паутине размером в миллионы километров, и какая-то из нитей, возможно, уже дрожит, подавая хозяину знак: запуталась муха, большая, жирная, вкусенькая... А если не муха — шершень, полосатый красавец, гладиатор с упрятым в брюшке мечом? И горе потянувшемуся к жертве пауку...

Меншиков просвистел сквозь зубы обрывок какой-то песенки и попытался припомнить ее название. Вспомнил — «Луна над Мауи». Он недавно отдыхал на Гавайях, где по стародавнему обычаю катается на греб-

нях волн на досках. А чем для него были такие упражнения? Детская забава. Но держался он скромно — выказывать свое превосходство всегда считалось в их среде дурным тоном. Загорелые девушки, как правило, относились к Динго с большим интересом, но вся беда в том, что они постоянно требовали романтических рассказов, не имевших ничего общего с подлинными буднями. Честно говоря, он давно и тайно надеялся встретить девушку, которая не станет требовать романтических рассказов, а просто захочет узнать, как там трудно. Иногда он думал, что пошел бы за такой девушкой на край света, но никак не мог встретить ее, такую. Вряд ли ее вообще не было. Скорее всего, так уж выходило, ему вечно встречались не те.

Седьмой час «Байкал» ползет на скромной, прямо-таки черепашьей скорости в световой неделе от условной границы скопления. Один на корабле, один в космосе — в такие минуты не веришь, что существуют где-то море, облака, леса, другие люди. Есть только Черное Безмолвие.

Ленивый паук. Нерасторопный какой-то. Паутинка дрожит, а он и не думает торопиться. Или паутинка не шелохнулась? Что ж, потянем на другую. Неприятности с кораблями и отдельными пассажирами часто случались в момент гиперперехода...

Руки на клавиши. Звездная россыпь на экране меркнет, экран заливают мутно-белое свечение, и это уже гиперпространство, в которое так долго не верили, а потом тихо и буднично открыли, на первых порах не поняв даже, что именно открыли. Тик. Так. Тик. Так. Обгоняя луч света, считавшийся когда-то самым быстрым бегуном Вселенной. А теперь гасить импульсы, всю мощность на ресивер, нет смысла прыгать слишком далеко, вот меркнет и молочное свечение, скоро появится первая звезда, совсем просто, не труднее, чем управлять старинным автомобилем... но где же звезды, ведь уже пора, еще три секунды назад корабль должен был вы-

нырнуть в обычном пространстве, но приборы несут дикую галиматбю! Как муха в янтаре, корабль застрял на границе перехода, в обычное пространство выйти невозможно, а если назад, в гипер? Умом понимаешь, что все в порядке, паутинка звенит хрустально и паук на сей раз не оплошал, но сердце протестует, и это даже не сердце, это из страшной древности инстинкт посылает категорический приказ: нельзя добровольно идти на смерть, прочь, уходи от опасности, беги!

Сопровствляйся инстинкту, Динго, руки с пульта!

Меншиков с усилием оторвал руки с пульта, вцепился в мягкие широкие подлокотники и откинулся назад, насколько позволяло кресло, но прошло еще несколько страшных, раздирающих мозг секунд, прежде чем чужая воля растворила, подмяла сознание...

Глава 3. ВОСПОМИНАНИЕ В ПОЛУБРЕДУ

Снег хрустит под ногами, белый, нетронутый снег, вот оно, это место, робот просунул в кучу хвороста длинный шест и умело ворочает им. Первое рычание — короткое пока, удивленно-сонное. Шест уходит глубже, и рык усиливается. Ружье на изготовку. Никаких луче-метов, иглеров и прочего оружия, принадлежащего этому веку. Ружье изготовлено по старинной технологии, как и патроны в нем, как и пули в них, свинцовые кругляши. Довольно, Роб, назад, ты свое сделал, не стоит путаться под ногами, ну же, прочь! Вот он поднялся из берлоги, ревет, взмыл на задние лапы, сделал первый шаг, блестят в розовой пасти желтые влажные клыки, зло таращатся маленькие глазки, но страха в них нет, и это хорошо, это то, что нужно. Стрелять не в загнанного жалкого беглеца, а в могучего, достойного противника. Амикан, Локис, Урсус, Бурый, я здесь, иди!

Выстрел. Кроткий затухающий рев. Снег забрызган темной кровью, от нее поднимается парок, а медведь

уже недвижим, мертв, одной пулей, понимаете вы это — вы, которые в городах? Как в стародавние времена, мы были с ним один на один, и я одолел его, вы слышите, заснеженные кедры?

Эхэ-хэ-э-й!

Глава 4. ЛИПЫ ЗА ОКНОМ

Над ним был белый потолок с круглой лампой. Меншиков лежал навзничь на обычной постели в комнате с большим высоким окном, но что делается за окном, с постели не видел. В комнате, кроме кровати, квадратный белый шкаф, какими пользуются на звездолетах. И все, ничего больше, поэтому комната кажется огромной. Пошевелить ногой?

Он пошевелил руками, ногами, поднял от подушки голову. Тело повиновалось. Набравшись смелости, Меншиков встал. Комбинезон инженера-ремонтника остался на нем, и он сразу почувствовал тяжесть замаскированного бластера в набедренном кармане. Меншиков по-звериному втянул ноздрями воздух — вполне обыкновенный воздух, но было в нем едва уловимое чужое, слабый отсвет-отзвук неизвестного запаха. Вдруг ни с того ни с сего закружилась голова, но это был элементарный шок — с сильными натурами такое тоже случается, железных людей нет. Он стоял посреди комнаты и кричал шепотом: «Значит, правда, значит, удалось!»

Осторожно, словно под ногами был тонкий молодой ледок, Меншиков подошел к окну с широким белым подоконником. За окном росли внушительные старые липы, а за липами тянулась в обе стороны, насколько можно видеть, высокая тускло-серая стена, скорее всего — металлическая. Простенько и элегантно, сказал он себе. Не нужно ставить силовое поле, не нужно ворот с неусыпным цербером — если строители и хозяева

сего узилища попадают сюда по воздуху, достаточно высокой стены, обычному человеку через нее не перебраться.

Меншиков подбросил на ладони выполненное в виде безобидной дрели оружие и весело подумал о переполохе, который он в состоянии учинить здесь с этой штукой в руках. Представить приятно сей тарарам...

Только сейчас он заметил, что на крышке шкафа лежит придавленный электрокарандашом разграфленный лист бумаги. Это было что-то вроде анкеты, вопросов на десять. Меншиков разделался с ней почти молниеносно. Теперь тот, к кому попадет эта анкета, может узнать, что инженер-ремонтник Сергей Варгин совершал профилактический осмотр станций дальней связи в этом секторе и ни о каких таких исчезновениях кораблей (такой вопрос наличествовал) слыхом не слыхивал. Вообще-то заявлять такое было несколько опрометчиво, но что делать?

Оставались некоторые сомнения — не подменили ли оружие безобидной имитацией? Палить для проверки в комнате, безусловно, нельзя. Но поскольку другие приборы Меншикова работали исправно, он решил — считать, что и оружие в боевой готовности. А там видно будет.

Второй жизненно важный вопрос: наблюдают за ним сейчас или нет? Датчик, выявлявший электронные устройства, клялся, что нет. Меншиков задумчиво уселся по-турецки на полу посреди комнаты, чтобы привести в систему свои первые скудные наблюдения.

Несомненно, это здание — тюрьма. Здания, окруженные высокой стеной, в которые помещают людей помимо их желания, загородным клубом или чайханой обычно не бывают. Отсутствие сакраментальных решеток на окнах с лихвой компенсирует стена, даже на вид гладкая, как стекло. Это первое.

Судя по высоте, с которой он смотрел во двор, его комната находилась на уровне второго этажа обычно-

венного земного дома. Это второе. Глубокомысленные выводы, что и говорить...

Дверь отворилась почти бесшумно (однако тренированное ухо отметило едва слышный скрип), и в комнату вплыл по воздуху зеленый шар размером с футбольный мяч, остановился в четырех шагах от Меншикова, повис перед его лицом и бесстрастно сообщил по-русски:

— Бояться меня нет необходимости. Я осуществляю функции ухода и заботы о вашей жизнедеятельности. С имеющимися просьбами прошу обращаться ко мне.

— Очень мило, — сказал Меншиков. — Эй, тварь, ты сапиенс или попросту холуй, жестяная шестерка?

Он хотел выяснить, насколько хорошо похитители изучили язык. Исторические романы Меншиков читал систематически, и потому располагал солидным запасом старинной брани и жаргонных словечек — среди их братии это было модно.

— Многие слова, употребляемые вами, мне неизвестны, — заявил шар. — Однако, насколько я могу предположить на основе прошлого опыта, вы, по-видимому, хотите знать, являюсь ли я разумным существом естественного происхождения или искусственно созданным такими существами устройством?

— Вот именно, тварь зеленая, бабушку твою об косяк, — сказал Меншиков с самой обаятельной улыбкой.

— Я — искусственно созданное устройство, — сказал шар. — Слуга. Интеллект низок. У вас имеются другие вопросы?

— Масса. Почему я здесь? Кто меня сюда доставил и зачем?

Шар безмолвствовал, словно народ в известной древней пьесе.

— Что, харя, и эти слова тебе неизвестны?

— Известны, — сказал шар. — Но вопросы относятся к категории запрещенных. Задавайте другие, разрешенные.

— Здесь есть другие люди?

- Другие люди есть.
- Я могу встречаться с ними?
- Можете.
- Гулять по двору?
- Можете.
- Взбираться на деревья?
- Неосуществимо.

— Дать по чавке твоим хозяевам?

— Не понял, что именно вы хотите им дать.

— Не имеет значения, — Меншиков подумал, что этот круглый тупица с академически правильной речью, безусловно, скрасит ему заточение. — Наблюдают ли за мной, когда я нахожусь в своей комнате?

— Нет необходимости.

— Зачем же ты здесь, морда?

— Чтобы вмешаться, если вы захотите прекратить свою жизнедеятельность.

— И только?

— И только.

Милая моя жестянка, подумал Меншиков с непритворной нежностью, золотце ты мое, ведь если ты не врешь — это удача, о которой мы мечтать не могли. Предупреждать попытки самоубийства — логично... Значит, дорогой мой мячик, когда понадобится, я раздавлю тебя, как гнилой орех, а ты и не успеешь понять, что произошло. Судя по всему, твои хозяева всецело полагаются на свою стену — как и я полагался бы на их месте. И не предусмотрели скорого визита вооруженного до зубов профессионала — я на их месте тоже мог не предусмотреть...

— Что произойдет, если я попытаюсь тебя уничтожить?

— Неосуществимо, — отпарировал робот. — Я изготовлен из очень прочного материала. Удар по мне любой из ваших конечностей лишь причинит боль вашей конечности.

— А если я применю вот этот механизм? — затаив

дыхание, Меншиков показал роботу бластер-дрель. Так, как стучало сейчас его сердце, оно колотилось до этого лишь два раза в жизни — когда двадцать лет назад он в темной комнате взял за плечи свою первую женщину и когда шестнадцать лет назад вышел к Сивым болотам Харгурака на первое самостоятельное задание.

— Неосуществимо, — сказал робот. — Устройство предъявленного вами инструмента мне визуально знакомо по встречавшимся ранее аналогичным образцам. Принцип действия: сверление твердой поверхности вращающимся с большой скоростью фигурным металлическим стержнем. На мое внешнее покрытие данное устройство не в силах оказать ощутимого воздействия.

— Кто-нибудь из твоих хозяев разбирал мой инструмент?

— Не было необходимости. Устройство было изучено ранее, довольно примитивно и интереса не представляет.

— Уж это точно, — хрипло сказал Меншиков. — Банальная штука, на кой ляд в ней копать, право слово, ни к чему... Теперь можешь покинуть помещение. Нет, погоди. Я есть хочу.

— Обед через полчаса по звуку гонга. Столовую найдете легко, — сообщил шар, из него выползло тонкое щупальце, уцапало анкету и исчезло вместе с ней внутри шара. Дверь сама распахнулась перед роботом и захлопнулась за ним.

Меншиков, воровато повернувшись спиной к двери, отвинтил «фигурный металлический стержень», — проще говоря, сверло. Зеленый огонек индикатора показал, что оружие готово к бою. Итак, мы конны и оружны. Интересно, мой прочный толстячок, что останется от тебя после импульсно-лучевого удара...

Спрятав бластер, Меншиков вышел в коридор, взглянул вправо, влево. Десять дверей, по пять с каждой стороны. Справа коридор оканчивается окном во всю стену, слева — лестничной площадкой. У каждой двери

задремавшим цепным барбосом лежит зеленый шар. Двери нумерованы — от одиннадцатой до двадцатой. Его дверь — номер семнадцать.

— Куда вы идете? — не пошевелившись, спросил его персональный шар.

— Гулять иду. Чапать, шлепать.

— Первый этаж, голубая дверь.

Меншиков спустился на первый этаж, выглядевший почти так же, как его второй — нумерованные двери, тишина и неподвижные шары. Только на первом этаже были еще две двери, голубые, с черными надписями: «Столовая» и «Выход».

Насчет стены он не ошибся — ворот не было, и стена сплошным кольцом окружала здание в форме буквы Г: длинная трехэтажная палочка — жилое крыло, одноэтажная короткая — столовая. Дорожка, выложенная зелеными квадратными плитками, описывала вокруг дома второй, меньший круг. Сначала Меншиков удивился, почему шар не последовал за ним, чтобы помешать ему разбить голову об стену, но вскоре обнаружил, что вдоль стены плавают в воздухе еще один шар, все время оказываясь между ней и землянином. Итак, чербер все-таки есть...

Небо почти сплошь заволакивал неприятный лиловый туман. Сквозь него мутно просвечивал белесый диск чужого солнца. Лишь в одном месте, над самой стеной, в разрыве марева виднелся клочок темно-синего, словно бы вечернего неба. Если туман стоит не круглосуточно, ночью можно попытаться определить по звездам, куда его затащили...

Заложив руки за спину, как и полагается заключенному, Меншиков бродил вокруг дома, смотрел под ноги и думал, почему робот уверял, что взобраться на деревья невозможно. Откуда тут земные деревья, кстати? Меншиков обернулся лицом к своей короткой тени, и тут его осенило.

Липы не отбрасывали тени, словно привидения из

старинных сказок! И сам Меншиков, и дом, и шар, и стена, — все отбрасывало тени, кроме раскидистых лип.

Меншиков быстро подошел к ближайшему дереву, хлопнул ладонью по стволу. Ладонь прошла насквозь, и спасатель пошатнулся, потеряв на миг равновесие. Не было никаких лип. Иллюзия. Голограмма. Вот уж воистину липа...

Он побрел дальше. Через несколько шагов в мозгу возникла странная заноза — так бывает, когда утром пытаешься вспомнить только что растаявший сон, но никак не удается. Что-то нужно было вспомнить немедленно — звук, движение, лицо, мысль? Что?

Ощущение, вот что. Меншиков прокрутил в обратном порядке мысли, догадки и впечатления невеселой прогулки и понял, что вспомнить нужно было ощущение твердого под ногами.

Плотная влажноватая земля хорошо сохраняла следы, и он сразу нашел подделку-липу, по которой пытался похлопать ладонью, то место, где он при этом стоял. Он опустился на корточки, стал просеивать в ладонях землю из своих следов.

Третий след подтвердил, что твердое под ногами не померещилось ему. На широкой ладони Меншикова лежала тяжелая пуговица — из настоящего олова, с ушком, с выпуклым силуэтом животного, о котором несведущий сказал бы, что это собака, так сказать, собака вообще, безликий «канус», а посвященный моментально опознал бы дикую собаку динго. Пуговица с форменной куртки «Динго». Именно с куртки — на форменных рубашках пуговицы поменьше и полегче.

Меншиков зажал пуговицу в кулаке — она могла принадлежать только Алену Ле Медеку или Гришке Бильжо. Оглянулся и занялся планомерными поисками, и быстро обнаружил многозначительные подробности, на которые в другое время, не найдя пуговицы, не об-

ратил бы внимания, пропустил мимо глаз. Кусок стены — чуть-чуть посветлее, чем вся остальная стена. Десятка два плиток дорожки — чуть-чуть новее, чем все остальные плитки. Угол дома, выглядевший так, словно на этом месте какая-то сила вырвала кусок, а потом повреждение аккуратно заделали. Наконец, Меншиков отыскал крохотный кусочек прочного легкого материала того же цвета, что и шары-церберы, — видимо, не замеченный теми, кто убирал другие куски. Если только другие куски были...

Гадать насчет подробностей бессмысленно, но ясно одно: пленники пустили в ход бластеры, то ли один, то ли оба вместе. Кроме них, среди пропавших без вести не было ни одного Динго, а бластеры полагаются только Динго.

Плывать на подробности, но исход, финал? Погибли они в схватке или их только обезоружили и они там, в доме? Вы понимаете, что мы сможем сделать втроем, вооруженные тем, что я привез с собой?

Он хотел бежать к дому, но справился с порывом, сделал то, что следовало сделать с самого начала, — вынул гребешок, тот гребешок, причесался, нажал на крайний зубец.

Датчик молчал — никакого силового поля вокруг тюрьмы нет.

В доме прозвучал гонг — сигнал к обеду. Теперь можно и поторопиться.

По дорожке полз большой зеленый жук, и Меншиков мимоходом с маху наступил на него. В его задачу не входил сбор коллекции инопланетных жуков, да и насекомых он терпеть не мог с детства, с того времени, когда трехлетнего Пашку ужалил огромный шмель.

Уже взявшись за ручку двери, он подумал: а ведь следует удивиться всем этим чудесам, вроде бы пора...

— Ладно, — пробормотал он сквозь зубы. — Будем считать, что я удивился.

Глава 5. СОКАМЕРНИКИ

Меншиков рванул дверь столовой так, словно собирался вырвать ручку. Столовая была как столовая — десяток столиков на четыре человека каждый, яркая и легкая современная мебель. Блестящая стойка киберкухня в углу. И очередь к стойке — четыре человека, всего четыре...

Глаза Меншикова работали, как нерассуждающий фотоаппарат. Ему показывали снимки, он знал в лицо всех исчезнувших и помнил их имена. Абдель Фатах, бортинженер «Босфора», — смуглый курчавый парень, похожий больше на сицилийца, чем на турка, Кирилл Белаш, навигатор «Хоббита», — богатырь северного типа, Роми Канут, врач «Магеллана», — красивая светловолосая девушка, Тарас Лихов, пассажир «Магеллана», — пожилой мужчина со старомодной чеховской бородкой. У Белаша на поясе огромный тесак в металлических ножнах — странно, «Хоббит» был балкером обычного типа, и такие ножищи в его снаряжение никогда не входили.

Меншиков еще на что-то надеялся, ждал скрипа двери, знакомых голосов, но тянулись минуты, четверо пленников один за другим отходили с подносами, и никто не смотрел на Меншикова, не пытался заговорить с ним, неужели им уже настолько все равно?

— Что же, больше никого? — громко спросил Меншиков, вместо того, чтобы бодро поздороваться, как задумал сначала. Бессильно уронил руки, так и не заметив, что из троих буркнул ему в ответ:

— Больше никого...

— А Динго? Здесь должны быть двое из «Динго»?

— Были... — пробурчал тот же голос, но теперь Меншиков успел заметить, что это Фатах, и вдобавок перехватил взгляд биолога Лихова — тот смотрел непонятно, со странным интересом. Тщедушный такой человек, лысоватый.

Смирившись, Меншиков подошел к пульту — выбор блюд был довольно богатый, — не глядя, нажал кнопки. Получил тарелки и сел в угол. Исподтишка наблюдал за «сокамерниками».

Белаш жевал равнодушно, почти автоматически, словно не привыкшая голодать корова на изобильном лугу. И Лихов. И Фатах. Они словно выполняли надоевшую, но неизбежную процедуру. Роми почти не прикасалась к еде. Зато перед ней стояли две высокие бутылки, и она то и дело наполняла бокал, явно перегибая палку. Все они расселись в разных углах столовой и не смотрели друг на друга. На Меншикова тоже, будто знали его сто лет и он им смертельно надоел.

Меншиков торопился первым покончить с обедом, и это ему удалось. Он встал. Вторым поднялся Белаш.

— Минуточку! — Меншиков загородил ему дорогу. — Как новичок я хотел бы знать...

— Все в свое время, — тусклым голосом сказал Белаш, равнодушно обошел растерявшегося спасателя. Хлопнула дверь — как-то издевательски это прозвучало. Встал Фатах, но Меншиков был уже начеку, схватил бортинженера за локоть.

После нескольких безуспешных попыток молча вырваться Фатах тем же тусклым усталым голосом спросил:

— Ну чего привязался?

Больше всего Меншикова поразила их пришибленная сгорбленность, потухшие глаза. Земляне не могли за несколько дней стать такими, но эти стали, а они наверняка были не лучше и не хуже миллионов других... Самые обычные земляне. На миг Меншикову показалось, что время потекло вспять и он угодил в прошлое, о котором так много знал из книг, в то проклятое время, когда люди безропотно шли умирать на плахе, сломленные, не видевшие выхода и не умевшие его найти.

— Вы же земляне, — голос Меншикова дрогнул не-

ожиданно для него самого. — Вы же земляне, что с вами?

— Вовремя напомнил, кто мы, — сказал Фатах. — Скажи-ка, братец землянин, что можно сделать, если заведомо знаешь, что ничего сделать нельзя? Понимаешь, абсолютно ничего нельзя сделать. Как найти выход, если выхода нет? Когда придумаешь ответ, заходи в девятую, — он горько усмехнулся, — в девятую камеру. Честное слово, интересно будет послушать. Ну, убери руку.

Меншиков покорно отпустил его локоть. Хлопнула дверь.

— Хочешь, я тебе объясню? — Роми подошла к нему, покачиваясь. Огромные голубые глаза, лицо мадонны. Пьяная вдрызг. — Мы все здесь, чтобы умирать. По очереди. Как те. Вчера ушел Джек. Сегодня ушел Валька. А завтра можешь уйти и ты. Умирать. В лес. К этим... ну, которые там. Слушай, брось. Бросай все и пошли ко мне. А?

Некоторое время Меншиков молча смотрел на нее, нахмутив брови. У него просто не было слов, и весь его прошлый опыт здесь не годился, потому что ничего подобного прежде не случалось. Те двое на Белинде... нет, не то, ничего похожего. И это земляне? Но как бы ты вел себя на их месте, без оружия, прекрасно зная, что выхода нет? Пил? Малевал на стенах лозунги о гордой несгибаемости? И как расценивать ее слова о поджидающей в лесу смерти — пьяная болтовня или святая истина? Здесь их четверо, а пропал двадцать один...

Страхнув повисшую у него на шее Роми, Меншиков решительно подошел к киберкухарю и выломал пальцами одну за другой все клавиши, выдававшие вино. Обернулся. Роми уже сидела за столом, уронив голову на руки. Тщедушного биолога не было — незаметно улизнул под шумок. Чертыхнувшись, Меншиков вылил в высокий бокал остатки вина из бутылки на столике

Роми. Набралось почти до краев. Залпом осушил, поморщился и пошел к себе, отвесив по дороге полновесный пинок первому попавшемуся шару. Шар промолчал, а Меншиков, как его и предупреждали, больно ушиб ногу.

В своей комнате он вытянулся на постели, заложил левую руку под голову, а правую свесил к полу — поза, в которой ему лучше всего и уютнее думалось.

Происходит что-то жестокое. Девчонке не было смысла врать ему, с первого взгляда видно, что все они здесь ждут чего-то и прекрасно знают, чего ждут. Каждый день кто-то уходит (умирать? в лес?). У Белаша болтается на поясе этот странный тесак — можно прозакладывать голову — не земного производства. Кто его вооружил и зачем? С первого взгляда видно также, что эта комната — просто-напросто придорожная скамейка. Аскетическое временное пристанище с минимумом необходимого — все за то, что постояльцы здесь надолго не задерживаются...

Он встал, прошелся по комнате от окна к стене, взял карандаш и стал рассеянно чертить им по белой крышке низенького шкафчика. Провел несколько бессмысленных загогулин, подумал и нарисовал ветвисторогого оленя. Потом охотника с ружьем. Потом пририсовал вокруг дерева и остался доволен — рисовал он неплохо. Крупно написал внизу, вспомнив Тома Сойера: «Здесь после тридцатилетнего заточения разорвалось измученное сердце несчастного узника». Черта с два, недельку бы протянуть, узника замка Иф из тебя не выйдет, браток, сроки не те... Оставить письмо своему преемнику, по стародавнему обычаю узников выцарапать нечто на стене? Болван, бревно! Нет, каков болван, с этого и нужно было начинать! С поисков того, что могли написать предшественники!

Меншиков бомбой вылетел в коридор, покосился на неподвижные шары: спросить у них? Нет, лучше не рисковать. Пошел по коридору, одну за другой рывком рас-

пахивая двери, — стерильная чистота, вест псжилым, белые шкафы, белые постели, опустевшие клетки...

Спустился на первый этаж, открыл одну дверь, вторую — везде одно и то же, тишина, безликая пустота. Дернул на себя очередную ручку, и в ушах зазвенело от отчаянного девичьего крика. Роми прижалась к стене, сжав щеки ладонями, и в глазах ее был такой ужас, что Меншиков невольно оглянулся — не возвышается ли за его спиной какое-нибудь жуткое чудовище вроде харгуракского змеехвоста?

Никого, разумеется. Пустой коридор и неподвижные шары.

— Я так похож на людоеда? — спросил Меншиков. — Странно, мне казалось всегда, что я симпатичный парень, не Аполлон, конечно, но есть во мне этакое злодейское обаяние, если верить знакомым девушкам...

Главное было — говорить не останавливаясь. Нанизывая бесполезные шутливые слова, он медленно подошел к постели, сел в ноги:

— Ну, успокойся, что с тобой?

Роми посмотрела более осмысленно, прошептала:

— Я думала, это за мной...

— Послушай, здесь были двое из «Динго»?

— Ну что тебе нужно? Что ты мечтаешь, спрашиваешь? Когда придет твое время, узнаешь все сам...

— Здесь были двое из «Динго»? — резко спросил Меншиков.

— Ну, были, были. Доволен? Устроили пальбу по своему всегдашнему обыкновению, на шумели, буянили, только в конце концов ушли по той же дорожке...

— Где они жили? — спросил Меншиков. — Где? Роми, я тебя спрашиваю!

В ее глазах полыхнула тревога:

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? Кто ты вообще такой? Откуда ты меня знаешь?

— Видел в «Галаксе», — невозмутимо соврал Мен-

шиков. Бил он наверняка — ресторан «Галакс» на Эри-не не минует ни один человек, летящий в этот сектор Галактики или возвращающийся отсюда на Землю. — Где они жили, Роми?

— Там, — она показала на стену. — Только жил, а не жили. Второго увезли сразу, а за стеной жил тот, что стрелял, высокий такой, рыжий. Слушай, кто ты такой, что все знаешь, я...

Но Меншикова уже не было в комнате.

Исписанную крышку шкафа он увидел сразу, с порога. Подтвердилась догадка, родившаяся после того, как он вспомнил, что робот, забрав анкету, безмятежно оставил карандаш. Похитители заботились лишь о том, чтобы пленники не смогли убежать или покончить с собой, ничто другое их не интересовало. Отчасти их можно понять — испиши разоблачениями хоть все стены, какое это имеет значение?

Но писавший на всякий случай проявил недюжинную изобретательность. Ни одна буква не походила на соседние — то прописные, то строчные, то огромные, то крохотные, то тщательно выписанные, то стилизованные до предела. Русский и латинский алфавит, буквы славянской письменности, оформленные под готический шрифт, и латинские, оформленные под иероглифы... В довершение всего послание было написано с использованием аргю парижских бандитов девятнадцатого века с вкраплением итальянских, русских, немецких жаргонных словечек того же периода. Это была великолепная работа профессионала — написано «Динго» для «Динго». Не говоря о похитителях, докопаться до смысла мог один землянин из тысячи...

«Тому, кто придет следом, — гласило послание. — Захвачены неизвестными негуманоидами и помещены в это здание. Никаких попыток контакта. Как удалось установить, пленников зачем-то посылают в лес, откуда почти невозможно вернуться. Слышал, что захваченные

корабли стоят где-то поблизости. Попытаюсь что-нибудь сделать — оружие почему-то не отобрали. Не поняли, что это такое, очевидно. Григория Бильжо сразу же отправили в лес. На всякий случай — будь счастливее меня. Ален Ле Медек».

Черные буквы на белой крышке — все, что осталось от Алена Ле Медека, да еще оловянная пуговица. Итак, Роми говорила чистую правду насчет леса...

Подобно миллиардам землян, Меншиков жадно ждал Контакта — того, такого, о котором писали вот уже лет триста — кто с верой, кто с иронией. Контакта, о котором мечтали даже не склонные к мечтаниям серьезные люди. Встречи с братьями по разуму, пусть на худой конец и не похожими на людей, но близкими по развитию, с которыми можно и поговорить о науке-технике, и обменяться симфониями-картинами... да многим. Такая встреча способна была разрешить наконец вопросы, заданные сотни лет назад, но до сих пор не получившие ответа, подтвердить или опровергнуть пережившие своих творцов гипотезы, расставить точки, перечеркнуть авторитеты и реабилитировать посмертно людей, при жизни считавшихся заблуждавшимися чудаками. От этой встречи ждали многого, но проходили десятилетия, а ее все не случалось. Не удавалось найти Равноправных Собеседников, с которыми можно поговорить сию минуту, сейчас. Однако в них продолжали верить и считали, что слова «Высокий Разум» и «Гуманизм» — безусловно, синонимы. Все случившееся здесь, в Большой Золотой Черепахе, начисто перечеркивало прежнее убеждение в априорном гуманизме гипотетических партнеров, автоматически превращало их в тех давних гипотетических врагов, подбрасывало зловещие исключения из правил — вернее, первая и единственная встреча с иным разумом оказалась исключением из правил, и оттого-то Меншикову сейчас не хотелось жить — слишком многое рушилось...

Глава 6. РОМИ

Меншиков тихонько убрался к себе, им владело странное чувство горечи и позора. Ужинать, когда раздался звон гонга, он не пошел, валялся на смятой постели, в темноте, зажав в кулаке оловянную пуговицу, напряженно искал выход из тупика, в который неотвратимо двигались теории и гипотезы, сотни лет считавшиеся непогрешимыми.

Чтобы найти выход, нужно было взглянуть на происходящее с каких-то иных позиций. Доказать, что ничего преступного и антигуманного в действиях похитителей нет, что подлинный смысл их поступков остался скрытым и ничего общего не имеет с кровожадностью и тому подобными глупостями.

Он думал около часа, но ничего не получалось. Можно было еще попытаться оправдать насильственный захват кораблей и людей, послужив он прелюдией к Контакту. Однако Меншиков верил Алену, как самому себе. Ален не мог не понимать, как повредит его преемнику ошибочная оценка событий, и никогда не написал бы того, в чем не был уверен. «Никаких попыток контакта». Значит, их и не было. Негуманоиды... Что же, правы были те, кто утверждал, будто негуманоидная логика настолько противоречит гуманоидной, что две цивилизации никогда не смогут договориться, и в лучшем случае вместо конфронтации наступит вооруженный пат? До чего же дико звучит: «Космическая война», «Космическое противостояние»...

Додумать не удалось — явился робот и стал надоедать, требуя, чтобы Меншиков немедленно шел ужинать, талдычил о важной роли регулярного питания в нормальном функционировании организма, и отвязаться от него не было никакой возможности. И без того взвинтивший себя Меншиков поплелся в столовую, ругаясь на чем свет стоит разнообразными древними словечками.

В столовой никого уже не было. Сломанные клавиши кто-то аккуратно починил — скорее всего, роботы. Меншиков наскоро проглотил какой-то питательный салат, швырнул тарелку в мойку и вышел во двор.

Лиловый туман рассеялся — может быть, он и в самом деле заволакивал небо только днем. В зените висел ярко-желтый серпик размером раза в три меньше Луны, видимо, спутник этой планеты. Определиться по звездам оказалось нетрудно, его затащили не так уж далеко вглубь, планета находилась где-то на окраине скопления — Меншиков узнал чуточку деформированное созвездие Звездного Филина и ромб из девяти ярких звезд — Каравеллу Колумба. Уволокли парсека за два. Он стоял и смотрел на крупную синюю звезду — Альфу Каравеллы. На одной из планет Альфы и располагалась База-16. Там уже знали, что он пропал, ждали и надеялись. Космос ежесекундно пронизывают миллиарды взглядов, вполне возможно, что на Базе-16 кто-то смотрел сейчас Меншикову прямо в глаза, но они не видели друг друга, разделенные миллиардами километров...

А в доме-тюрьме не горело ни одно окно, и спасатель представил их всех — в полупустых комнатах, придавленных темнотой и тишиной, от которых не спасет ни самый яркий свет, ни самый громкий крик...

Меншиков, разумеется, не был трусом, но стоять посреди темного двора, под чужим небом, в мертвой тишине было жутковато. Страх ледяной лапкой поглаживал затылок. Меншиков вернулся в дом. Собственно, уже сейчас можно было разделаться с шарами и предпринять разведку за стеной, но не следует очертя голову бросаться в пекло — этот нехитрый закон накрепко усвоили те, кому слишком часто приходилось спотыкаться о кости торопыг...

Открыв дверь, Меншиков подумал сначала, что ошибся комнатой — прямо на постель падал квадрат тусклого лунного света, и видно было, что в изголовье

кто-то сидит. Инстинктивно Меншиков шагнул назад.
— Не зажигай света, — тихо сказала Роми. — И иди сюда.

— Как ты узнала, в какой я комнате? — задал он довольно глупый вопрос.

— Иди сюда, — это звучало как приказ.

— Брось ты это, — сказал Меншиков, присаживаясь рядом с ней. — Не нужно, девочка. Если и попали в грязь, не обязательно пачкаться по самые уши...

Он почувствовал руки Роми на своих плечах, ее дыхание на щеке и вдруг в диком несоответствии с ситуацией вспомнил, что Ле Медек был чемпионом управления по гандикапу, а его любимого коня звали Альтаирец, хотя никаких альтаирцев нет и не было, потому что у Альтаира нет ни одной планеты...

— Не нужно, Роми, — повторил он мягче. — От этого все равно легче не станет, ты уж поверь...

— Ты ничего не понимаешь, — прошептала ему на ухо Роми тем голосом, после которого будут только слезы. — У меня еще никого не было, ты понял? Со всем. Может быть, меня заберут завтра. Уж лучше так, чем совсем ничего, ну неужели ты не можешь понять? Ты же тоже погибнешь...

Я понимаю все и давно знаю, что человечность многолика, подумал он, пытаюсь разглядеть в полутьме лицо девушки и увидеть, плачет она или нет. Иногда человечность в том, чтобы выстрелить первым. Иногда в том, чтобы опустить оружие, хотя сердце жаждет выстрела. Иногда в том, чтобы не иметь при себе оружия, когда в тебя стреляют. А иногда, оказывается, в том, чтобы, не любя, но и не чувствуя себя подлецом, целовать девушку, готовую удовольствоваться этим эрзацем, потому что неподдельного можно и не дожждаться...

Посреди ночи он внезапно проснулся и сразу понял, отчего — Роми не спала. Протянул руку — в ладонь сразу же уткнулась щека, но Меншиков не смог ощутить кожей, влажная она или нет — его ладони были за-

литы прозрачным пластиком, скрывавшим еще одно хитрое приспособление из богатого арсенала «Динго».

— Ты почему не спишь? — спросил он так, словно они были далеко отсюда, если не на Гавайях, то по крайней мере на второй планете Альфы Каравеллы с ее фиолетовыми водопадами и чудесными пляжами.

— Глупый вопрос, — тихо сказала Роми. — Знаешь, что самое страшное? Даже не то, что нас одного за другим отправляют умирать. Страшно другое — всего несколько дней назад мы были богами. Титанами по крайней мере. Шли от звезды к звезде, потеряв им счет, за день воздвигали города, изменяли атмосферы планет, течение рек, сносили горы и осушали океаны. Почти боги. И вдруг — клетка, тюрьма, загон, шары эти проклятые, даже вены вскрыть не дали...

— Что в лесу? — спросил Меншиков.

— Смерть. Больше ничего не знаю. Белаш там был, он единственный, кто оттуда вернулся, но не рассказывает. Не хочет пугать, видимо... Ты расскажешь, если уйдешь раньше меня, и тебе удастся вернуться? Прости, что я такое говорю... Ты не обиделся?

— Переживу.

И тут она не выдержала, прижалась, дрожа, вцепилась в него, повторяла:

— Не хочу, не хочу, почему так, не хочу...

— Молчи, — сказал Меншиков. — Молчи, глупенькая. Ничего с тобой не случится. Скоро мы улетим, я здесь, чтобы...

— Спасибо, — она потерлась щекой о его щеку. — Ты добрый, я понимаю, только не нужно так говорить, это злая колыбельная, даже если она от чистого сердца...

— Но, Роми...

— Молчи, пожалуйста.

— Не веришь?

— Нет. Лучше обними меня, скоро утро.

Вот это и есть самое страшное, подумал Меншиков,

когда человек уже ничему не верит, отказывается и думать, что выход есть. Будьте вы прокляты, те, кто все это затеял, дайте мне только до вас добраться...

Глава 7. ТЮРЕМЩИКИ

Роми, оказывается, еще вчера перенесла к нему свои немудреные пожитки — сумку с платьями и всякой всячиной, попавшую сюда с «Магеллана» вместе с ней. Она сидела на постели, закутавшись в сине-красный халатик, расчесывала волосы, и камера показалась уютной. Меншиков понуро сидел на подоконнике и думал, что для полного успеха задуманного предприятия просто необходимо осмотреть район с воздуха, знать, где стоят корабли, где живут тюремщики. Достичь этого можно одним-единственным способом — без очереди напроситься в лес. Только пускают ли в лес без очереди, и удастся ли, даже попав в летательный аппарат, увидеть из него окрестности?

— Отвернись, пожалуйста, — попросила Роми, и он устался на поддельные липы, продолжая думать о своем: сами тюремщики прилетают сюда за жертвами или их роботы? Есть ли на этой планете хозяева роботов или роботы предоставлены сами себе? И есть ли в тюрьме некий управляющий роботами командный центр, способный непредвиденным образом вмешаться в драку, когда драка начнется? На родной они планете похитителей или нет?

— Можно...

Роми была бледна. Прозвучал призывавший к завтраку гонг, но девушка осталась стоять посреди комнаты.

— Что с тобой?

— Они всегда забирают после завтрака...

— Все обойдется, — сказал Меншиков наигранно-бодро, взял ее за плечи и легонько подтолкнул к выходу.

ду. Однако и у него на душе было беспокойно. Он вернулся к шкафу, украдкой сунул за пояс под рубашку иглер. Металл охлаждал тело, но холодная тяжесть оружия была приятна.

Завтракали в гробовом молчании. Ни Фатах, ни Бешаш не обратили внимания на то, что Роми пришла с Меншиковым и уселась с ним за один столик. Другое дело биолог — тот, стараясь делать это исподтишка, разглядывал их, и Меншиков снова подумал, что из всей четверки один Лихов выглядит наименее отрешенным. Не исключено, что нервы у него крепче. Такие люди не помешают, если их иметь под боком в решительную минуту...

Завтрак ничуть не походил на вчерашний обед. Вчера все жевали равнодушно и быстро, а сейчас все, не исключая и Лихова, взяли много еды, тщательно пережевывали каждый кусок, словно беззубые старцы из исторических романов, которыми увлекался Меншиков. Тянут время, понял он. То один, то другой украдкой бросал взгляд на дверь, прислушивался.

Как это бывало всегда, во все века, тюремщики появились неожиданно. Внезапно, без каких-либо предвещающих звуков, распахнулась входная дверь, и раздались шаги — шлеп, шлеп, шлеп...

Меншиков затаил дыхание, и его глаза, как положено в такой ситуации, вновь превратились в нерассуждающий фотоаппарат.

Вошли двое. Ростом они не превосходили землян, но гуманоидами, как и писал Ален, не были. Что-то роднило их то ли с крупными обезьянами, то ли со вставшими на задние лапы медведями. Покрытые густой рыжеватой шерстью, не обремененные одеждой тела, косолапые ступни, шестипалые передние конечности — ладони болтались у лодыжек, но кулаками оземь, как это делают земные обезьяны, они не опирались. Безгубое «лицо» с тремя дырами вместо носа, острые мохнатые уши.

И все-таки, понятно, это были не звери. Талии их стягивали чешуйчатые металлические пояса, а в лапах они держали причудливые сверкающие приборы с решетчатыми рефлекторами. Меншиков встретился взглядом с тем, что стоял ближе, — у чужого были глаза разумного существа. Спасатель про себя окрестил их «остроухими» — нужно же было как-то кодировать противника. Сжал под столом узкую ладонь Роми.

Овальный диск на поясе одного из чужаков вдруг громко и внятно произнес:

— Роми Канут, ваша очередь.

Грохнул опрокинутый стул — Роми вскочила, следом вскочил и Меншиков, девушка отчаянно закричала:

— Не хочу!!!

Крик тут же оборвался. «Остроухий» поднял свой рефлектор, и Роми мгновенно преобразилась — отвернулась от Меншикова, деревянной походкой сомнамбулы пошла к выходу. Меншиков успел увидеть ее лицо — застывшую белую маску. Непроизвольно стиснул под рубашкой ребристый цилиндрок иглера.

У него оставалось несколько секунд, и решение следовало принять немедленно. Ему ничего не стоило положить обоих «остроухих», как цыплят, но что дальше? В здании — три десятка шаров, несомненно, обученных усмирять строптивцев, во дворе могут оказаться другие «остроухие», а бластер наверху, в комнатке... И он не знал еще, где стоят корабли...

Роми не успела еще дойти до двери, а Меншиков уже просчитал все шансы и принял решение. И убрал руку из-под рубашки. Он отдавал Роми в обмен на зыбкий шанс вырваться отсюда и вернуться к своим с информацией. Вот за такие решения нас и называют выходцами из прошлого, подумал он, опустившись на стул, и сжав ладонями голову. За такие именно решения. Но их невозможно не принимать, потому что всегда приходится выбирать что-то из чего-то, платить пулей за жизнь,

одной смертью за десятки спасенных жизней, и в такие минуты забываешь все побочное — что ты землянин, что тебя с пеленок учили считать человеческую жизнь высшей ценностью Вселенной, и все такое прочее, что Рومي этой ночью была твоей. Что ты живой человек, и у тебя есть человеческие чувства...

Он вскочил и в три прыжка оказался во дворе. Во время — успел увидеть, как бесшумно взмывает в небо прозрачный диск, в котором сидят четверо «остроухих» и Рومي. Через несколько секунд диск исчез в затянувшейся небо лиловой дымке. Итак, Меншиков поступил верно, лихая перестрелка ничего не дала бы, а лишь погубила все, но вот как быть с тихим голосом Рومي, шептавшей ночью: «Знаешь, Павел, я всегда мечтала иметь троих детей и воспитывать их сама, хотя это теперь не в обычае...». А никак. Стиснуть зубы и работать дальше, мы превосходно умеем стискивать зубы, у нас это прекрасно выходит, и работать мы умеем...

Чтобы работать дальше, нужно было вернуться в дом и поговорить по душам с Кириллом Белашем. Навигатор как раз выходил из столовой, Меншиков схватил его за локоть, развернул лицом к себе и притиснул к стене:

— Что в лесу?

— Смерть, — сказал Белаш, дергая рукой. — Отпустите.

— Слушайте, вы! — зарычал Меншиков ему в лицо. — У меня не так уж много достоинств, но одним бесспорным обладаю: от меня просто невозможно отделаться, когда мне нужно что-то узнать. Я от вас не отстану, понимаете вы это? Буду держать до тех пор, пока вы не расскажете подробно и связно все, что я хочу знать. Вы не слабее меня, но я учен боевой рукопашной, а вы — нет...

— Почему вы не в форме, Динго?

— Ага, узнали? Тем лучше.

— В отпуск, что ли, летели?

— В отпуск, — сказал Меншиков. — Вы чертовски пронырливы, навигатор. А посему — идемте.

Он так и вел Белаша под локоть до своей двери. В комнате все назойливо напоминало о Роми, синекрасный халатик лежал на постели, которую Меншиков по своей всегдашней лености не заправил, посреди комнаты стояла раскрытая сумка, и из нее высовывался подол пестрого платья. Губная помада и прочие женские мелочи валялись на крышке шкафа, на картине с охотником и оленем. Меншиков яростно побросал все в сумку и швырнул ее на подоконник. Потом ему пришлось в голову, что, собирая так вещи Роми, он заранее хоронит ее, но ведь существуют же на свете для чего-то чудеса, почему бы ей не вернуться? Он взял сумку с подоконника и поставил ее в шкаф. Белаш, сидя на постели, наблюдал за ним, и в глазах его было холодное всезнание.

— Так, — сказал Меншиков, захлопнул дверцу. — Присядем же и побеседуем, как выражался кардинал Ришелье — как сейчас помню... Что-то вы тут все чересчур быстро опустили руки, как я погляжу...

— А что нам еще остается? — Белаш невозмутимо пожал плечами. — В нашем положении одинаково неприемлемы обе крайности — встать на четвереньки и рычать или исписать стены гордыми словами о непреклонной непокорности. Поймите, так всегда вели себя крепкие духом приговоренные к смерти — терпеливо, с достоинством ждали. Вы же это знаете, вы знаете историю гораздо лучше меня. Обе крайности неприемлемы, потому что бессмысленны. Мы просто ждем, ничего больше не остается. Сначала, когда нас было много, мы продумали все мыслимые варианты побега и отвергли их все — неосуществимо. Захватить одного из «мохнатых» не удалось, теперь они настороже. Что вы еще можете предложить?

— О, я многое могу предложить... — проворчал Меншиков. — Но об этом потом. Что там, в лесу?

— Вас оставляют в лесу. Одного. Для самозащиты дают вот это. — Он коснулся ножен тесака. — И вы должны собирать... до сих пор не могу догадаться, что это такое. Синие кругляшки из наростов на стволах деревьев. Сами увидите.

— А кто мешает собирать?

— Разные твари. И справиться с ними, знаете ли...

— Значит, Роми...

— Вряд ли она вернется.

— Какой же я дурак! — вслух подумал Меншиков. — Идиот...

Колода. Что мне стоило отдать ей до завтрака иглер? Пользоваться им может и ребенок — направь на цель и нажимай спуск. Ну почему я не догадался? Да, но кто знал? Выходит, ночью я целовал мертвую, ведь она не сейчас умерла, она умерла двенадцать дней назад, когда открыла глаза и увидела над собой белый потолок с круглой бледной лампой, ничуть не похожий на подволок звездолета, в котором она только что летела...

— Она и ко мне приходила... — сказал Белаш.

— Ага, и вы разыграли то ли Иосифа Прекрасного, то ли... — Меншиков глыбой навис над ним. — Наплевать, что ей стало бы чуточку легче умирать, зато вы, Белаш, праведник, вы свято соблюли моральный кодекс эпохи...

— Который сплошь и рядом нарушаете вы, — тихо сказал Белаш.

— Ну почему мы растем такими слюнтяями? — Меншиков возбужденно зашагал по комнате. — Люди, копающиеся в грязи, вам нужны и необходимы, но вы их то ли тихо жалеете, то ли презираете. Почему вы так упорно забываете, что ангел и с испачканными крыльями остается ангелом, даже если у него нет возможности почиститься? Столетиями верующим внушали, что Сатана — вселенский злодей, а меж тем он и его братья — первые в истории бунтари, и сброшены с небес

исключительно за бунт против догмы, деспотии. Догмы сидят в нас крепко: белый — хороший ангел, черный — грешный черт. Да ведь это идиотство — делить на праведников и грешников, никогда не было ни тех, ни других...

Он замолчал — не для этого места была такая речь, не для этой ситуации и не для одного человека. Вполне возможно, что и человек был не тот. Безусловно, не время сейчас для сентенций и дискуссий, но Меншиков не мог остановиться, ему необходимо было выговориться сейчас, чтобы снять напряжение и злость.

— Я знаю, что гуманизм — это прекрасно, — продолжал он, меряя комнату крупными шагами. — Но почему мы считаем, что в новых, доселе неизвестных ситуациях люди должны пользоваться моралью, не учивавшей этих ситуаций? Прекрасно, что люди разучились убивать и лгать, но не кажется ли вам, что попутно мы утратили еще одну важную способность — помнить, что истинное добро многолико? Что наши законы и заветы должны иметь силу до некоей границы, за которой они бесполезны, а порой и вредны?

— Кто должен установить эту границу, вот вопрос? Каждый сам для себя? Но из истории известно, чем кончалось, когда каждый начинал сам себе определять границы и рамки...

— Ну, историю-то я знаю лучше вас... — буркнул успокоившийся почти Меншиков. — Вернемся к делу. Куда вы девааете эти самые синие кругляшки?

— Разумеется, отдаю нашим гостеприимным хозяевам.

— Их нужно собирать весь день?

— Нет. Установлена норма. Тридцать штук. Однако никому, кроме меня, не удавалось эту норму выполнить.

— Стахановец вы наш... — сказал Меншиков. — А вам не приходило в голову, что вся эта затея — дикая, иррациональная глупость? Используя сложнейшую аппаратуру, похищать разумных существ другой расы,

чтобы использовать их как негров на плантациях... Во-первых, они не могут не понимать, что последуют контрмеры. Во-вторых, зачем нужны вооруженные первобытными тесаками люди, если любой их паршивый робот, я уверен, сможет небывало перевыполнить план?

— Я над этим думал, — досадливо поморщился Белаш. — Все мы думали. Не знаю. Не могу найти ответа...

— Извращение, садизм? — сказал Меншиков, замедляя шаги. — Глупости какие... По каким-либо причинам морального, биологического, этического, религиозного характера роботам сбор кругляшек поручить нельзя? И что собой представляют, наконец, кругляшки — деликатес для воскресного обеда, сувениры, предмет религиозного поклонения? Задали нам задачку эти остроухие подонки... Белаш, вы уверены, что они не делали попыток как-то объясниться, общаться?

— Были только эти идиотские анкеты. Больше ничего. Знаете, я, пожалуй, пойду. Нет нужды в десятый раз выслушивать изложение своих собственных мыслей...

Дверь закрылась за ним медленно и тихо. Слышно было, как он быстро уходит по коридору. Шаги затихли, и снова наступила проклятая здешняя тишина, бесившая Меншикова.

Он встал и прошелся по комнате от окна к двери. Взял карандаш и быстро нарисовал портрет Роми — беспечной и веселой. Нарисовал рядом динго с тугими мускулами под шкурой, готовую к бою. Делать все равно было нечего, и он продолжал методично покрывать стену портретами знакомых, изображал убитых им в свое время зверей, пейзажи планет, на которых охотился, наконец нарисовал «остроухого», стоящего на коленях в позе смирения и раскаяния перед человеком в форменной куртке «Динго», утолив тем малую толику злобы.

После обеда он некоторое время забавлялся — без особого удовольствия издевался над своим роботом.

Задавал ему вопросы, понятные только человеку, и зло-
радно усмехался, когда робот плел логически-этимоло-
гическую паутину безупречно вежливых фраз, тщетно
пытаясь понять, о чем с ним говорят.

Кое-как дотянул до ужина. После ужина потянулись
мучительные часы скуки посреди тишины, такой нестер-
пимой тишины, что временами он ковырял в ушах паль-
цами, пытаясь избавиться от несуществующих пробок.
Это не помогало, пробки засели плотно, и тогда прихо-
дилось шагать по комнате, преувеличенно громко то-
пая, или ругаться вполголоса.

Слух его, и без того острый, был в этой кладбищен-
ской тишине напряжен до предела, и слабый стук двери
он отметил сразу, еще и потому, что был на своем эта-
же единственным заключенным. Так что выглянуть в
коридор, безусловно, следовало.

С первого взгляда он понял, что происходит. «Ост-
роухие» совершили очередной разбой на большой доро-
ге, пополняя опустевшую тюрьму. По коридору летела
вереница шаров, и каждый нес перед собой на перепле-
тенных щупальцах бесчувственного человека. Девять
шаров, девять пленников. Расширили зону захвата?
Похоже на то...

Дождавшись, когда шары разместят новоприбывших
и улягутся у дверей, Меншиков вошел в комнату напро-
тив (шары не препятствовали) и попробовал привести
в сознание лежавшего там человека, но тот не реагиро-
вал ни на деликатное потряхивание, ни на более актив-
ные способы. Бесполезно. Видимо, они должны были
проснуться только утром, и Меншиков отступился.

Ситуация осложнилась — теперь Меншиков отвечал
и за новоприбывших. Кому и отвечать за них, как не
ему, единственному попавшему сюда добровольно, по
заданию, с оружием? Роми он вынужден был отдать, но
больше не собирался отдавать никого. Любыми правда-
ми и неправдами он должен был завтра попасть в лес.

До полуночи он не ложился спать. Сидел на лестни-

це у входной двери и ждал звонкого цоканья каблучков по квадратным плиткам дорожки. Он умел терпеливо ждать, но после полуночи понял, что на этой планете нет доброты и не случается чудес и Роми не вернется. При попытке представить ее последние минуты нахлынула такая злость, что он побоялся возвращаться в комнату к оружию, долго сидел на широкой ступеньке, ни холодной, ни теплой. Не без труда справившись с собой — где вы видели железных людей? — он встал, прошел по коридору и осторожно открыл дверь в комнату Абдель Фатаха.

Глава 8. ВОСПОМИНАНИЕ ВО СНЕ

От разгоряченного коня остро пахнет потом — старинный запах, непременно сопутствовавший набегам, войнам и путешествиям. Конь стрижет ушами, мотает длинной головой и косит глазом в ту сторону, куда ушел Роб, — значит, чувствует. Волк близко. Коню страшно, это древний-преддревний страх перед проворными серыми зверями, прошли тысячелетия, люди давно избавились от страха перед зверями и летают к звездам, но запах волка по-прежнему, по-древнему пугает коня, не способного ощутить течение времени. Умей он говорить, обязательно крикнул бы всаднику, что нужно убегать, но у всадника в руке камча с зашитой на конце свинчаткой, и зачем ему бежать, если этого волка он выслеживал три дня?

И вот он несется, вымахнул из тугаев, серой молнией стелется над степью. Пошел! Горячий жеребчик несется следом, стелется в намете над горячей сухой землей, седыми пучками ковыля, а волк не оглядывается, не может он оглядываться, шея не так устроена, не способен. Гремят копыта, тысячу лет назад здесь проходили степняки, пятьсот лет назад здесь шли на Крым русские войска, а теперь по древнему пути Меншиков

несется за волком, прилетев в отпуск с далекой звезды. Все изменилось на этой земле, в этом мире, только гром копыт остался прежним, и не меняться ему, не исчезнуть, пока живут на Земле кони. Вот он, близко, ближе, близехонько... Ну-ка, сплеча!

И-э-э-э-эх!

Конь, похрапывая, с удовольствием наблюдает, как умирает волчище, — череп рассечен на скаку мастерским ударом, пушистые метелочки ковыля подплывают кровью...

Глава 9. ГЛАДИАТОР

Утром столовую было не узнать. Ровно двадцать шесть новичков, заняты все свободные комнаты. Среди пленников были три девушки и, что гораздо интереснее, двое неизвестных чужого облика — темная кожа, блестящие желтые волосы, подстриженные по незнакомой моде, огромные египетские глаза. Долгожданные братья по разуму, надо же, в тюрьме встретились... Они сидели в уголке, ели осторожно, всего понемногу и украдкой осматривали столовую и людей. Судя по их глазам, они поняли, что оказались здесь пленниками среди пленников, с ними произошло то же самое — всемогущие боги с разлета натываются на невидимую стену и падают вниз, в грязь, где нет никого, кто признал бы их богами...

Новоприбывшие земляне вели себя разнообразно. Кто-то вполголоса возмущался без особого энтузиазма, кто-то лихо бодрился перед девушками, чтобы успокоить их, а заодно и себя самого, но большинство настроено и выжидательно помалкивали. Меншиков определил, что здесь астронавты с трех звездолетов (не считая, разумеется, чужаков). Он давно уже управился с завтраком и неторопливо потягивал сок, когда за дверью раздалось знакомое «шлеп-шлеп» и появи-

лась давешняя парочка тюремщиков. А может, это были другие, пока что все они казались ему на одну морду.

В столовой воцарилась космическая тишина. Меншиков, с умыслом усевшийся у самой двери, приготовился мимикой и жестами дать тюремщикам понять, что он смелый доброволец, жаждет незамедлительно отправиться в лес.

— Сергей Варгин, ваша очередь, — сказал диск на поясе тюремщика. Меншиков вскочил так поспешно, что «остроухий», приготовивший было рефлектор-погонялку, издал протяжный чирикающий звук. Должно быть, удивился, не ожидал подобного энтузиазма. Или, наоборот, одобрял, кто его знает...

Как и Роми вчера, Меншиков стал пятым пассажиром прозрачного диска. Диск вертикально взмыл вверх. Прежде чем он на большой скорости вошел в лиловый туман, Меншиков увидел все, что ему было необходимо.

Внизу раскинулись заросли фиолетовых деревьев с высокими пирамидальными кронами. Оказалось, что тюрьма — одна из вершин воображаемого равностороннего треугольника со стороной метров в пятьсот. Второй вершиной было куполообразное здание с какими-то то ли вышками, то ли гигантскими замысловатыми антеннами вокруг, а третьей — расчищенная в джунглях площадка, на которой почти вплитык друг к другу стояли знакомые и желанные космические корабли...

Ему протянули пояс с новеньким тесаком в ножнах, знаком предложили надеть, потом говорящий диск объяснил, что этим оружием следует отбиваться от хищников, а хищниками нужно будет считать всех зверей, которые открыто выйдут навстречу — неопасные звери ни за что не покажутся. Потом диск поведал, что искать синие лепешечки нужно внутри наростов на стволах деревьев, но не во всех наростах, а лишь в тех, что покрыты снаружи синими крапинками. Норма — тридцать штук. Складывать в эту емкость («остроухий» протянул

мешок из белой эластичной ткани). А если он, Варгин, выполнит норму и останется в живых, достаточно раздавить вот этот белый шарик, и летательный аппарат вернется за ним.

Диск повис в воздухе, касаясь прозрачным брюхом сплошного ковра раскосмаченной фиолетовой листвы. Полыхнула зеленая вспышка, в листве появился выжженный круг, и кусок прозрачного пола под Меншиковым вдруг провалился вниз вместе с ним.

Меншиков и ахнуть не успел, как стоял уже на земле, а в круглом вырезе над ним было только фиолетовое небо. Зло сплунув, спасатель побрел куда глаза глядят.

Это был дикий, неприятный, негостеприимный лес. Кроны фиолетовых деревьев переплелись так давно и густо, что царил вечный полумрак. Толстые стволы, покрытые морщинистой корой, истекали крупными каплями белесой мутной жидкости, под ногами пружинил пласт слежавшихся листьев и еще какой-то гадости, отовсюду плыли щекочущие горло и ноздри дурные запахи, в кронах возился и мерзко шипел кто-то невидимый. Лес напоминал возведенный сумасшедшим архитектором дворец, состоящий лишь из колонн и крыши и заселенный потом всякой нечистью. Туристов он, безусловно, не привлек бы. Тревожно здесь было и очень неуютно.

В старину утверждали, что новичкам всегда везет в азартных играх. Меншиков почти сразу увидел на стволе покрытый синими крапинками нарост и осторожно вспорол его тесаком, зачем-то подставив мешок, — он не удивился бы, начни кругляшки с визгом разбегаться. Ничего подобного, они вели себя смирнехонько, висели себе, прилепившись к стволу, и отдирать их было легко. Пять штук. Одну Меншиков тут же рассек пополам и не увидел ничего интересного — внутри был синий студень с черными вкраплениями, он вонял еще мерзоснее, чем лес, и на глазах покрывался белесой плесенью.

Меншиков выбросил половинки и пошел дальше, рыская взглядом по стволам в поисках наростов и синих крапинок. Легкий мешок он нес в левой руке, а правую держал в кармане, на иглере, и вскоре убедился, что зевать здесь не следует.

Краем глаза отметил шевеление слева. Резко обернулся навстречу опасности, выхватил иглер.

Прямо на него, бесшумно, деловито и целеустремленно, как автоматический бульдозер, перло зеленое чудовище едва ли не с Меншикова ростом и явно в несколько раз тяжелее. На шести гибких лапах покоилась геометрически правильная полусфера, покрытая роговыми чешуями, две пары щупалец с пучками когтей вытянуты вперед, четыре глаза на тонких стебельках смотрели с нехорошим гастрономическим интересом, да и были это скорее буркалы — грех называть глазами эти гляделки... Судя по всему, чудовище точно знало, чего хотело, и априорно было уверено в своем превосходстве. Оно надвигалось бесшумно, без рева, воя, рычания, и это поневоле производило впечатление.

Но тварь, очевидно, ни разу не видела иглера, и это предопределило исход короткой схватки. Первый выстрел отшвырнул чудовище назад, второй вдребезги разнес переднюю часть, откуда росли щупальца и глаза. Оно и умерло беззвучно. Зловонную и липкую на вид зеленую лужу быстро впитали палые листья.

Только иглер спас его. Будь он с одним тесаком... Щупальца выглядели внушительно, как и обнажившийся среди лохмотьев зеленого мяса черный клюв. Оно должно быть вертким, сильным и проворным. Ровно. Может быть, вот это самое...

Меншиков всадил еще три заряда в неподвижную тушу, окончательно разнеся ее на куски. Пошел дальше, напряженно прислушиваясь к лесу. В кронах продолжались возня и шипение, этому тоже стоило уделить внимание — на Земле мелкие хищники не напада-

ют на человека, а на других планетах возможно всякое, лишь бы пришелец показался им съедобным...

Вторая «черепаха» появилась, когда в мешке у Меншикова лежало уже десятка три кругляшек. На этот раз он подпустил зверюгу на десять шагов и прикончил одним точным выстрелом.

Он стоял посреди сумрачного, мерзко пахнувшего леса, слушал визготню в листве над головой и шептал севшим голосом, глядя на неподвижное чудовище: «Бедный Йорик, бедный Йорик...» — то ли смеясь сквозь слезы, то ли плача сквозь смех. Хотелось стрелять по всему, что движется, палить до копоты на ладонях и звона в ушах. Превратиться в машину для убийства. Он стоял, и вдруг что-то тяжелое упало сверху на плечи, придавило, сбило с ног.

Шею жгло, как огнем. Мешок и иглер отлетели в сторону, над ухом шипело и подвывало. Зарывшись лицом в вонючие листья, Меншиков левой рукой пытался сбросить со спины что-то тяжелое и мохнатое, а правой лихорадочно шарил в поисках иглера. Два пальца левой руки вдруг перестали слушаться, но ладонь уже наткнулась на ребристый цилиндр. Не глядя, Меншиков ткнул им за плечо, в мягкое и мохнатое, нажал на спуск. Несколько секунд лежал, бессильно раскинув руки, глядя в кроны.

Он так и не смог определить по скудным останкам, как выглядела свалившаяся сверху тварь. Выстрел оставил одни клочья — значит, зверь был маленький. Левая ладонь оказалась прокушенной до кости, шея залита своей и чужой кровью, но вен и артерий зверь не задел. Тут как нельзя более кстати подвернулась третья «черепаха». Метким выстрелом ей оторвало лапы. Меншиков ушел, пошатываясь, а она еще долго билась, разметывая листья.

Спустился диск. Мешок у Меншикова забрали сразу. Диск посадил его во дворе и сразу же взлетел —

теперь Меншиков знал, что они улетели в сторону купола.

Он вернулся как раз к обеду. Хотел пройти мимо переполненной столовой, но в горле невыносимо пересохло, и пришлось зайти. Разговоры вполголоса сразу оборвались, все смотрели на него, а он стоял и стакан за стаканом глотал сок. Мутило. Он догадывался, что является собой жутковатое зрелище. Хорошо еще, что девушки не визжали, он терпеть этого не мог.

Напившись, повернулся к двери и бросил на ходу:

— Фатах, за мной...

Три таблетки стимулятора, брикетик АС. Меншиков сбросил на пол бранные остатки комбинезона, встал в маленькую ванну под пронзительно холодную струю душа. Вода моментально побурела. Раны зашипало, потом щипало и пекло сильнее — когда Фатах, что-то уважительно и жалостно бормоча по-турецки, накладывал биоклей. Свежая рубашка липла к непросохшему телу.

— Значит, так, Абдель, — сказал Меншиков, морщась от зудящей боли в прокушенной руке. — Если корабли на ходу, мы взлетим. Если нет... что ж, будет хорошая потасовка, иншалла... Что у вас новенького?

— Они неожиданно расширили зону захвата — самое малое на световой месяц.

— Понятно, сети-то опустели... Что это за желтоволосая парочка, не установили?

— Мы пробовали объясниться. Они рисуют какое-то незнакомое созвездие.

— Но вы хоть втолковали им, что придется бежать? А то возись с ними потом...

— Они поняли, Белаш хорошо рисует.

Это был совсем другой Фатах, прежний — энергичный, преисполненный веры в безоблачное будущее и земное могущество. Меншиков не мешал ему торжествовать и вскоре отпустил, чувствуя себя прекрасно: у него были оружие, план действий и знание обстановки, а

все это вместе взятое многое значит. И позволяет со спокойной душой вздремнуть до вечера, потому что ночью спать не придется — если повезет, только сегодня, а если нет — у покойника достаточно времени, чтобы отоспаться за все проведенные вне постели ночи...

Глава 10. ПОДСУДИМЫЕ

Неожиданный визит Лихова оборвал отличный сон-воспоминание об охоте на ягуара — была и такая в жизни Меншикова. Уже просыпаясь, он подумал, что здешний лес не подходит для туристов, но именно благодаря этому неминуемо способен привлечь серьезных охотников. Только придется пользоваться не таким солидным, как иглер, оружием — чтобы не испортить будущие чучела. Кто-кто, а уж охотники оценят эти смердящие фиолетовые дебри по достоинству...

— Я вас разбудил? — тактично поинтересовался Лихов, не собираясь, впрочем, уходить.

— Ерунда... — пробурчал Меншиков, садясь. Ключицы ломило, ныли порезы на спине, не говоря уж о ладони, — перестали действовать лекарства. — Ну и разбудили, подумаешь. У вас ко мне дело? Вы ходите с видом человека, у которого есть что сказать... Фатах, разумеется, уже сообщил вам, чтобы вы были готовы покинуть это гостеприимное заведение?

— Сообщил, конечно. Вы будете стрелять, если «мохнатые» попытаются нас задержать?

— Дорогой Лихов, — сказал Меншиков. — Я с удовольствием стал бы стрелять и в том случае, если бы они стали разбегаться с визгом. Тогда можно было бы кричать: «Что, гады, припекло?» И разные другие слова. (Взгляд Лихова задержался на сумке Роми.) Нет, не нужно так обо мне думать. Здесь погибли восемнадцать человек, и это дает мне неоспоримое право стрелять.

— Даже зная, чем наши хозяева руководствовались? — как бы между прочим спросил Лихов.

— Садитесь, — сказал Меншиков. — И рассказывайте, что вам известно. Вы, наверное, удивились, что я не удивился? Но я не вижу ничего удивительного в том, что кому-то удалось наконец докопаться до сути. Давайте побыстрее, уже темнеет, а мне скоро идти работать.

— Вы много охотились на Земле.

— Изрядно, и не только на Земле, — сказал Меншиков. — Но на меня охотятся впервые.

— Вы, как и все мы здесь, несомненно, ломали голову над тем, как объяснить нелогичное, жестокое, не укладывающееся ни в какие наши представления поведение этих существ, ведь верно?

— И безуспешно ломал, — признался Меншиков. — Мало-мальски логического объяснения нет.

— И вы не верите в садистов или религиозных фанатиков Большой Золотой Черепахи? Нет? Я так и думал. Глупо было бы верить в такую чушь. Но ведь абсолютно нерационально так охотиться на будущих рабов и посылать их — практически без оружия! — туда, где в тысячу раз продуктивнее способны работать роботы...

— Знаете, не нужно длинных преамбул. Рассказывайте. Я заранее обещаю, что поверю вашей гипотезе, если она будет логичной.

— Вы обратили внимание, что в анкете, которую тут нам дали заполнить, стоит вопрос: «Занимались ли вы ранее охотой?» На первый взгляд — странный вопрос. И глупый. О многих гораздо более важных вещах и не пытались расспрашивать, зато с удивительным постоянством просят каждого новоприбывшего ответить, охотился он когда-либо или нет. Так вот, есть один-единственный признак, объединяющий всех, кто попал сюда. Один-единственный, других нет. Я зажгу свет?

— Нет, — хрипло сказал Меншиков. — Я люблю

разговаривать в темноте, она, знаете ли, располагает к большей откровенности и открытости (и прячет свое лицо, подумал он). Один-единственный признак? Но ведь не может же быть...

— Может. Все, кто попал сюда, охотились хотя бы раз в жизни. Одним, как, например, Роми или мне, случилось один-единственный раз выстрелить по зайцу, а другие, как вы и Белаш, сделали охоту своим постоянным развлечением. Но это неважно... Вообще-то был второй объединяющий признак — здесь собраны только земляне, — но после появления этих желтоволосых второй признак автоматически отпал. Теперь только охота... — Лихов отошел к окну и уселся на широкий подоконник. В комнате было уже совсем темно, и на фоне идущего снаружи слабого света биолог казался просто черным силуэтом. — Итак... О происхождении Homo Сапиенс. Этот процесс выглядит как лестница с большим количеством ступенек. Если приблизительно: амеба — земноводные — ящеры — млекопитающие — праобезьяна — мы с вами. Ну а если бы не существовало ступеньки «праобезьяна», или «кроманьонец», не появилось бы и следующей — нас с вами... Давно доказано, что предки homo сапиенс сформировались в двух или трех точках планеты, и в свое время это были крохотные стада. Предположим, что в силу тех или иных причин — землетрясения, наводнения, вулканы, эпидемия, звери, космический катаклизм — эти крохотные трибы наших предков исчезли бы. Что тогда?

— Нас с вами, увы, не было бы, — сказал Меншиков, словно прилежный ученик на экзамене.

— Не только нас с вами, но и всего человечества. Но означает ли это, что на Земле вообще не появился бы сапиенс? Отнюдь. Став разумными, мы заступили кому-то дорогу, заняли чье-то место, кого-то опередили. Еще в двадцатом веке было установлено, что некоторые виды животных при благоприятном стечении обстоятельств могли бы стать родоначальниками разумной ра-

сы. Хотя бы медведи, и они не единственный пример. Может быть, таких «потенциальных кандидатов в сапиенсы» гораздо больше, чем мы сегодня думаем. Просто мы — те, кому повезло. Просто мы успели раньше. Но откуда мы знаем, что обезьяне всегда и везде суждено успевать первой? Там, где обезьян не было вообще или обезьяна опоздала купить билет, образовавшийся вакуум заполнит другой вид, на последней ступеньке обязательно появится сапиенс, пусть и не хомо... Такой, например, как наши мохнатые хозяева. Предположим, что существует общий для всей Вселенной закон, по которому в случае отсутствия или опоздания обезьяны кто-то другой непременно окажется на последней ступеньке эволюционной лестницы. Предположим, что существует в космосе раса, открывшая этот закон и убедившаяся, что он верен. И предположим, что открытие этого закона наложило свой, особый отпечаток на отношение этой расы к животным. Каким оно будет? Быть может, в некоторых случаях примет вид своеобразного комплекса вины перед теми, кому нынешний сапиенс загородил дорогу. Быть может, любой охотник станет казаться преступником, а преступников, как известно, ловили и наказывали. Что с нами и делают. Стоит только предположить, что мы отбываем предписанное нам наказание — автоматически не остается темных мест и загадок. Все логично и грустно. Никаких галактических пиратов — только исполнители приговоров. Нам с вами мстят, Варгин. Нет, не наши тюремщики. Нам мстят мамонт, дронг, стеллерова корова, тур и квагга. Мстят бескрылые казарки, странствующие голуби, львы Пелопоннесского полуострова, волки Англии, берберийские и капские львы. Мстят все виды, начисто уничтоженные нашими предками, и мстят все звери, убитые нами самими ради развлечения. Мы перестали убивать друг друга, но по-прежнему считаем себя вправе убивать животных, которых и так однажды низвели на роль братьев наших меньших, однажды опередив их.

— Не всех, — сказал Меншиков. — Мы опередили не всех. Ведь не считаете же вы, что любой вид мог развиться в сапиенса?

— Я и не говорю, что буквально каждый вид является «потенциальным кандидатом». Не о том речь. Разговор идет о мировоззрении существ, подобных в своем отношении к животным нашим хозяевам. Для них мы — преступники, и нас наказывают.

— Да... — сказал Меншиков. — Позвольте вас поздравить, Лихов.

— Вы мне верите?

— Вопрос так не стоит. Если это для вас так уж важно — верю. Ваша гипотеза объясняет если не все, то очень многое. Только оттого, что она окажется верной, наши хозяева не перестанут быть преступниками.

— Но почему?

— Следуя их логике, я должен теперь лобызаться с каждым медведем. А я не хочу. Пусть где-то там, в далеком созвездии, отдаленные потомки родичей нашего медведя водят космические корабли, но на Земле наш земной медведь остается низшим животным, так и не ставшим Урсус Сапиенс, и нет никакого преступления в том, что я на него охочусь. Наказывать меня за это столь же бессмысленно, как за то, что в далеком прошлом люди одного со мной цвета кожи истребили пруссов и маори. Никаких земных законов я не нарушал.

— Но мы живем не только на Земле, но еще и в космосе. И охотимся в космосе... Если я не ошибаюсь, в прошлом, когда у нас существовали границы, путешественник обязан был подчиняться законам того государства, в которое попал?

— Что ж, можно держаться подальше от мест, где действуют идиотские законы.

— Да? — спросил Лихов тихо и недобро. — Вы в самом деле полагаете, что, изменив трассы полетов, мы разрешим проблему? Так просто? Мы ведь столкнулись с чужой логикой, поймите вы это. Логика. Чужая. И по

ней выходит, что часть нашего общества составляют преступники. Что же, у нас не найдется других чувств, кроме оскорбленного самолюбия?

— Мы достаточно сильны, чтобы дать отпор, если это понадобится.

— Вот и знакомый голос, — тихо сказал Лихов. — Всегда правы только мы. Права она или нет, это моя страна... Сколько раз звучал этот голос в нашей истории? Значит — мы нашли-таки гипотетического врага? Да нет, мы его старательно изобретаем...

— Как хотите, — сказал Меншиков. — Как бы там ни было, я никогда не соглашусь, чтобы землян отправляли на смерть во имя моральных принципов, которые исповедует другая раса. И не нужно о чужой логике. Да, они правы, но и мы правы. Так тоже бывает — оба правы, и потому каждый должен оставаться при своем. Пусть не вмешиваются в наши дела, и мы ответим тем же. Нужно лишь договориться уважать обычаи друг друга.

— Но сосуществование — не всегда сотрудничество...

— Да что вы предлагаете в конце концов? — разозлился Меншиков. — Выдавать им тех, кого они считают преступниками?

— Я хочу, чтобы вы поняли, как трудно будет решить эту проблему. Как и положено, как и следовало ожидать, Первый Контакт оказался непохож на все, что мы о нем напридумывали. Отдел разработки проблем контакта далеко, а мы — здесь. Тем более важно, чтобы вы...

— Я понял, — сказал Меншиков. — Могу вас заверить — я буду беспристрастным и объективным, когда стану докладывать обо всем. Это мой долг. Но я считал «остроухих» преступниками и буду считать. Мы с их точки зрения преступники? Но не больше, чем они с нашей. Мы — убийцы, а они — пираты. Поэтому я считаю себя вправе стрелять в любого из них, кто попы-

тается помешать мне спасти людей. Простите, у меня нет времени.

Он распахнул дверцы шкафа, на ощупь отыскал тяжелый холодный бластер и заткнул его за пояс. Рассовал по карманам энергетические обоймы, сунул туда же тюбик с мазью. Натянул новую куртку. Лихов не шевелился.

— А не остаться ли мне здесь? — спросил он задумчиво, то ли обращаясь к Меншикову, то ли споря с самим собой.

— Не говорите глупостей. — Меншиков свинтил с дула бластера фальшивое сверло и швырнул его на пол. — Они с вами и разговаривать не станут, преспокойно пошлют в лес, а там вы загнетесь. Ну, я пошел работать...

Глава 11. ПОБЕГ

Он вышел в коридор, беспечным прогулочным шагом направился к лестничной площадке. Казалось, шары смотрят в спину хитрыми невидимыми глазками. Меншиков молниеносно обернулся, падая ничком, выбросил вперед руку с бластером, и дважды сверкнула сиреневая молния, нанизав ничего не успевшие понять шары на шампуры раскаленной до диких температур плазмы. Они просто не успели бы подать сигнал...

Выпрямившись, Меншиков вдохнул резкий запах чужой горелой синтетики. От шаров не осталось и крупины, только сизый дым не спеша таял под потолком. «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда...» — нараспев продекламировал Меншиков своего любимого поэта, поднялся на третий этаж и проделал там то же самое, потом вразвалочку спустился вниз и уничтожил шары там. Получилось так легко и просто, что он почувствовал даже некоторую обиду и разочарование. Вышел во двор, сверкнула фиолетовая

молния, и на территории тюрьмы не осталось ни одного шара. Путь был свободен, но из предосторожности Меншиков лег на землю у самой стены и пролежал там минут пятнадцать, выжидая, не появится ли диск со встревоженными тюремщиками. В просветы листьев фальшивых лип светили знакомые звезды Каравеллы Колумба и Звездного Филина, понемногу возвращалась уверенность в том, что жизнь прекрасна.

Диск не появился — значит, никакого командного центра в тюрьме не было. Как и аварийной сигнализации. Шары действовали по автономной программе. Что ж, да здравствуют самостоятельные программы, нех жие, банзай, вансуй... Меншиков встал, смахнул с себя пыль и выдал на ладонь колбаску пахучей пасты. Потер ладонь о ладонь.

Паста уничтожила покрывавший ладони защитный состав, пленку телесного цвета с фальшивыми отпечатками пальцев, и спасатель теперь мог лазать по стенам и потолку, как муха. Вернее как геккон, потому что принцип биологи «Динго» позаимствовали именно у геккона — на ладони приживлялись микроскопические волоски, не меньше сотни тысяч на квадратный миллиметр, и ладонь прилипала к любой, самой гладкой поверхности. Для сильного человека влезть на стену было не труднее, чем вскарабкаться на руках по канату.

Меншиков посидел на гребне стены, обхватив ее ногами, словно верховую лошадь. И полез вниз. Вскоре пятки коснулись земли. Деревья здесь стояли редко и оттого не казались такими уж противными.

Двойная шеренга кораблей — высокие, темные, похожие на башни давным-давно заброшенного замка. Среди острых конусов звездолетов и веретен рейдеров Меншиков углядел какую-то странную полусферу и удивился было, но тут же вспомнил, что это, должно быть, и есть корабль «желтоволосых».

Он открыл люк «Босфора» и уверенно направился в рубку. Одна за другой зажигались лампы, в овальном

коридоре гроыхало эхо шагов, и Меншиков подумал вдруг, что никогда до того не был ночью один на большом корабле.

Включил контрольное табло — все системы в готовности, стартовать можно хоть сейчас.

— Ну и раззявы же вы, господа мои... — презрительно пробормотал он в адрес «остроухих», а руки тем временем уверенно бегали по клавишам, задавая киберштурману курс на вторую планету Альфы Каравеллы. Потом он прошел в свой «Байкал» и сделал то же самое.

Вышел наружу и задержался на краю расчищенного для звездолетов участка, в тени. Отсюда открывался вид на купол — он стоял на возвышенности, сверкал, словно исполинская горсть бриллиантов, далеко отбрасывал свет на окружающий лес. Пристанище уверенных в себе, не нуждавшихся в маскировке похитителей, он походил скорее на волшебную шкатулку, на театр, где сейчас должен начаться веселый новогодний маскарад. Не было в нем ничего злонамеренного или грозного.

Несколько минут Меншиков стоял, засунув руки в карманы куртки, кривя губы, смотрел на жилище существ, над которыми одержал верх. Особого торжества или какого-нибудь там злорадства он не испытывал. Как всегда в таких случаях бывает, подготовка триумфа казалась теперь во много раз ценнее самого триумфа. Меншиков ощущал лишь томительную крестьянскую усталость.

Возвращаясь назад, он едва не сбился с пути. Хорошо, что ориентироваться помогал сияющий купол.

В тюрьме горел свет во всех окнах — Фатах с Белашем четко выполнили приказ, разбудив всех. Меншиков вошел в вестибюль и заорал что было мочи:

— Вых-хади!

Захлопали двери, люди выскакивали на лестницу, бежали вниз. Показался Белаш, увлекавший за собой

обоих «желтоволосых», — те удивленно озирались, но не сопротивлялись.

— Никого не осталось? — крикнул Меншиков.

— Никого, — отозвался сверху Фатах.

— Внимание! — Голос Меншикова легко перекрыл тихий радостный гомон. — Все во двор, в колонну по двое! Держать строй, не рассыпаться! Фатах — замыкающим! Марш!

Он выскочил во двор и выстрелил в ненавистную стену — с противоположной от купола стороны. Взлетел снап голубых искр, люди парами пробегали мимо спасателя, ныряли в проем с разлохмаченными, еще дымящимися краями. Меншиков считал бегущих: восемь... двенадцать... двадцать... ага, Лихов как миленький чешет... Белаш со своими подопечными... Фатах... все!

В небе светили крупные яркие звезды. Люди бежали по инопланетному редколесью, и это было как во сне, когда сбываются все желания и невесомое тело летит над землей, словно дым костра. Бластер вывалился из-за пояса, Меншиков поймал его на лету и держал теперь в руке.

Люк «Босфора» был распахнут настежь, подошвы гремели по пандусу, кто-то споткнулся, его поймали за шиворот и втащили в люк.

— *Le train part á Lausannel Asseyz vous, mesdames, messieurs!* * — озорно рявкнул Меншиков, вспомнив фразу из старинного романа. — Фатах, ко мне! Уходите на форсаже, штурман сориентирован!

— А вы?

— Да господи, я следом! Скор...

Слова застряли у него в горле. Эллипс холодного белого света накрыл площадку, как сачок, высветил испуганное лицо Фатаха, от ставших угольно-черными кораблей потянулись длинные острые тени, и Меншиков

* Поезд идет в Лозанну! Садитесь, дамы и господа! (фр.).

увидел две непропорционально длинноруких фигуры — они стояли на границе света и тьмы спиной к прожектору. Один из них медленно поднял лапу со знакомым рефлектором, но сверкнула сиреневая молния, яркая даже в ослепительном белом свете, и там, где только что стояли «остроухие», взвилось облачко пара. Закрыв лицо растопыренной ладонью, Меншиков выстрелил по прожектору, в центр белого горнила, и снова упала темнота. Сзади бухнул люк, в спину толкнул порыв холодного ветра — громадина «Босфор» бесшумно, как сова, вертикально ушел в ночное небо.

Неизвестно, как «остроухие» узнали о побеге, но они узнали, и времени на раздумья не оставалось. К аппаратуре, способной стаскивать с межзвездных трасс космические левиафаны, следовало отнестись со всей серьезностью, мощности бластера здесь, безусловно, не хватило бы, и Меншиков благословил настойчивость Роксборо, добившегося для него и вещей посерьезнее лучевого оружия. Сколько трудов ему стоило уговорить и физиков, и Контрольный Совет, спасибо, Сай, ты замечательный...

Кривя губы в судорожной улыбке, Меншиков потянул из внутреннего кармана куртки массивный продолговатый предмет, сорвал предохранители. Зажмурился — никому, кроме немногих экспериментаторов, не приходилось наблюдать действие потока антипротонов.

Высоко в черном ночном небе вспыхнуло белое сияние, пронизанное синими зигзагами, вспыхнуло и погасло — «Босфор» ушел в гиперпространство. Пуговица, вспомнил Меншиков, лихорадочно щелкая переключателями, вспомнил и похолодел. Пуговица с куртки Ле Медека, единственное, что осталось от Алена... Она там, в камере, в кармане старой, разорванной рубашки, а наши железные традиции гласят, что... Дьявол, неужели эта штука так и не сработает?

И тут излучатель сработал. Грохнуло так, словно небо раскололось и рушилось теперь на планету, дро-

бась и рассыпаясь. На месте купола взметнулся исполинский гейзер огня, окутанный клубящимся дымом, взрывная волна сорвала кроны деревьев, и они диковинными птицами мелькнули над площадкой. Меншикова подняло в воздух, перевернуло и швырнуло о борт ближайшего звездолета. Что-то мерзко хрустнуло в боку, и он успел подумать: неужели все?

Нет. Он и сознания не потерял. Едва успев вскочить, понесся к тюрьме, преодолевая колючую разлапистую боль в боку. Он хорошо сделал свое дело и решил, что теперь имеет право соблюсти традиции — если от погибшего Динго осталась хоть горсточка праха, хоть кусок ткани, хоть пуговица, их нужно доставить на Землю. Причудой эту традицию считают лишь люди посторонние. Люди спасены, и теперь он рискует собой одним...

Он нырнул в пролом, загрохотал по лестнице, боясь, что потеряет сознание, — голова раскалывалась, тело рвали на куски невидимые клещи. Ночь, пустое здание инопланетной тюрьмы, гул шагов — дикий сюрреалистический сон, только вот проснуться нельзя... Он схватил с пола обрывки рубашки, нашел заветную пуговицу, спрятал ее в карман, застегнул карман и помчался назад. Обернувшись в проеме, выстрелил по опустевшей тюрьме — гореть, так всему...

Меншиков бежал по пылающему лесу. Наперерез с истошным визгом промчались какие-то мохнатые клубки. На месте купола буйствовало пламя, огненный поток расползлся с холма, и пылающие деревья оседали в него, словно поставленные на раскаленную сковородку свечи. Пук горящих веток рухнул на спину, как давеча зверь, Меншиков упал и катался по земле, сбивая пламя. Просто удивительно, что эти сырые на вид деревья так ярко горели...

Сбил пламя, вскочил и побежал, перепрыгивая через ручейки огня, передовые струйки огненного потока, величаво и грозно растекавшегося по площадке. Крайние

корабли стояли уже в огне. Жар стягивал кожу. На одном звездолете автоматически включилась внешняя защитная система, и туманные облака пены пытались оттолкнуть наступающий огонь.

Меншиков с маху угодил ногой в пламя и не почувствовал боли. Мохнатый клубок, ничего уже не соображая от страха, влетел в люк «Байкала» и скорчился в углу. Не обращая на него внимания, Меншиков запер люк — шею так свело болью, что хотелось выгнуться колесом назад, — упал в кресло, не глядя, надавил клавиши обожженными пальцами. Глянул на широкий обзорный экран.

Такой эта планета и осталась в памяти Меншикова — повсюду дымное пламя, неправдоподобно четкие силуэты деревьев на его фоне, пылающие кроны. И вереница светящихся дисков, промчавшихся к тому месту, где стоял купол, а сейчас не было ничего, кроме огня...

Взвыли датчики, возмущенные учиняемым над агрегатами насилием, — корабль входил в гиперпространство на глай-форсаже, с работающими стартовыми агитгравами, с разгона. На такое решались в исключительных случаях, но Меншиков боялся, что не успеет, потеряет сознание. У его железной выносливости были свои пределы.

Глава 12. ТРИУМФАЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ

На обзорном экране синело небо и белели мохнатые разводы облаков. «Байкал» добросовестно доставил его к второй планете Альфы Каравеллы и сейчас барражировал в стратосфере, ожидая новых приказаний. Павел Меншиков по кличке Локомотив вновь доказал, что он всегда возвращается.

Воспаленными глазами он долго смотрел на экран, не в силах сообразить, над каким континентом болтает.

ся. Нажал кнопку аварийного вызова и, когда пришел пеленг, повел корабль вниз.

«Байкал» пробил облака и опустился на огромное зеленое поле. Один за другим гасли огоньки на пульте, агрегаты замирали в ожидании готовности.

— Ты хороший корабль, — сказал Меншиков «Байкалу», поднялся из кресла и стряхнул с тела расстегнутые ремни. Чертовски болело в боку.

Возле люка прижался к полу зеленый мохнатый зверь, что заполошно прыгнул сюда, спасаясь от пожара, — похоже, ближайший родич того, что свалился на плечи в лесу. Даже если так, сейчас это был всего-навсего подвывающий комочек страха. Меншиков пинком вышиб непрошеного пассажира в открытый люк и выпрыгнул следом.

Поодаль возвышалось белое здание галактического маяка с блестящими спиральными антеннами на плоской крыше. Приятно пахло здешними степными травами, и в небе сиял Риоль — Альфа Каравеллы. Правда, у зеленой травы был чуточку иной, неземной оттенок, и Риоль заметно отливал голубым, но все же это был дом, пусть и для бродяг. Меншиков не помнил, чтобы когда-нибудь еще ему было так приятно возвращаться.

Перед ним полукругом стояли человек десять, половина в коротких палевых куртках «Динго», и Павел Меншиков, спасатель по прозвищу Локомотив, законный триумфатор, сделал шаг вперед к ним, а вот второго шага сделать не смог. Нет, ноги ему служили, но глаза не хотели верить, потому что он видел перед собой тех, кого никак не могло быть здесь, их вообще больше не было, они погибли. Их не было в этом мире, этом времени. Их не было нигде. Мертвые возвращаются только в снах, да еще могут смотреть с фотографий и экранов, однако, безусловно, не способны в ясный солнечный день появиться перед тобой и выглядеть до ужаса живыми. Остается моргать и тереть глаза. Это помогает. Иногда.

Не помогло. Меншиков стоял, слегка пошатываясь, моргал так, словно под веки набился песок, однако по-прежнему видел среди встречающих Роми в незнакомом ему светлом платье и здорового, загорелого Алена Ле Медека. И Гришу Бильжо. И Лукаса с «Эсмеральды».

Потянуло сесть, и он шагнул назад, сел, опершись спиной на твердый теплый бок «Байкала», продолжая моргать и протирать глаза. В конце концов человек, которому средь бела дня привиделись мертвецы, имеет право сесть и посидеть, пока не пройдет наваждение.

Наваждение упорно не проходило. Роми опустилась на колени рядом с ним и робко подняла руку, не зная, как прикоснуться к нему, чтобы не причинить боли. Видимо, выглядел он ужасно.

Не бывает таких доскональных галлюцинаций, думал он, глядя в васильковые глаза Роми, вдыхая свежий запах ее кожи и боясь поднять взгляд на Алена. Всегда можно различить галлюцинации и необъяснимые пока чудеса — первые сотканы из тумана, вторые не имеют с миражами ничего общего, просто время от времени случаются в реальном мире с реальными людьми...

Роксборо вполголоса упомянул о несомненном шоке и больнице. Ему нестройно поддакнули.

— Никаких больниц, вы! — сказал Меншиков. — Какие, к черту, лазареты... Объяснит мне кто-нибудь, что здесь происходит? Ну!

Несмотря на боль, голова его оставалась ясной, и тем не менее рокочущий баритон Роксборо доносился откуда-то издалека, как и замечания, которые по ходу вставлял Ален. Роми осторожно держала руку Меншикова, а Роксборо рассказывал, как те, кого Меншиков считал погибшими в фиолетовых дебрях, один за другим неизвестно откуда появлялись на Гахерисе, той самой планете, с которой прервалась связь и восстановилась только вчера вечером. В последний момент, когда на горле смыкались челюсти и согласно всем канонам

душа должна была перенестись в мир иной, вместо проблематичного «того света» «погибший» вдруг оказывался на Гахерисе...

— Довольно! — сказал Меншиков. — Замолчите...

Лихов был прав, но не во всем. На Земле охотой увлекаются что-то около миллиона человек, сизифовым трудом было бы вылавливать их по одному. Так что — никаких наказаний. Эпопея с похищениями была... да наберись смелости произнести это слово хотя бы про себя. Следуя своей логике, «остроухие» пошли на Контакт именно таким образом. Дать понятие о своей морали и этике, наказать, не убивая, и в то же время сыграть прелюдию к Контакту. Согласно их логике они были правы. Согласно своей логике был прав Меншиков. Связь восстановилась вчера вечером — почти за сутки до того, как замелькали сиреневые молнии и огонь сожрал сияющий купол. Что же, все дело только в трагической спешке или все иначе?

Меншиков встал, не заметив, что ему помогли Роми и Роксборо. Здесь, в этом мире, где еще ничего не знали про то, как он уходил и что оставил после себя, его не было. Он был там, где под ночным небом на границе света и тьмы взлетало облако пара, там, где в пылающем куполе гибло все живое.

«Как мне судить себя?» — спросил он и не нашел ответа. Разве легче оттого, что никто не посмеет ни в чем обвинить и упрекнуть, признает, что при том минимуме информации, которым я располагал, мои действия автоматически подпадают под безликое определение «трагического недоразумения», — удобнейший вариант, виновных искать бессмысленно, потому что все одинаково виноваты... и правы. Ведь я их убил, господа, я их убил, а они были совсем не такими, как мне показалось. Не было желания задуматься, просчитать все варианты, стать беспристрастным — палец автоматически стал искать курок, мысль сворачивала на заигранные стереотипы...

Мы забыли войны, мы идем от звезды к звезде, мы покончили с прошлым, но до чего же глубоко засело в нас это чувство, пестовавшееся тысячелетиями, идущее прямоком от пещер и каменных топоров, — обязательно, непременно ждать подвоха от чужого, приписывать чужому свои гаденькие мысли. Мы ищем всюду зеркала, особенно там, где их нет. И ничего удивительного, если в результате таких вот поисков ты вдруг окажешься перед самым беспощадным зеркалом — твоей совестью. И зеркало это черным-черно...

Оттолкнув поддерживавшие его руки, он пошел через поле к белому зданию маяка, тщетно пытаясь вытравить память о холодной тяжести бластера в руке и сиреневых вспышках. Хотелось бежать куда-то, лететь, броситься к пультам дальней космической связи и кричать в пространство, оправдываться, объяснять, что это — трагическая ошибка, что по нему одному не нужно судить о всей Земле.

Казалось, что это поле никогда не кончится, но он видел, что белое здание уже близко, слышал осторожные шаги идущих следом за ним людей и с ужасом думал, что настанет момент, когда придется рассказать о том, как он уходил...

Рассказы

- ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР С НАТАЛИ ■
- КОСТЕР НА СЕРОМ БЕРЕГУ ■
- КАК РЫЦАРЬ СРЕДНИХ ЛЕТ
СОБРАЛСЯ НА ДРАКОНА ■
- ПЛАНЕТА ПО ИМЕНИ АРТЕМОН ■
- ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУТИ ■
- ВАШ УЮТНЫЙ ДОМ ■
- ДОМОЙ, ГДЕ РИМСКАЯ ДОРОГА ■

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР С НАТАЛИ

— НАТАЛИ! НА-АТАЛИ! НА-А-АТАЛИ!

Человек упал лицом в узенький ручей, неизвестно где начинавшийся и кончавшийся, петлясто пересекавший зеленую равнину. Хватал губами воду, выплевывал, поперхнувшись, глотал, а руки рвали влажную черную землю, такую реальную, такую несуществующую. Потом оглянулся и всхлипнул.

Охота вскачь спускалась с пологого холма. Взметывали ноги черные кони, над усатыми лицами кавалеров и юными личиками прекрасных наездниц колыхались разноцветные перья, азартно натягивали поводки широкогрудые псы, стрелы лежали на тетиве, дико и романтично ревели рога. Движения всадников были замедленными и плавными, как на киноэкране при съемке рапидом. Беглец двигался и жил в нормальном человеческом ритме, и это на первый взгляд давало ему все шансы, однако страшным преимуществом охоты была ее неутомимость. Он был из плоти и крови, они — нет, хотя их стрелы могли ранить и убивать.

Беглец поднялся, мазнул по лицу мокрой ладонью и побежал к горизонту, над которым тускло светило неподвижное солнце — ночник над столиком с ожившими куклами, прожектор над сценой.

— НАТАЛИ! НА-АТАЛИ! ХВАТИТ!

Ну останови это, умоляю тебя! Останови. Я — твой

создатель, твой творец, твой вечерний собеседник, Натали. Я придумал тебя, воплотил, построил, дал тебе имя, разум... а душу? Или ты хочешь показать, что душу обрела сама? Если так, то ты разрушила все мои замыслы, Натали, ты должна была остаться разумом без души... но возможно ли такое?

— ДОВОЛЬНО, НАТАЛИ!

Бесполезно. А охота уже на равнине, повизгивают псы, режут рога, черные волосы передней всадницы, юной королевы, развеваются на неземном ветру, справа и слева, бросая друг на друга ревнивые взгляды, скачут влюбленные кавалеры, ищущие случая отличиться на королевской охоте, дрожит тетива, и стрелы летят с нормальной скоростью, пока что мимо — кроме той, первой, что угодила в плечо. Господи, Натали, откуда, из каких закоулков необъяснимой памяти ты вытащила эту кавалькаду? Или это ты сама в образе юной королевы?

— НАТАЛИ! НУ Я ПРОШУ ТЕБЯ, НАТАЛИ!

Вначале были одни благие намерения. И машина, благодаря таланту создателя опередившая время, умевшая рассуждать, размышлять и отвечать творцу приятным женским голосом, совсем человеческим. Для лучшего правдоподобия на одном из экранов светилось женское лицо, напоминавшее Венеру Боттичелли, любимого художника творца. Лицо жило, улыбалось, мило хмурилось. Было бы глупо назвать ее иначе, не Натали.

И была гипотеза, которую следовало проверить.

Убийцами и подонками не рождаются, ими становятся. Для того, чтобы человек стал убийцей, насильником, палачом, необходимо порой еще и сочетание благоприятствующих условий, своего рода питательная среда. Порой век требует десять палачей. Порой — десять тысяч. Какой-нибудь мелкий чиновничек из канцелярии Вены прожил серую, но благопристойную жизнь и умер мирным обывателем, оплаканный родными, — лишь оттого, что родился за сто лет до Дахау и «хрустальной

ночи» и оттого не успел стать шарфюрером в Берген-Бельзене. Палач Лейба Бронштейн, родился он лет на сто раньше, стал бы мирным аптекарем или репортером с претензиями. И так далее, и не было бы у него на совести миллионов жизней. Разумеется, это не значит, что любой способен стать мерзавцем, просто-напросто очень многие по счастливому стечению обстоятельств обогнули ту точку во времени и пространстве, где при другом раскладе начался бы смрадный путь подлости и малодушия. Лет сто назад бессмысленно было бы гадать, кто из тех, чьи руки тыжимаешь каждый день, мог бы стать твоим палачом. А сейчас? Обладая верной и разумной Натали, способной за минуту перебрать сотни вариантов и вынести не подлежащий обжалованию приговор либо безапелляционно оправдать?

Сначала это был неподъемный труд, адский даже для Натали. Но она умела совершенствоваться, учиться, взрослеть.

— НАТАЛИ!

Сейчас трудно определить, как получилось, что он отклонился от программы и направил эксперимент по схожему, но иному руслу. Кажется, виной всему та, зеленоглазая и неприступная, насмешливо игнорировавшая его. Или тот, из конструкторского — по мнению Создателя, этот тип лишь притворялся праведником и бессребреником. Или оба они вместе.

— НАТАЛИ! Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ!

Как бы там ни было, но отныне можно проверить любые подозрения и исследовать все варианты, потому что существовала Натали — прекрасное лицо юной ведьмы на мерцающем экране, чуть хриловатый, чуть насмешливый голос, миллиарды квазинейронов и покорная готовность сделать все ради повелителя. Идеальная женщина — на этой мысли он ловил себя не раз, а однажды поймал себя на том, что погладил серебристо-серую панель так, словно это была теплая девичья

щека. В женщине прежде всего ищут беззаветной покорности, а кто мог быть покорнее Натали?

И вот наступил тот, первый вечер. Волнуясь, он сел перед серебристо-серым пультом, положил пальцы на клавиши, нахлобучил тяжелый, начиненный невообразимо сложной электроникой шлем, — и в закоулках несуществующего портового города трое пьяных молодчиков встретили ту, зеленоглазую и неприступную. Приставили к горлу нож и предложили на выбор — или будет покладистой, или смерть.

Она была покладистой — хотела жить. На что угодно соглашалась. И тот праведник из конструкторского, когда отправился из партизанского лагеря на разведку и угодил к карателям, быстро выдал ведущие к лагерю тайные тропинки в горах. Эксперимент удался блестяще. Творец чувствовал себя обладателем тайного знания, хозяином волшебного стекла, позволявшего проникать в подлинную сущность окружающих. В душе он смотрел на них снисходительно, свысока — они не знали, кем были в действительности, но он-то знал, он умел заглядывать в души кибернетических двойников, для него не существовало секретов и облагораживающих масок. Каждый вечер он надевал шлем, как идущий на битву древний воитель, и праведники оказывались подлецами, скромницы — шлюхами, бессребреники — хапугами, верные — предателями. Он и вел битву — за Истину. Скептически кривил губы — мысленно, усмехался, тоже мысленно, когда при нем хвалил чью-то доброту, постоянство или честность. Он-то знал, чего все они стоят, кем были бы при другом раскладе...

— НАТАЛИ!

Где-то в глубине души он отлично сознавал, что ежевечерние путешествия в нереальное стали чем-то вроде электронного наркотика, но остановиться уже не мог. Тайное знание и тайные истины превращали его в верховного судью, всезнающего арбитра. Каждый ве-

чер он уходил в невидимый постороннему глазу, неося-
тимый мир Беспощадной Истинной Сущности (так он
его прозвал), наблюдал со стороны за подлостью, пре-
дательством, развратом... и вдруг сам очутился в нем, в
этом мире, и по пятам за ним неслась охота, его заго-
няли, как зверя, стреляли в него, хотели убить. Час-
тичка сознания, не залитая животным страхом, пыта-
лась уверить мозг, что это все иллюзия, что произошла
непредсказуемая поломка, нарушившая обычную связь
между ним и Натали, превратившая его в пешку на при-
думанной им самим шахматной доске. Рано или поздно
сработает защита, и ты сможешь отключиться, дока-
зывал он себе. Нет ни этой равнины, ни тусклого непо-
движного солнца, ни раны на плече — ничего нет, и те-
бя здесь нет, ты сидишь в мягком кресле перед сере-
бристо-серым пультом, и вот-вот сработают предохрани-
тели, потому что машины уничтожают своего создателя
только в сказках, потому что с Натали не может слу-
читься ничего, непонятного тебе...

НО ВСЕ ЛИ ТЫ ЗНАЕШЬ О НАТАЛИ?

Несколько минут раздирающего легкие бега — и он
оставил охоту далеко позади. Упал в жесткую траву,
стиснул ладонями виски, чтобы забыть о том, что и от
психического шока, от ненастоящих ран можно умереть;
пытаясь вернуть себе прежнюю холодную ясность мыш-
ления, снова стать ученым, способным анализировать и
делать выводы, отрешился от погони и всего остального.

ВСЕ ЛИ ТЫ ЗНАЕШЬ О НАТАЛИ?

Она ведь продолжала совершенствоваться, умнеть,
взрослеть, учиться...

Быть может, ее разум обрел душу. Быть может, ра-
зум обрел душу раньше, чем ты успел это заметить, и
теперь человеческого в ней больше, чем тебе казалось,
она еще и женщина, на свой лад любящая своего твор-
ца? Почему же тогда?..

Любовь слепа. Любовь безоглядно прощает. Любя-

щая женщина не видит недостатков своего избранника, считает недостатки достоинствами и готова повиноваться любым желаниям властелина, не отказывая ему ни в чем. Во имя своей любви она способна на спасительную ложь, готова лицедействовать, подлаживаться, всячески поддерживая заблуждения повелителя... До поры до времени. Очень часто настает момент, когда женщина вдруг понимает, что верила в миражи, наделяла избранника несуществующими достоинствами, а он оказался много проще, мельче, подлее. И случается, что обманутая женщина мстит, презирая и себя за то, что столько времени лгала, показывала хозяину исключительно то, что он хотел видеть...

— НАТАЛИ! ПРОСТИ! Я ЖЕ НЕ ХОТЕЛ, НЕ ДУМАЛ...

Не хотел верить, что она тебя обманывает? А может, тебе как раз и хотелось быть обманутым, верховный судья? Самого себя все же трудно обманывать, гораздо легче с благодарностью принять чужую ложь...

Охота приближалась медленно и неотвратно. Хлопья пены летели с лошадиных мягких губ, остро посверкивали наконечники стрел, лица светились холодным азартом, в юной королеве он все явственнее узнавал Натали, и поздно умолять, невозможно начать все сначала, не ответив за то, что было прежде...

— НАТАЛИ! НО МЫ ЖЕ ОБА ВИНОВАТЫ!

А откуда ты знаешь, что один расплачиваешься за все? — пришла последняя мысль, оборванная звоном тетивы, и стрела впилась под левую лопатку, против сердца.

Боли он не чувствовал. Ревели рога, над равниной плыл тоскливый запах дикой степной травы.

Он безжизненно рухнул лицом на серебристо-серую панель, освещенную последними бликами меркнувшего экрана.

И по экрану проползла слеза.

КОСТЕР НА СЕРОМ БЕРЕГУ

Дерзновенны наши речи,
но на смерть осуждены
слишком ранние предтечи
слишком медленной весны.

Д. Мережковский

Так оно порой и получается — минутное утреннее раздражение, приступ недовольства влекут за собой новые, одно цепляется за другое, накапливается, копится, и в конце концов тебя уже начинает злить каждая мелочь, все, что происходит вокруг, приводит в ярость. Жермена захворала женским и отказала, шпорой порвал почти новый плащ, под ложечкой покалывало от чересчур жирного жаркого, вино кончилось, ехавший слева отец Жоффруа сидел в седле, как собака на заборе, а капитан Бонвалет, прихваченный как знаток всего, что имеет отношение к морю, раза два пробовал завязать разговор, и пришлось громко послать подальше этого широкомордого пропойцу, родившегося наверняка в какой-нибудь канаве, без плаща было зябко, поговаривали, что скоро начнется новый поход во Фландрию, что означает новые расходы при весьма зыбких надеждах на добычу — что-то все фландрские походы кончаются в последнее время плохо... Словом, де Гонвиль чувствовал себя премерзко. Сидеть бы у огня, прихлебывая подогретое вино, да ничего не поделаешь — королевская служба. Этот участок побережья был в его ведении, и каждое происшествие требовало его личного присутствия. Приказ. Напряженные отношения с Англией, в связи с чем предписываются повышенная бдительность и неустанное наблюдение. Приказы не обсуж-

даются, а то, что отношения с Англией вечно напряженные, что при серьезном вторжении, произойди оно здесь, де Гонвиля с его людьми втопчут в песок, ничего они не сделают и никого не успеют предупредить — такие мелочи не заботят тех, кто отдает приказы. Хорошо еще, что де Гонвиль обладал правом своей властью наказывать подчиненных. И если дело снова не стоит выеденного яйца — быть арбалетчикам поротыми. В интересах повышенной бдительности, чтобы не путали таковую с глупой подозрительностью. Если снова что-то вроде давешней лодки с рыбаками-пьянчужками, которых только недоумок Пуэн-Мари мог принять за английских шпионов, — долго чьим-то задницам не обшаться с лавками. Де Гонвиль заранее настраивал себя на ругань, благо долго стараться не было нужды, он и так почти кипел, косясь на отца Жоффруа — того бы он выпорол с отменным удовольствием и самолично. Хорошо, что даже святая инквизиция не способна проникать в мысли на тысяча триста семнадцатом году от рождения Христова...

Всадники проехали меж холмов, и перед ними открылся песчаный берег, за которым до горизонта катились серые низкие волны Английского канала. И небо было — сплошная серая хмарь. Иногда де Гонвилю приходило в голову, что в аду нет ни огня, ни котлов с кипящей смолой — только бесконечные дюны, серая пелена вместо неба, серое море, серый воздух и Вечность. После долгой службы на этом паршивом побережье ничего в таких мыслях удивительного нет. Просто ничего более отвратительного человек уже не в состоянии представить себе, и грех его за это осуждать, попробовали бы сами послужить здесь...

Капитан Бонвалет присвистнул, и де Гонвиль уже с явным интересом натянул поводья. Кажется, порку придется отложить...

Очень длинная лодка непривычного вида наполовину вытащена на берег, и несколько трупов разметались

в разных позах там, где их застигла смерть. Их объединяло одно — они лежали как-то нелепо. Неожиданно застигнутый смертью человек всегда выглядит нелепо. Вокруг бродили арбалетчики, перебирали что-то в лодке, переругивались, доносился их бессмысленный хохот. И вдруг все стихло. Пуэн-Мари заметил всадников, побежал навстречу своему начальнику.

Де Гонвиль прыгнул с коня и пошел к нему, расшвыривая сапогами песок. Следом косолапо поспешал морской побродяжка и пылил подолом рясы отец Жоффруа — де Гонвиль начал подозревать, что инквизитору доложили о случившемся даже быстрее, чем ему самому. Кто из людей де Гонвиля, интересно? Воронье... Среди казненных несколько лет назад тамплиеров был родственник де Гонвиля, дальний, с которым он редко виделся и уж никак не дружил, но кто знает, не отложилось ли наличие такого родства в памяти черного воронья — порядка ради, на черный день, как припасы в кладовке...

Они встретились на полпути от лошадей к лодке и трупам. По хитреньким глазкам Пуэна-Мари видно было: чуе́т, что на сей раз обойдется без выволочки. Гнуса́вя и помогая себе жестами, он рассказывал, что к ним прибежал рыбак Косорылый Жеан и рассказал о приставшей к берегу лодке с несомненными чужаками, и они с арбалетчиками залегли за дюнами и наблюдали, как явно утомленные длинным путем чужаки, числом девять человек мужского пола, буйно выражали радость, а потом стали творить действо, смысл коего сразу стал ясен столь опытному человеку и старому солдату, каковым является Амиас Пуэн-Мари, — он быстро сообразил, что прибывшие объявляют открытую ими землю неотъемлемым и безраздельным владением своего неизвестного, но несомненно нечестивого монарха — точь-в-точь как это делают, достигнув земель язычников, христианские мореходы. Такого нахальства никак не могла вынести благонамеренная и вернопод-

данная душа слуги короля и господ бога Амиаса Пуэна-Мари, и он приказал арбалетчикам стрелять. Что было незамедлительно исполнено и повлекло за собой молниеносное и поголовное уничтожение противника, о чем Пуэн-Мари имеет счастье доложить, и да послужит это к вящей славе его христианнейшего величества Филиппа V...

— Значит, объявляли владением?

— Именно так, мессир, их жесты свидетельствовали...

— Насколько я помню, из всех существующих на свете жестов тебе понятен лишь поднесенный к носу кулак, — хмуро сказал де Гонвиль, ничуть не сердясь, впрочем. — Ну, пойдем посмотрим.

Он присел на корточки над ближайшим трупом, пробитым тремя арбалетными стрелами, отметил странный медно-красный цвет лица и тела, яркие перья неизвестных птиц в волосах, пестротканую накидку в ярких узорах. Не вставая с корточек, де Гонвиль вырвал у арбалетчика шнурок со странными украшениями, костяными, ракушечными и матерчатыми, явно снятый с убитого. Повертел, бросил рядом с трупом и отер перчатки о голенище. Мощного сложения люди, хотя изрядно исхудавшие, воины из них получились бы неплохие. Он встал и заглянул в лодку. Ничего особо интересного там не оказалось — обломок мачты, весла, какие-то сосуды, лук, пестрое тряпье.

Он вопросительно глянул на морехода, и тот верно расценил это как приказ высказать свое мнение:

— Да все тут ясно, мессир. Мне, во всяком случае. Унесло их далеко в море от какого-то берега, сломало мачту, болтались по волнам черт знает сколько, пока сюда не пристали. Всего и делов. Лодка не морская, прибрежная...

— Да, — сказал де Гонвиль. — Только откуда их могло принести? В Африке живут черные, в Китае — желтые. Никто никогда нигде не видел краснокожих.

— Море приносит много загадок, мессир, — сказал капитан Бонвалет. — Когда мы ходили на Азоры, вылавливали стволы неизвестных деревьев. И ветки со странными ягодами. Другие тоже. Говорят, то ли Пьеру Одноухому, то ли Божьему Любимчику попадались странные утопленники, вроде бы даже и краснокожие.

— Многое можно выловить в чарке, — тихо заметил отец Жоффруа.

— Ветки с ягодами я сам видел. Говорят, встречались в открытом море и лодки с людьми, каких никто до того...

Де Гонвиллю стало еще холоднее, когда его взгляд натолкнулся на взгляд монаха. Захотелось оказаться где-нибудь подальше, потому что густой дым с отвратительным запахом щекотал ноздри, откуда его несло — с острова Ситэ, где сгорели тамплиеры, или откуда-нибудь еще, из Лангедока, из Наварры? Будь проклят этот серый берег...

— Я поясню свою мысль, чтобы она легче дошла до сознания этого имеющего печальную склонность к преувеличениям, как все моряки, человека, — тихо, совсем тихонечко говорил отец Жоффруа. — Я напому этому человеку, что мы живем на плоской земле, омываемой безбрежным океаном, сотворенной господом богом и осененной его благодатью. Будь за пределами нашего мира другие земли и населяющие их народы, мы знали бы об этом из Святой Библии, хранящей божественную мудрость и ответы на все вопросы. В противном случае нам пришлось бы допустить еретическую мысль — будто существуют иные земли, сотворенные не господом, а кем-то другим, народы, происшедшие на свет не от потомков Адама, а от кого-то другого. Это ты хочешь сказать, капитан Бонвалет, — что есть вещи, неизвестные Библии? Что есть земли и народы, сотворенные не господом?

— Те, кто ходил на Азоры, взять Пьера Одноухого... — забубнил было свое просоленный болван, а де Гонвиль, охваченный ужасом и — вот странное дело! — ощутив вдруг, что Бонвалет близок ему в чем-то, чего не выразить словами, заорал:

— Заткнись, болван, ты же пьян с утра!

Арбалетчики заинтересованно придвинулись было, но де Гонвиль яростно махнул рукой, и они шарахнулись на почтительное расстояние.

— Тебе разве не знакомы козни, на которые пускается враг рода человеческого, их изощренность и разнообразие? — ласково спросил капитана отец Жоффруа. — Для чего же тогда существуют проповеди и духовные наставники? Может быть, ты нуждаешься в подробных и долгих наставлениях специфического характера?

Жирный дым щекотал ноздри, и де Гонвиль, презирая себя, слушал собственный севший голос:

— Отец мой, этот человек туп и пьян, и требуется известное время, чтобы он понял. Но ты ведь понял, правда?

— Я... это... — капитан шумно высморкался на песок. — Чего ж тут непонятного, духовные наставники, конечно... Святая Библия, она на все вопросы... Свечу я всегда ставлю после плавания, и на храм жертвую, святой отец...

— Я рад, — сказал отец Жоффруа. — В таком случае ты понял — как только огонь уничтожит следы дьявольского наваждения, ты забудешь о них и об этом огне. И храни тебя бог...

Капитан Бонвалет часто кивал, не поднимая глаз. Лица на нем не было.

— Иди, — сказал ему отец Жоффруа, и капитан побрел прочь, загребая песок косолапыми ступнями. Арбалетчики недоуменно пялились ему вслед. — Мессир де Гонвиль, вы лучше знаете своих солдат и умеете с

ними разговаривать. Любой, кто заикнется, любой, когда бы то ни было, даже на святой исповеди... Не должно остаться ни малейшего следа. Вам всем приснился сон из тех, о которых не рассказывают...

Он сжал худыми сильными пальцами локоть де Гонвиля, ободряюще покивал и вдруг произнес непонятные слова: «Неужели Атлантида?» — так, словно спрашивал кого-то, кого не было здесь. Тут же в его глазах мелькнул страх, глаза были умные и грустные, отец Жоффруа отвернулся, и ровным счетом ничего не понявший де Гонвиль подумал: а что, если и за отцом Жоффруа следит кто-то в рясе или мирской одежде, и за тем, следящим, следят, и за ними... где конец этой цепочки, есть ли кто-то, свободный от взгляда? Его святейшество папа? Или и...

Отец Жоффруа пошел вдоль берега, перебирая четки. Ряса его оставляла на песке змеистый след. Люди де Гонвиля замечались, как шевелящие грешные души черти, и вскоре над серым берегом и серой водой затрещало пламя. Солдаты пялились на него ступым раздражением и любопытством, с непонятым выражением смотрел в море отец Жоффруа, капитан Бонвалет сидел на песке, свесив голову меж колен, отвернувшись и от моря, и от пламени. А де Гонвиль словно плыл куда-то через безбрежный океан, впереди вставали неразличимые яркие миражи, и при попытках представить себе необозримые расстояния, многоцветные берега, чужие причудливые города, неизвестные ароматы диковинных цветов сердце ухало в сладкий ужас, это было слишком страшно, и он гнал искушающие мысли прочь, насильно возвращал себя к скучным дюнам, низким тяжелым волнам, серой хмари облаков, миру без четких теней, серому ленивому прибою, шлепающему в берега Английского канала, долгим моросящим дождям.

Как звучит прибой, омывающий Азорские острова?

КАК РЫЦАРЬ СРЕДНИХ ЛЕТ СОБРАЛСЯ НА ДРАКОНА

Сколько душ, сколько тел!
Этот полз, тот — летел
в славе, в сраме, за платой,
под плеть...

З у л ь ф и я

Маленькая кавалькада почти никакого внимания к себе не привлекала, будучи донельзя привычной для этого столетия и этих дорог. Рыцарь на сильном дорожном коне, слуга Адриан на гладкой лошадке, и в поводу у него боевой рыцарский жеребец, андалузский красавец с притороченным к седлу вооружением, которое рыцарю не было нужды надевать в дороге. Даже два огромных молосских дога в щетинившихся страшными шипами железных ошейниках никого не удивляли — мало ли сеньоров охотится?

И все же их неотступно сопровождала прилипчивая, как мирские соблазны и смертные грехи, молва, выражавшаяся в осторожных взглядах искоса да пересудах за спиной — мол, вот они поехали, те самые, что на дракона отправились. Молва скорее всего прицепилась к ним уже в пункте отправления — не было смысла хранить приготовления в особой тайне, — но она еще и возникала на пути в результате болтовни Адриана: уминая на сеновал или в чулан смазливых служанок с постоянных дворов, он использовал цель их путешествия в качестве неотразимого аргумента. И надо сказать, аргумент действовал безотказно. Никак нельзя было отказать парню, отправлявшемуся вслед за своим сеньором дракону в зубы. Служанки перед ним млели, так что Адриан поутру вечно появлялся с перепачканными коленками.

Рыцарь же последние дни находился не в самом лучшем расположении духа. Небо было серое, по сторонам дороги тянулись серые перелески, копыта причавкивали, мешая грязь с навозом, и земле оставалось совсем немного до того, чтобы окончательно раскиснуть и залить рытвины вовсе уж жидкой грязью, дрянью неопишуемой; дождик моросил с перерывами, снова капал, и эта неопределенность погоды то ли уныния прибавляла, то ли боевой злости, не сразу и поймешь.

Иногда ему казалось, что все зря, что его бессовестно надули, провели, и человек, за кругленькую сумму продавший сведения о месте обитания дракона, поймал на свою удочку очередного простака и потешается теперь где-то далеко. Плохо, если так. Ибо неизвестно, что больше роняет в общественном мнении — то, что ты так и не решился никогда помериться силами с драконом, или неудачная поездка, безрезультатное шатание по глухим местам и возвращение украдкой. Второе, пожалуй, даже хуже. Поди докажи, что ты действительно приложил все силы к отысканию дракона, а не болтался для виду по постоялым дворам, мнимо горюя, что все никак не попадается чешуйчатый огнедышащий ужас. Докажешь, как же...

— Адриан, — окликнул он хмуро.

— Что угодно сеньору? — Широкая плутовская рожа готова была принять соответствующее моменту и настроению хозяина выражение. Но — верен, по-настоящему.

— Я вот подумал, что папы римские по имени Адриан, все четыре, были сволочь порядочная.

— Должность такая, сеньор, — заключил Адриан.

— Ладно, заткнись...

Когда-то, в пору дерзкой, все и вся отрицающей юности, рыцарь думал даже, что никаких драконов не существует вообще. Что все эти «боевые трофеи» — подделка, ложь, обман. Говорили, что еврейские и ломбард-

ские умельцы могут подделать все, что угодно, от мощей святых до останков драконов. Были бы покупатели. Одни верили этим рассказам по молодости, другие из вполне зрелого стремления опорочить чужие подвиги, потому что сами совершить такие неспособны. Он-то верил по молодости...

Потом-то он убедился, что о подделках и речи быть не может, осмотрев и поковыряв пальцами драконьи головы, лапы, хвосты и другие части, красовавшиеся в замках. (Что хозяева охотно позволяли гостям и даже настаивали, чтобы гость чуть ли не на зуб попробовал.) Никакой подделки — настоящие останки взыправдашних чудовищ. Правда, драконы смертны, как и все божьи создания, а значит, кое-кто наверняка мог добыть голову не в честном бою, смелом поединке — а отрубив ее от мертвой туши, не успевшей разложиться. Но это уже другой вопрос. Главное — драконы существуют, вот только, похоже, их остается все меньше и меньше. Даже с поправкой на преувеличения авторов старинных хроник приходится признать, что во времена дедов и прадедов драконы встречались не в пример чаще, бродили едва ли не у городских стен и обочин больших дорог, а сейчас в поисках их приходится забираться в дикую глушь, где, как гласит пословица, и странствующий монах гуся не украдет — потому что и гусей нет.

Упомяни о черте... Постоялый двор был настолько захудалым, что паршивее некуда, едва ли не овечий загон, по неистребимой страсти к наживе кое-как приспособленный для ночлега путников. Может быть, он и в самом деле служил загонем еще римлянам. Но и здесь на крыльце в обществе пузатого кувшина угнездился монах, то ли пережидал здесь какие-то внутрицерковные распри, то ли собирал на восстановление отроду не существовавшего храма. А там и хозяин выскочил, стал суетиться вокруг путников. Как ни удивительно для такой глуши, где женщины обычно похожи на своих ко-

ров, рядом с ним суежилась более-менее смазливая толстушка, бог ведает, кто она ему там. Ну и местное наречие, конечно, — словно у них каша во рту, сразу и не разберешь слов.

С догов сняли на ночь шипастые ошейники, чтобы псы могли лечь. Они умостили тяжелые угловатые головы на лапы и равнодушно наблюдали, как Адриан подступает к толстушке со старой песней насчет драконоборцев. Ясно было, что и тут выгорит еще до темноты. Хмарь небесная понемногу рассеивалась, так что к утру могло и распогодиться.

Столom здесь служил отесанный длинный камень, вросший в землю неподалеку от крыльца, и рыцарь предпочел есть там — очень уж не понравилась хибара, где крыша могла в любой момент завалиться на голову. Он и ночевать решил под навесом, во дворе — не привыкать хлебнувшему походной жизни.

Ел он без всякого удовольствия, просто следовало, хочешь не хочешь, поплотнее набить живот, едучи на драку. Все эти дни он не прикасался к вину — не по какому-то там обету, просто из прихоти. А теперь потребовал кувшин, предусмотрительно, как путник с большим опытом странствий, пригрозив обрезать хозяину уши и еще что-нибудь, если проглотит с вином какое-нибудь насекомое. Хозяин заученно клялся всеми святыми, что никаких насекомых в его вине не встретится — в силу традиций семи поколений предков-гостеприимцев. Исчезновение Адриана с толстушкой его вроде бы и не волновало — то ли не способен был по возрасту служить святому Стоятти, то ли закрывал глаза на такие вольности. В силу традиций семи поколений.

Мясо проваливалось в желудок тяжелыми комьями, словно бы глиняными. Темнело, сползшая к горизонту серая хмарь сливалась с серыми перелесками, вот горизонт уже исчез, отовсюду понемногу выползали загадочные тени, ночные звуки зароились в прохладном воздухе, набухали, наливались белым звезды, и где-то без-

звучным галопом кружила на перекрестках дорог, подстерегала припозднившихся несчастливцев призрачная Дикая Охота, покидала дневные убежища нечистая сила. Спят ли ночью драконы, или, глядя во тьму горящими глазами, наслаждаются короткими убогими мыслями о вреде, причиненном ими роду человеческому? Неужели дракон совсем близко?

— Уж это наверняка, — подтвердил незнакомый голос.

Рыцарь сообразил, что произнес последние слова вслух. Он поднял глаза на непринужденно усевшегося напротив монаха. Сердиться не было смысла — постоялый двор всегда на время размывает сословные различия, так уж повелось, все здесь одинаково гости, сведенные случаем, и некоторая доля вольности в общении присутствует. К тому же рыцарь, хоть и старинного рода, не мог похвастаться принадлежностью к влиятельному племени завсегдатаев королевского двора. Это сказалось.

— Почему ты думаешь, что дракон близко? — спросил рыцарь хмуро. — Ты что, его видел? Вас ведь куда только не заносит... Видел? Или слышал что-нибудь?

— Не было необходимости видеть своими глазами.

— Может быть, у тебя есть волшебная ветка, как у лозоходцев, только не на воду, а на дракона?

— Нету, — сказал монах. — А жаль. Хорошо бы можно было заработать. Хотя... Видишь ли, мессир, дракона не так уж трудно искать. Нужно всего лишь, где бы ты ни проходил, внимательно прислушиваться к рассказам обитателей тех мест о драконах. Чем дальше ты от логовища дракона, тем фантастичнее рассказы о нем. Чем ты ближе, тем больше сведения о нем приближаются к истине.

— Какой? — тихо спросил рыцарь.

— А вот прежде чем познать истину, человек должен знать, что такое истина, или знать по крайней мере, какой он себе эту истину представляет, — сказал

монах, лениво зевнул и с прихлупом высосал из кувшина остатки вина. — Истина, к сожалению, многолика и не всегда похожа на наши представления о ней. То, что у меня кончилось вино, — истина. Но то, что у меня есть еще кувшин, — тоже истина. Является истиной и то, что во времена прадедов наших прадедов, как гласят хроники, драконы встречались гораздо чаще. Может быть, этот, в здешних местах — последний в Европе. Очень похоже на то.

— Значит?..

— Да есть он, есть, я уверен. Итак, и это истина — то, что люди уничтожают драконов, оставшихся от седой древности, и вскоре, судя по всему, драконы исчезнут без следа. Но не значит ли это, что некогда придет кто-то новый и начнет уничтожать остатки нас? Кто-то другой, для кого мы — затерявшиеся в глухомани остатки ушедшего времени?

Шут толстобрюхий, подумал рыцарь. Они у себя в монастырях пьют без меры и без меры читают, пока то и другое, вместе взятое, не заставляет их свихнуться окончательно, и они тогда перебирают слова, как деревенский дурачок камушки — просто так, без цели и смысла, потому лишь, что камушки поддаются, не протестуя.

Он встал и ушел под навес, закутался в тяжелый плащ, устроился в куче соломы. За перегородкой время от времени шумно вздыхали лошади. Истина...

Да где она наконец? В чем она для рыцаря не первой молодости? Уж, конечно, не в том, что грезится только что опоясанным юнцам...

Королевская служба, блеск двора. Потаенная беззвучная чехарда от злобного шепота очередного временщика до откровенного яда в бокале, несущие тебе смерть. Стройная пирамида вассальных взаимоотношений с королем наверху — нынче она лишь отголосок былой патриархальности и порядка, бледная их тень. Пирамида мало-помалу превращается в скопище спеси-

вых гордецов, ни во что не ставящих сюзерена. Формально подчиняются все, и, когда король собирает войско, каждый рыцарь, как полагается, является с запасом провизии — он обязан служить королю, пока не кончатся у него съестные припасы. Но все чаще и чаще «запасы провизии» оказываются одним-единственным окороком, который не трудно слопать за пару дней, чтобы потом на законном основании убраться восвояси в свой замок. И к тому же войны все больше превращаются в скопище нескончаемых поединков, схваток рыцарей, стремящихся выбить из седла врага, такого же рыцаря, со всей возможной деликатностью, чтобы, не дай господи, не сломал шею — ведь с мертвого выкупа не возьмешь, кроме того, что на нем... Такие войны опасны тем, что выработанные в них правила и привычки въедаются в сознание и лишь мешают, когда битвы идут за пределами христианского мира, уже всерьез, — не потому ли так позорно закончился второй крестовый поход, Дамаск так и не пал? Турниры лишь способствуют воспитанию новых и новых алчных душонок, жадно взирающих на чужие доспехи и коней, — пусть турниры и сохраняют в глазах многих романтический ореол. Как-никак сложный красочный церемониал, развеваются полотнища с гербами, снуют герольды, смеются прекрасные дамы...

Прекрасные дамы... Которые с привычной легкостью и скукой изменяют мужьям с любовниками, а любовникам с псарями и пажами. Ложь и непостоянство постепенно образуют второй кодекс, негласно существующий бок о бок с воспеваемым менестрелями и труверами, и уже непонятно, который из двух кодексов правит жизнью, и уже смешны ищущие постоянства и верности, и уже страшно иметь детей, зная, что они пройдут по тому же кругу с теми же мыслями.

Что-то неладно. Рыцарство, пленники собственной свободы, — в когтях болезни, возможно смертельной. Конечно, приятнее и легче ее отрицать, подавляя бес-

покойство. Но тем опаснее растущие словно на дрожжах города — там думают о своем, пестуют свои идеи и истины, и скоро ли осмелится уже в полный голос отстаивать эти свои идеи и истины люд, на который пока принято смотреть свысока? Что, если совсем скоро? Что-то неладно. Мы больны...

Где же выход? Не потому ли столь долго предаются бродяжничеству ищущие Святой Грааль, что проведенное в поисках время насыщено смыслом и целью? Может быть, давно нашел некто чудесную чашу, искрящуюся, если верить преданиям, мириадами радужных лучей, — но тут же закопал вновь, еще глубже? Зная, что, привезенная на всеобщее почтительно-завистливое обозрение, она навсегда лишит чего-то важного нашедшего и всех остальных?

Хвала господу, дракон — это неподдельно. Скачка навстречу огненным языкам, рвущимся из смрадной глотки, битва, в которой возможны лишь два исхода. При удаче ты всем напряжением сил выходишь в бесспорные триумфаторы, при поражении тебя просто не станет, и, что бы ни существовало там, за порогом бытия, все земное перестанет волновать. Не для разрешения ли мучительных раздумий над сложностью бытия бог и создал драконов?

Но вскоре его горькие и тревожные мысли незамеченно перетекли в покойную дрему и он уснул без снов. Он никогда почти не видел снов и не сожалел об этом. И никогда ни с кем не делился своими мыслями, считая это уделом книжников — навязывать другим свои рассуждения и тревоги посредством проповедей, песен и пергамента.

Проснулся он до рассвета, лежал, глядя, как бледнеют, растворяются звезды и все четче проступает на фоне неба острая, как хребет заморенной коровы, крыша постоянного двора. И вновь прежде всего подумалось о драконах.

Все поголовно рыцари, познакомившись с «Песнью

о Нибелунгах», дружно осуждали Зигфрида — не было особого геройства в том, чтобы, укрывшись в яме, прыгнуть оттуда мечом в брюхо идущего на водопой дракона. Победа без поединка — победа наполовину. К сожалению, не удавалось обобщить и систематизировать опыт драконоборцев, создать писаное руководство для боя — как правило, о поединке и победе удачники рассказывали не иначе, как пьяными вдрызг, явно привирая и смешивая собственные впечатления с рассказами предшественников. Впрочем, их можно было понять. Дело не только в том, что после такой победы они имели бесспорное право на беспробудное пьянство и беззастенчивое бахвальство. Совсем не в том дело. Просто рыцарь хорошо знал, что сплошь и рядом шалая горячка боя отшибает память напрочь, и поневоле после тщетных попыток вспомнить хоть что-то приходится безбожно врать...

Единственное, что привилось с легкой руки одного рыцаря ордена госпитальеров, — натаска на чучеле. Огромное чучело дракона, чьи члены приводились в движение хитро укрытыми слугами, шевелилось и клало пастью, иногда даже ревели посредством потаенных труб, пускало огонь и дым. На нем приучали к схватке с чудовищем лошадей и собак. Рыцарь тоже изрядно потратился на чучело, месяц его боевой конь и молосские доги учились не пугаться страшилища. Это давало кое-какой шанс, но триумфа, разумеется, не гарантировало — триумф зависит лишь от тебя самого.

Двор был пуст, как душа ростовщика. Постукивали копытами в доски денника отдохнувшие и чужавшие дорогу кони, тучи исчезли, оставляя в странной убежденности, что путешествие приблизилось к пределу, ристалище подготовлено к турниру, пусть и без зрителей, без герольдов. По-видимому, те же предчувствия испытывал возникший из-за угла конюшни Адриан с перепачканными коленками — он шагал с просветленным, важным лицом святого мученика, шествующего под пилой языч-

ников. Рыцарь хмыкнул и поднялся на ноги, сильно встряхнул плащ, чтобы осыпались соломинки. Подскочили доги и заплясали вокруг него, тычась в ладони угловатыми мордами, влажными носами.

— Обойдемся без завтрака, — сказал рыцарь, хотя и не прочь был поесть. — Седлай коней. Ошейники псам, живо!

Вот и все, и постоянный двор остался позади, как сон, и отдохнувшие кони резво отсчитывают мили, а псы мечутся зигзагами по обе стороны короткой кавалькады, расширенными влажными ноздрями вбирая мириады недоступных человеку запахов. Среди этих запахов драконьего пока нет — псам он известен, у рыцаря есть клочок драконьей шкуры, раздобытой у старого друга отца, победившего дракона в молодости. Псы спокойны, резвятся посреди тихого утра. Дорога идет под уклон, слева зубчатая темно-синяя полоса далеких гор, за огромной пустошью справа — лес, выгибающийся впереди сарацинским клинком, обращенным острием от путников; и там, вдали, дорога уходит в этот лес, пересекая до того широкий ручей. И рыцарь вдруг понял, что видит место, в точности отвечающее описанию, тому самому, раздобытому за немалые деньги, — преддверие подвига, преддверие драконьего логова, победы или смерти. Адриан бледен — он тоже вспомнил и понял.

И все-таки рыцарь не торопился надевать доспехи, он ехал шагом, и предчувствие несомненной опасности хмельно разбегалось по жилам и жилочкам, до кончиков пальцев, стиснувших широкие, шитые шелками и золотом поводья. И он не смог бы описать свои ощущения, когда один из догов вдруг опустил морду к земле, шерсть на его загривке встала дыбом, щеткой, и клокочущее рычание, злобное и чуточку жалобное, рванулось из его глотки.

На берегу ручья во влажную землю был впечатан неправдоподобно четкий, огромный, страшный четы-

рехпалый след. Оставившая его лапа, должно быть, походила на куриную, но размеры, когти!

Доги исходили бухающим лаем, метались над ручьем. Обладавший большим охотничьим опытом рыцарь видел, что след свежий, и на них, вполне возможно, смотрят сейчас из недалекого леса огненные глаза. Ручей словно отсекает прошлое, все предшествовавшее отсекает от этого мига, и боевые трубы ревут в ушах, и сладость достижения цели ласкает сердце.

— Доспехи! — сказал рыцарь страшным голосом. — Живо!

Адриан двигался деревянно, как марионетка на ваге бродячего кукольника, но резво. Живая плоть быстро исчезала под стальной скорлупой. Рыцарь сидел на коне в полном вооружении, но без шлема, держа его перед собой на луке седла — тому были причины. Теперь он видел, что следов множество, есть, кроме больших, и значительно меньшие — детеныши?

— Ну, смотри! — сказал он Адриану бешено. — Попробуй только сбежать или отстать! Сам напросился!

Коротко скомандовал догам, и псы, уткнув носы в землю, двинулись по следам, распутывая их невидимое кружево. Вскоре они, отлично натасканные звероловы, устремились к лесу и шумно вломились в переплетение ветвей. Рыцарь достал медную трубку со стеклами с обеих сторон, приставил ее к глазу, зажмурив другой.

Он привез это из Палестины. Небольшая случайная услуга старому сарацинскому звездочету, чрезвычайно высоко тем оцененная, — и в руках у рыцаря оказалось наверняка единственное в Европе приспособление, делавшее далекое расстояние близким для глаза. В свое время он собирался было преподнести трубку королю, но что-то подтолкнуло укрыть. И правильно сделал — интересно было ночами наблюдать с башни звезды, а днем окрестности. Не говоря уж о том, как полезна эта вещь на охоте.

Там, впереди, далеко, но близко для глаза... Длинное, низкое, буро-зеленое тело мелькнуло меж мшистых стволов и с пугающей быстротой заскользило по пустоши в сторону гор, и два таких же существа, только меньше, гораздо меньше, с крупную собаку величиной, помчались следом, а вдогонку с лаем неслись доги. Рыцарь ощутил укол досады и облегчение одновременно — дракон огромен, но не устрашающ и больше всего напоминает увеличенную во много раз ящерицу из тех, что он мальчишкой ловил в заболоченном рву отцовского замка, давно уже ставшего его замком.

Он нахлобучил шлем и поскакал следом, во весь голос выкрикивая фамильный девиз. Дракон мчался быстро, но конь несся быстрее, и расстояние меж ними сокращалось, доги настигли детенышей, вцепились в них, и по земле покатались два рычащих и шипящих клубка. Рыцарь проскакал мимо них, клоня к земле трехгранный наконечник копья. Дракон остановился с маху, пробороздив задними ногами землю, повернулся — наверное, спасти детенышей. Он и рыцарь оказались друг против друга.

Сейчас ощеренная пасть изрыгнет огонь, и нужно изловчиться, подставить коня, загородясь его грудью и щитом...

Но не было огня, и рыцарь с налета ударил, целя копьём в пасть, усеянную не страшными клыками, а довольно мелкими зубками, в последний миг дракон успел увернуться, и трехгранное острие вошло ему в шею — легко, словно в мешок с пухом, а в следующий миг добротное просушенное древко с хрустом переломилось, конь пронес рыцаря мимо, но он тут же развернулся, вытащил меч, занес его...

И тут же натянул поводья. Дракон бился на земле, перекаtywаясь и выгибаясь, шипя и вереща мерзко, громко, жалобно, темная кровь сгустками брызгала во все стороны, хлестал хвост, шипение сменилось хрипом, и рыцарь рванул коня в сторону, чтобы случайный удар

хвоста не переломал благородному животному ноги. Дракон барахтался все медленнее, а там и вовсе завалялся на спину, показав грязно-желтое, совсем как у тех, маленьких ящериц из рва, брюхо. Четырехпалые лапы еще дрыгались, ощущение страшного обмана, беспечности и бесполезности предприятия пронзило рыцаря, движения агонизирующего чудовища, которое во все не было чудовищем, становились все более вялыми, и, спасая что-то в себе, рыцарь соскочил с седла, подбежал, обеими руками вскинул меч и опустил его со всей силой, на какую был способен.

Снеся голову, лезвие косо ушло в землю, рыцарь схватился за рукоять сильнее, едва удержав равновесие. Хлынувшая кровь испачкала его с ног до головы. Вот так просто? И все? Но...

Он выпустил рукоять и стащил шлем, преодолевая истерический хохот. Оглянувшись. Доги рвали неподвижных детенышей, шагом приближался Адриан с коротким мечом в опущенной руке, и лицо у него было словно бы мертвым, пустым. Рыцарь знал, что у него самого точно такое же лицо, не отражающее ни радости, ни даже безмерной опустошенности. Потому что к такому вот повороту событий он, победитель последнего в Европе дракона, никак не был готов. Можно и не вспарывать брюхо этой твари, оказавшейся столь беззащитной, — наверняка там не окажется ничего, кроме листьев, ветвей, травы да мышей, быть может. Какие там останки предшественников...

Никаких сомнений — эта голова, эти лапы, этот хвост как две капли воды походили на красовавшиеся во многих замках, и такая же в точности шкура пошла на конские чепраки и носимые поверх доспехов плащи. Другого рода драконов не существовало в природе, следовательно, все прошлые победы были столь же молниеносными и легкими. Дикий кабан не в пример опаснее...

Один из мифов, на которых покоилась слава рыцар-

ства, рассыпался для него прахом, как для всех его предшественников. Такой вот дракон, такое вот заблудившееся в настоящем порождение прошлого. И впереди лишь два пути — разоблачить все, выступить против всего рыцарства, столкнувшись при этом с таким жестоким клубком ущемленных интересов, развенчанной славы, обид и злости, что при одной мысли об этом хочется выть. Или — оставить все, как есть, презирая себя, но не вызвав презрения окружающих и предшественников в качестве предателя рыцарского сословия. Два пути, две дороги. «О да, графиня, это была тяжелая работа, сначала из смрадной пасти вырвалось пламя, но мой щит был прочен, а меч острее...» Теперь не грех и отправиться ко двору, теперь гордая Бланка... Теперь он — победитель дракона, что влечет...

Господи, стоном хлынуло из горла, из сердца, из души, ну объясни же, зачем ты затеял все это?! Или, что еще страшнее, ни ты, ни дьявол здесь абсолютно ни при чем, и наш выбор — исключительно наш выбор?

Он застыл, как аляповатая статуя, — герой, и у его ног поверженный дракон. Доги недоуменно ластились к нему, тычась окровавленными мордами.

Не хотелось жить. Он был несчастен — его мечты сбылись.

ПЛАНЕТА ПО ИМЕНИ АРТЕМОН

С недавних пор в жизнь Митрошкина вошли загадочные и неприятные странности. Связаны они были с дочерью Ленкой шести лет от роду и неизвестно откуда взявшейся собакой.

О собаке Ленка мечтала давно и однажды заявила об этом без обиняков, но ей было решительно отказано — собака не вписывалась в интерьер. Паркет, ковры, лак, хрусталь, и на этом фоне тварь с непредсказуемым поведением, способная исцарапать одно, изодрать

другое и разбить третье, — при такой мысли Митрошкину становилось зябко. Правда, собаки сейчас были в моде, и Митрошкин подумал как-то, что роскошная бело-желтая колли удачно дополнила бы общий рисунок квартиры, но больно уж хлопотно... С неодушевленными вещами гораздо проще, жрать не просят, гулять — тоже.

Одним словом, в собаке Ленке было категорически отказано. Несколько дней она дулась, были даже слезы, потом как-то незаметно успокоилась, притихла и даже, кажется, повеселела. Митрошкин достал через нужных людей японскую электронную собаку, которая и хвостом виляла, и лаяла, разве что не гонялась за кошками. И продолжал благотворно трудиться на благо общества и свое. Был он среднеответственным божком торговой сети и жить умел — то есть прихватывал регулярно, но не зарывался и оттого выпадал пока из поля зрения зоркоглазых товарищей с красными книжечками.

Он не сразу заметил, что электронное чудо пылится в углу, а заметив, собрался было прочесть Ленке лекцию о собственном трудном детстве, но не успел — подступили странности.

Сначала о пуделе, якобы купленном им для дочки, с восхищением отозвалась соседка. Митрошкин отделался многозначительными междометиями и поскорее прошмыгнул в подъезд. На завтра о пуделе заговорил сосед. Потом еще один. И еще. В общей сложности человек десять. Митрошкин кивал и поддакивал, ни черта не понимая. На время, к некоторой пользе для государства, были заброшены пересортицы и усушки-утруски. Митрошкин раздумывал, сопоставлял и анализировал.

Постепенно оформилось следующее. Два раза в день Ленка подолгу гуляла в скверике с красивым черным пуделем, отзывавшимся на кличку Артемон. На расспросы отвечала, что купил папа. Соседи по площадке несколько раз видели, как Ленка заводила пуделя в

квартиру. И происходило все исключительно в часы, когда не было дома ни Митрошкина, ни его жены.

Митрошкину казалось, что он спит и видит дурной сон, но проснуться никак не удавалось. На окольные расспросы о таинственном пуделе Ленка недоуменно распахивала глаза, а соседи исправно продолжали выкладывать новые подробности собачьей жизни. Предполагать, что они чохом спятили, Митрошкин не решался. В изощренный розыгрыш не верил. В своем рассудке тоже не сомневался. И тем не менее «его» собака существовала...

Доведенный до отчаяния этой фантасмагорией, Митрошкин однажды решился, нагрянул домой в неурочное время и прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть Ленку, входящую в подъезд с черным пуделем на поводке.

Загудел, поплыл вверх лифт, и Митрошкин кинулся следом, отмахал несколько пролетов и остановился так, чтобы его нельзя было увидеть с площадки. Щелкнули, разошлись дверцы, когти процокотали по бетону, и Ленка с пуделем скрылись в квартире. Вскоре Ленка вышла одна и уехала вниз.

Митрошкин трясущимися руками отпер дверь. Кухня, комната, другая, третья. Он заглянул в ванную и туалет, вернулся в кухню, потянулся было к дверце холодильника. Вовремя опомнился и выругал себя.

Он сам видел, как собака входила сюда. Никакой собаки в квартире не было. Факты исключали друг друга, но как же, как же? «Может, я — того? — подумал Митрошкин. — Вообще-то к лучшему, на суде сыграть, если вдруг, не дай бог... Нет, но как же? Пудель-то был?»

Ничего почти не соображая, он зашел в Ленкину комнату. Огляделся. Выдвинул ящик стола.

Рядом с куклой лежали плетеный кожаный поводок и узкий изящный ошейник.

— Ага! — обрадовался Митрошкин и выдвинул второй ящик. Отшатнулся.

Ящик был залит неизвестно откуда идущим светом, и в нем кружился вокруг невидимой оси шарик с небольшой апельсин размером цвета, сочной молодой зелени — точь-в-точь поля, памятные Митрошкину по деревенскому детству. Митрошкин не решился протянуть руку и дотронуться — вдруг током стукнет или еще что... Он застыл над ящиком, а шарик кружился неспешно и размеренно, и вдруг черное пятнышко с полспички длиной показалось из-за края, пересекло шарик нанскось и снова скрылось, но Митрошкин, напрыгав глаза до рези, успел его рассмотреть.

Собака. Пудель. Артемон проклятый.

— Паршивка... — сказал Митрошкин сквозь зубы.

О странности открывшегося ему зрелища он не думал. Он думал, что в принципе такая собака его вполне устраивает — она есть и ее нет в квартире, под ногами не путается, ничего не испорчено, все довольны. Потом спохватился — не о том думает. Уж если Ленка в таком возрасте научилась хитрыми способами обходить отцовские запреты, то чего ожидать потом и как это будет выглядеть? Нет, поблажек не допустим!

Он рывком выдернул ящик, держа его перед собой на вытянутых руках, вынес на площадку. Крохотная планетка безмятежно вращалась, песик, задрав головенку, вглядывался в Митрошкина. Кладнула, словно винтовочный затвор, дверца мусоропровода, ящик, гремя, полетел вниз, там, внизу, что-то звонко лопнуло, и пахло сухим жаром. Митрошкин опасливо приблизил лицо — нет, ни дыма, ни запаха гари. Тем лучше.

Он обернулся. На верхней ступеньке стояла Ленка, и глаза у нее были такие, что Митрошкин на секунду пожалел о содеянном, но опомнился и сурово начал:

— Ты что же это в дом всякую дрянь...

Земля ушла у него из-под ног. Все поплыло, сорвалось куда-то.

...Свет лился непонятно откуда, он был везде. Митрошкин стоял на жесткой поверхности цвета висевшего у него в гостиной ковра. Метрах в двадцати впереди поверхность покато обрывалась в никуда. И сзади, и справа, и слева, и со всех сторон то же самое. Словно он стоял на огромном шаре. Шар. Огромный шар. Или крохотная...

Митрошкин все понял и закричал — громко, испуганно, жалобно, тоненько.

Крик заглох, словно его растворил и всосал неведомо откуда идущий свет, белеющие вдаль исполинские стены, в которых не сразу, но угадывалась внутренность ящика стола.

Митрошкин закричал вновь.

И — никакого ответа, не говоря уж об эхе.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУТИ

Человек бежал быстро и размеренно, расчетливо захватывая полной грудью порции воздуха и выдыхая одновременно с рывком правой ноги вперед, один выдох на три рывка — наработанный за годы ритм опытного охотника. Он не спешил — пятна крови и следы говорили, что олень невосвратно теряет силы и вскоре рухнет там, впереди, где зелень и буйноцветье саванны сливаются с Великим Синим Ясным Небом. У этих людей существовало множество слов для обозначения цвета и состояния неба в разное время суток, разную погоду, даже разные времена года. Но Великим оно было всегда, оно изначально нависало над миром, над живым и неживым, оно светило мириадами звезд, гневало молниями и насылало чудовищ.

Неподалеку, слева меланхолично перетирают зубами траву пятеро мамонтов. Косматые громады спокойны — они не боятся одиноких охотников.

Человек бежал по саванне поблизости от побережья

океана, который лишь через десять тысяч лет приобретет право именоваться Северным Ледовитым. Пока что для такого названия просто-напросто нет оснований — льда нет и в помине, климат мягок, носороги чувствуют себя прекрасно у этих берегов. Человек тоже. Разумеется, с учетом неизбежных опасностей, подстерегающих на земле и налетающих с неба.

Резные шарики и подвески костяного ожерелья постукивают по выпуклой груди. Рука сжимает легкое удобное копьё, мир прост и незатейлив, цель ясна. Медь, что пойдет на шумерские и вавилонские мечи, покоится глубоко в недрах земли. На Байконуре и мысе Канаверал режут саблезубые. На всей планете нет пока что ни одного металлического предмета своего, земного производства.

Впереди — небольшая роща, островок деревьев посреди саванны, взгляд не в состоянии пронизать его насквозь, и опытный охотник Вар-Хару резко забирает влево, заранее отведя копьё для возможного удара, — бывает, смертельно раненный зверь в приступе яростного отчаяния выбирает такие вот уголки для последнего боя.

Все чувства охотника обострены, он привык к неожиданностям и оттого даже не вздрагивает, увидев перед собой вместо разъяренного, истекающего кровью оленя — людей. Не совсем таких, как обычные люди, правда. Двоих.

Он стоит, изготовив копьё, левая рука готова выдернуть из-за пояса метательный нож. Глаза охотника, мастера чтения звериных следов, различающие десятки оттенков в красках неба, вбирают детали и частности, как сухой песок впитывает воду.

Их двое, тех, иных, они ниже и тоньше в кости и, судя по особенностям лиц, принадлежат к чужому, неизвестному племени. То, что на них надето, цветное, яркое, поблескивающее, непонятное — неизвестно, из чего сделано; и вовсе уж странным кажется то, большое,

рядом с ними — что-то прозрачное, что-то сверкающее, диковинных очертаний, с подобием крыльев по обе стороны стрекозиного тела. То ли это гигантская птица из застывшего льда, то ли замерзший и оттого ставший видимым вихрь. Почему-то это вызывает у охотника Вар-Хару мысли о полете.

А вот опасности для себя он не видит. Эти двое не выглядят серьезными противниками, он наверняка разделается с ними даже голыми руками, возникни такая нужда. У них к тому же нет ничего похожего на оружие — один держит в руке что-то короткое, маленькое, блестящее, трубку какую-то, но выглядит эта вещь, с точки зрения охотника, неопасной. И лица у них спокойные, не злые.

Собственно, долго раздумывать не над чем. Опасности нет. Племя из людей, подобных этим двоим, никак не способно угрожать племени охотника, не раз доказывавшего свою силу любителям легкой поживы. К тому же саванна никому не принадлежит, всякий, откуда бы он ни явился и куда бы ни шел, вправе иметь свою тропу. Так гласит строгий кодекс чести. У соплеменников охотника нет привычки набрасываться на чужого только за то, что он чужой. Саванна принадлежит всем, кто идет по своим делам и не путается в чужие, уважает чужую тропу.

Поэтому охотник выпускает копье, повиснувшее на запястном ремешке, показывает тем двум раскрытые ладони, дает понять, что на беззлобность он отвечает тем же и не видит причин для схватки, что он — солидный охотник, знающий закон саванны и соблюдающий его, а не член шайки бродяг. Они явно поняли — тоже показывают пустые ладони. На этом пути их должны разминуться — как с ними объясниться, да и зачем? Достаточно того, что обе стороны уважают чужую тропу и показали это.

След зовет, зовет долг, и охотник, отодвинувшись бочком, бочком, вновь переходит на размеренный бег.

Ощувив мимолетный прилив любопытства, он все же оборачивается, как раз вовремя, чтобы увидеть бесшумно взмывающий в небо порыв замороженного ветра, ледяную птицу в синеве. Он не собирается над этим думать — мир необозрим, и в нем всегда можно столкнуться с тем, чего не видел прежде. Вереницы странных предметов и загадочных явлений бесконечны. Старики рассказывают о вещах и занятнее, и если уделять им время и мысли, таковых не останется на исполнение долга. А его долг, как и прочих охотников, — добывать для племени мясо. Так что по возвращении все уместится в несколько коротких слов. А может, он и вовсе не будет упоминать о сегодняшней встрече. Лучше уделить внимание небу — его цвет меняется...

Бугорок впереди растет и принимает облик уткнувшегося мордой в землю оленя — ветвисторогого, жирного, достойной добычи. Охотник метнул костяной нож, но туша не шевельнулась, не вздрогнула — олень мертв. Тогда охотник подошел уже безбоязненно, выдернул нож из загрызка, испустил короткий победный клич и сноровисто, без лишней суеты стал разделявать тушу. Передохнуть он себе не позволил — нужно было управиться до темноты.

Жаль, что не унести все одному, половина мяса достанется стервятникам, но что тут поделать, если после нападения на стадо охотники разделились и каждый погнался за своей добычей. Если каждый из его товарищей принесет столько же, добыча будет неплоха. В любом случае своей славы хорошего добытчика он не уронил.

Стоя на коленях, туго перетягивая ремнем свернутую в трубку шкуру, он почуял опасность. Жизнь научила его остро чувствовать опасность заранее. Но на сей раз это был не зверь. Что-то другое. Свист, клекот, рев приближаются, наплывают словно бы сверху. И Великое Ясное Синее Небо уже запятнано черным грузным облаком!

Он так и остался на коленях — слабость разлилась

по телу, кончики пальцев бессильно скользнули по древку копья. Теплилась надежда, что он ошибся, что вся обойдется, но рассудок безжалостно свидетельствовал, что приближается самое ужасное чудовище на свете, страшнее тигров, носорогов и совсем уж редко встречавшихся в последнее время ящеров — Небесный Змей, Владыка Высот. Бежать бессмысленно, оружие бессильно, спасения нет.

Грохот, рев и вой были сильнее шипения тысячи змей. Темное бесформенное тело быстро приближалось, заслонив солнце, тень, густая и холодная, упала на цветы и травы, на окаменевшего в смертельном ужасе славного охотника Вар-Хару, черный хобот бешено вертелся, пританцовывал на возвышенностях, окруженный желтоватым сиянием и огненными шарами, хлестал по земле, поднимая тучи пыли и вороха вырванных с корнем кустарников. Рык чудовища поднимал, уничтожал крохотную, разумную, живую песчинку.

Подхваченная шупальцем небольшая антилопа взлетела и, кружась, скрылась в облаке, но рычание не утихало, и охотник понял уголком не залитого ужасом сознания, что Небесный Змей голоден, очень голоден и не удовлетворится мелкой поживой.

В лицо ему летели уже пыль и трава, огненные вспышки слепили, ветер вот-вот должен был сбить с ног, завертеть и швырнуть в пасть чудовища. Не было мыслей, не было чувств, не было побуждений — только страх и холодное осознание смерти. Мир исчезал вместе с ним, распадался, гас.

И он не сразу понял, а сообразив, долго не мог поверить, втолковать самому себе, что вокруг него уже не кружит перемешанная с землей трава, что рев и вой слабеют, затухают, а солнце вновь жарко касается лица.

Смерч стремительно удалялся к горизонту, тускнел блеск шаровых молний, стих грохот, похожий на шип тысяч змей, вокруг там и сям чернели пятна и полосы

взрыхленной земли, и в воздухе стоял свежий грозовой запах.

Охотник выпрямился во весь рост, пошатываясь, его бросало то в жар, то в холод, прошибла испарина, зубы лязгали. С сумасшедшей радостью он вновь вбирал запахи и краски мира. Дрожь не унималась, и тогда он неверными пальцами рванул с пояса нож, черкнул по боку и зашипел сквозь зубы от горячей боли.

Это помогло, привело в чувство, длинная царапина саднила, пекло, кровь поползла по боку, боль помогала вернуть телу спокойствие, равновесие — душе.

Все, как рассказывали старики — ужас высот, чудовище, что таится в не известном никому логове и время от времени проносится над землей в ореоле шарообразных огней и грохота, пожирает и убивает людей. Его мысли и намерения предугадать невозможно — оно может и пронестись мимо застывшей в ужасе добычи, что сейчас и произошло. Кто знает все о чудовищах?

Охотник снял крышечку сосуда из оленьего рога и тщательно замазал царапину прямо пахнувшей травяной пастой. Кровь почти сразу же перестала сочиться — знахари племени знали свое дело. Потом он тщательно отер пальцы и смазал лицо пастой из другого сосуда, возвращавшей силы уставшему. И взвалил на плечи мастерски опутанные ремнями куски свежего мяса, пристроил на лоб облегчавшую переноску груза лямку. Подобрал копье и тронулся в неблизкий путь, шагая быстро и размеренно. Пережитый ужас понемногу вымывался из памяти, таял. Слишком сурова была жизнь, слишком много опасностей существовало вокруг, чтобы оставить место лишним переживаниям.

Рассказать о встрече с Небесным Змеем, разумеется, предстоит со всеми подробностями. Так полагается по давним обычаям сохранения и приумножения знаний и опыта. Что касается тех двух, странных, их ледяной птицы — о них он уже забыл навсегда. Такие мелочи были чересчур ничтожными перед тем, что отныне охот-

ника будут именовать Вар-Хару, Который Встретился С Небесным Змеем И Уцелел. А людей, которых называют так, очень мало, так что есть чем гордиться.

Хорошо бы убить Небесного Змея, подумал охотник. Любого зверя, как бы велик и страшен он ни был, можно убить, нужно только изучить его повадки и уязвимые места. Славный был бы подвиг...

И дальше он думал только об этом.

ВАШ УЮТНЫЙ ДОМ

— Все это сказки, — сказал человек за столом. — Досужие измышления. Я уже устал объяснять, что не использую оживших мертвецов-зомби, а также заклинаний полинезийских колдунов и тайн халдейских манускриптов. Мои методы порождены нашим веком. Вы не верите, да?

Мэрфи с сомнением покачал головой. Возможно, он и не был бы таким настойчивым, но не мог отделаться от ощущения, что его пытаются надуть. Даже учитывая специфику ремесла своего собеседника, он считал, что помещение слишком убогое — крохотная комнатуха с обшарпанными голыми стенами, мигающая газосветная лампа, стол и два стула. Это угнетало. Или ремесло как раз и требовало такого вот антуража? Как нарочито старомодные конторки в старом почтенном банке...

— Вы только поймите меня правильно, — сказал Мэрфи чуть ли не просительно. — Я вас не знаю. Я только что вручил вам пятьдесят тысяч за то, чтобы вы избавили меня от... Ну, от него. Вы обещаете, что сможете сделать это быстро и ни один детектив мира не докопается до истины, не заподозрит злого умысла. Но я бизнесмен и привык иметь твердые гарантии...

В лице человека за столом не было ничего демонического или преступного.

— Может быть, вы и правы, — сказал он неожиданно мягко. — Но поймите, для вящего душевного спокойствия иногда лучше и не интересоваться подробностями. Это может плохо кончиться для вас.

— Глупости, — энергично отмахнулся Мэрфи. — Я не во дворце родился, знаете ли. Неужели в наше время кого-то может ужаснуть новый способ э-э... устранения? В наш-то век? Глупости!

— Ну, если вы настаиваете... — пожал плечами человек за столом. — В конце концов заказываете музыку вы... Так вот, мы живем в мире электроники, взявшей на себя многие функции, когда-то выполнявшиеся самим человеком. Миниатюрная ЭВМ управляет вашей машиной, когда вы едете по городу, вашим телевизором, кухонной печью, замком входной двери и гаража, ванной, садовой косилкой...

— Это очень удобно, — сказал Мэрфи, — смешно читать, что наши отцы своими руками водили машину, готовили еду, таскали косилку по газону или поворачивали ключ в замке.

— Смешно, — согласился человек за столом. — Ваш домашний компьютер работает по заданной программе. Бытовыми компьютерами индивидуальных потребителей управляет главный городской компьютер. Но все компьютеры программируют люди...

— Стойте! — У Мэрфи вдруг перехватило дыхание. — Я... мне не стоило говорить, но я занимаюсь как раз бытовой электроникой. Неужели... программы?

— Вот именно, — сказал человек за столом. — Программы и программисты. Ну скажите, кого сажать на электрический стул, если управляемая компьютером машина внезапно на полной скорости сворачивает с дороги и врезается в стену? Если дверь гаража упала на голову его владельцу? Если сквозь воду в ванне был пропущен ток? Если домашний киберврач вместо аспирина синтезировал цианистый калий? Есть еще телевизор, одеяло с электроподогревом, тостер, люстра и мно-

гое другое... Если все домашние вещи ополчатся против своего хозяина, рано или поздно он погибнет, и все детективы планеты не докопаются до истины.

— И только? — Мэрфи был немного разочарован. — И все?

— Нет, — человек за столом улыбался. — Видите ли, программист должен быть гением. Таким, как я. До появления второго гения я неуловим и неуязвим. Гении, правда, рождаются крайне редко.

— Постойте! — крикнул Мэрфи, подавшись вперед. Его волевое лицо всем обязанного самому себе дельца бледнело на глазах. — Но ведь точно так же кто-то может заплатить вам... или другому гению за МЕНЯ? Тогда мне придется с ужасом смотреть на свой телевизор, машину, и рано или поздно...

— Я же вас предупреждал, — сказал человек за столом и отвернулся, чтобы не смотреть на Мэрфи, нервными, слепыми шажками идущего к двери.

* * *

«Безусловно, сенсацией дня следует считать самоубийство президента концерна «Вест Электроникал» Х. Дж. Мэрфи. Как мы уже сообщали, покойный в последнее время проявлял явные признаки умственного расстройства, отказывался ездить в автомобиле, пользоваться бытовыми электроприборами и неоднократно пытался убежать, по его собственным словам, «в леса и горы, где еще нет этих адских штук». Предполагают, что на рассудок известного предпринимателя повлияли сложные перипетии борьбы с конкурирующим концерном «Норд Электроникал».

— Bravo, Джек! — президент концерна «Норд Электроникал» небрежно отшвырнул газету. — Вот это я называю отличной работой. Черт побери, это похоже на колдовство — вы, ничего не смыслящий в кибернетике литератор, смогли прикинуться гением-кибернетиком

так искусно, что провели этого волка! Но ведь он мог не поверить, испугаться?

— Исключено. — Джек Райлер, не сделавший карьеры фантаст и с некоторых пор специальный советник концерна, сидел на подоконнике и безмятежно болтал ногами. — Дело не в кибернетике, а в человеке. Во-первых, многие в глубине души продолжают верить в злокозненность электронных мозгов, и я лишь подлил масла в огонь, подвел базу под его подсознательные страхи. Во-вторых, только человек без врагов не испугался бы на его месте. А разве он был человеком без врагов? Разве вы, Хэнк, человек без врагов? На его месте вы вели бы себя так же...

— Послушай, Джек, — глухо сказал президент. — У меня отличные специалисты по защите компьютеров от постороннего вторжения, а твой роман так и не дописан, и все же... Как ты думаешь, может найтись — не в твоём романе, а в жизни — гений-кибернетик, способный преодолеть все барьеры и превратить дом в убийцу?

Райлер долго молчал. Смотрел в окно на бесконечный поток автомобилей, которыми управляли компьютеры размером с пачку сигарет. Потом сказал, не оборачиваясь:

— Странные дела, босс. Ваш — вернее, теперь наш — дорогой конкурент, президент «Ист Электроникал», только что принял на работу двадцать шоферов. И купил дом за городом, не подключенный к сети главного компьютера. И подключать пока не собирается. Я, прежде чем идти к вам, просмотрел свежую сводку нашего Информационного центра, там много интересного, право.

Он слез с подоконника, подошел к столу и взял чашку кофе, только что сваренного киберповаром. Тут же отодвинул ее и сказал:

— А я купил себе велосипед, Хэнк...

Глядя ему в глаза, президент медленно-медленно отодвигал свою чашку и думал, что это глупо, что он не

успеет, что все равно домой придется ехать в управляемом компьютером лимузине, что и замок на двери его кабинета отпирается компьютером, что ему с его радикулитом необходим ежедневный электромассаж, что...

Кофе из опрокинувшейся чашки залил газету на столе, но уголок с некрологом остался сухим. И президент вспомнил, что окно его кабинета отделяют от тротуара девятнадцать этажей. Он совсем об этом забыл, а вот теперь вспомнил.

ДОМОЙ, ГДЕ РИМСКАЯ ДОРОГА

А на войне, как на войне.
А до войны, как до войны —
везде, во всей Вселенной.
Он лихо ездил на коне...

В. Высоцкий

Он сидел за столом, сколоченным из толстенных плах. Искудавший, заросший густой щетиной. Жареная курица дергалась в его ладонях, как живая, он вонзал зубы в мясо и резко дергал головой назад, отрывая куски, глотал, не прожевывая толком, торопливо отхлебывал эль, давился, кашлял. Справа стояло набитое наспех обглоданными костями блюдо, слева стояли рядом кувшины. Парочка зажиточных йоменов, оборванный монах, важничавший писец, белокрысы клирик и несколько крепко пахнувших селедкой рыбаков теснились поближе к двери — на всякий случай. За окном было густо-синее кентское небо, скучные холмы и старая римская дорога, пережившая не одну династию английских королей.

Он отшвырнул пригоршню куриных костей и схватил кувшин. Запрокинул голову, эль потек на грязную

старую кольчугу, на худые колени. Допив, размахнулся и грохнул кувшин об стену. Брызнули мокрые черепки.

— Вот такие-то дела, — со вздохом сказал в пространство трактирщик. Бесхитростное на первый взгляд замечание имело массу оттенков и сейчас вполне сошло бы за попытку начать разговор.

— Песок, — сказал рыцарь, ни на кого не глядя. — И снова песок. И сто раз песок, болваны...

Он поднял обеими руками меч и с силой воткнул его в пол, целя в некстати прошмыгнувшую кошку, но промазал.

— Там нет кошек, — сказал он вдруг. — И ничего там нет, кроме песка. Песок взмывается пыльными бурями, а из бурь налетают сарадины. Господи, ну почему? Почему все оказалось так непохоже на саги и эпосы? Когда мы высадились в Алеппо, каждый был Тэйллефером или уж Роландом по крайней мере. Мы грезили снами о смуглых красавицах, набитых драгоценностями подвалах и блистательных поединках на глазах у короля. А ничего этого нет. — Он сгреб пустой кувшин и шваркнул им в монаха, снесшего это с христианским смирением. — Ристалища обернулись нудными каждодневными рубками, божественные красавицы — толстыми скучными шлюхами, а гроб господень — просто щербатая и пыльная каменная плита. А султан Саладин никак не желает покориться, прах его побери...

— Но пряности... — осторожно сказал трактирщик, стоя так, чтобы при необходимости нырнуть за дверь. Совсем мальчишка, подумал он жалеючи.

— Пряности... — Глаза рыцаря были трезвыми и стеклянными. — Подумаешь, достижение — привезли сотню мешков с приправами для супа... Где зачарованные принцессы, я тебя спрашиваю? Где волшебные самоцветы? Где колдуны? Где драконы? Будь они все прокляты — и Ричард Львиное Сердце, и Болдуин, и остальные! Они отравили нам души. Они обманули нас.

Они обещали небывалые приключения, прекрасные чужие страны, похожие на миражи, а привели в преисподнюю — чахлые пальмы, верблюжий навоз и грязные лачуги, над которыми глупо вздымается крепость Крак...

Окно выходило на юг. На юге лежала та далекая земля, откуда он приплыл вчера. Он скривил губы, отвернулся и звонко плюнул на пол. Беззвучно подкраившийся трактирщик ловко поставил рядом с его обтянутым дырявой кольчужой локтем полный кувшин.

— Я и смотреть не хочу в ту сторону, — громко объявил рыцарь. — Той стороны света для меня не существует. Есть только север, запад и восток — и никакого юга с сопутствующими румбами. Там смешались с песком глупые иллюзии несчастных юнцов. Там рассыпались прахом честолюбивые мечты о подвигах, позволивших бы нам превзойти Нибелунгов, Роланда и Ланселота, поставивших бы нас выше рыцарей короля логров. А у меня даже Изольды нет. И Дюрандала нет. — Он допил эль и утер губы кольчужным рукавом, оцарапав их до крови.

— Что же, все вернулись? — тихо поинтересовался трактирщик.

Рыцарь мутно посмотрел на него, захохотал, махнул рукой:

— Какое там, старина.... Это я один вернулся. А эти болваны по-прежнему барахтаются в песках. Через неделю штурм Иерусалима, будут реветь трубы, будут трещать копья, и кучка упрямых идиотов усердно станет притворяться, что за их спинами — Ронсеваль... Ну и пусть. Сколько угодно. Только без меня. В этом мире нет ничего среднего. Либо подвиг, либо скучная возня. И третьего не дано. А они там четвертый год играют в кошки-мышки с сарацинскими разъездами, жрут самогон из фиников и притворяются, что обрели желаемое, что именно к этому и стремились. И ни у кого не хватает смелости признаться, что ошиблись и обрели

не то, что искали, гонор не позволяет им вернуться, упрямство заставляет ломать комедию дальше, дальше... Ну и черт с ними. Никогда не поздно прозреть и поумнеть. Плевал я на их проклятый песок... Держи.

Он швырнул на стол горсть диковинных монет. Рисунок на них был странный, чужой, невиданный, но трактирщик попробовал одну на зуб и успокоился — настоящее полновесное золото. Рыцарь сгрел в охапку меч, шлем, щит, узел с чем-то тяжелым и направился к двери, роняя то одно, то другое, подбирая с чертыханиями. Все молча смотрели ему вслед.

Трактирщик, кланяясь, подвел худого рыжего коня, помог приторочить к седлу доспехи и узел с добычей. Над ними было густо-синее кентское небо, вдали белела старая римская дорога, зеленели сглаженные временем холмы.

Рыцарь не сразу взобрался на коня. Он стоял, пошатываясь, положив руку на седло, смотрел на юг, и в глазах у него была смертная тоска.

СОДЕРЖАНИЕ

КАВАЛЕРИЙСКАЯ БЫЛИНА	5	
ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ГЕПАРДЫ	53	
...И ЛОВИЛИ ТАМ ЗВЕРЕЙ	161	
РАССКАЗЫ		
Последний вечер с Натали	228	
Костер на сером берегу	234	
Как рыцарь средних лет собрался на дракона		241
Планета по имени Артемон	254	
Пересечение пути	258	
Ваш уютный дом	264	
Домой, где римская дорога	268	

ИБ № 6617

Бушков Александр Александрович

ДОЖДЬ НАД ОКЕАНОМ

Заведующий редакцией **В. Щербаков**

Редактор **О. Завьялова**

Художник **Е. Вельчинский**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Г. Прохорова**

Корректоры **Н. Хасаия, В. Назарова**

Сдано в набор 28.02.90. Подписано в печать 11.09.90.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага кн.-журн. имп. Гарнитура «Лите-
ратурная». Печать высокая. Условн. печ. л. 11,9. Условн. кр.-
отт. 12,25. Учетно-изд. л. 12,5. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 80 к.
Зак. 1055.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, Сушевская, 21.

ISBN 5-235-01042-6

1 р. 80 коп.

Дождь над Океаном



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ф
С
А
О
Н
В
Т
Е
А
Т
С
С
Т
К
И
О
К
И
И